



*Галина Константинова*

*Перевернутая  
чаша.  
Рассказы.*

16+

# Галина Константинова

## Перевернутая чаша. Рассказы

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=56554427](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56554427)*

*SelfPub; 2021*

### Аннотация

Повесть «Перевернутая чаша». Глеб Корнаковский – бывший советский журналист, эмигрировавший в Израиль. В небольшом городе он собирается провести несколько встреч с молодежью. В местной редакции он знакомится с девушкой Полиной, которая увлекает его рассказами о некоем братстве. С этого момента начинаются приключения и реальность приобретает совсем другие черты...

Рассказы. Рассказы – в основном это мини-зарисовки жизненных историй, с элементами мистики или абстрактных размышлений.

# Содержание

Перевернутая чаша	4
Часть 1	4
Часть 2	13
Часть 3	21
Часть 4	36
Часть 5	55
Часть 6	65
Часть 7	91
Часть 8	102
Часть 9	108
Часть 10	115
Гамбургские гастроли	119
Женитьба Пьеро	127
Ромашки рассыпались по дороге	130
Индифферентность	140
Лиловый фрак	166
Обратная сторона луны	191
Синица в небесах	207
Уральский чардаш	251

# Галина Константинова

## Перевернутая чаша. Рассказы

### Перевернутая чаша (*антинаучная фантастическая повесть*)

#### Часть 1

Глеб привычно откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Он устал, хотя дорога было тем состоянием, в котором он хотел бы находиться всегда. Но такова доля журналиста – находиться в состоянии движения. Он по-прежнему любил Россию, несмотря на десятилетнюю эмиграцию, внимательно следил за событиями всеми доступными средствами.

Наша родина там, где красивые облака, вспоминал он фразу безродных космополитов, да, верно, но в калейдоскопе мелькающих лиц, городов, пейзажей, шумных аэропортов и вокзалов невидимым крылом птицы чертит знаки мысль об утраченном. Он вспомнил свой отъезд в Израиль. Все про-

исходило на фоне суетливого страха наступления диктатуры. Многие собирались, чуть ли не тайно, даже не перезванивались по телефону. Ему, который специализируется на криминальных темах, в основном коррупцией в правоохранительных органах, мягко намекали, что придётся отныне попридержаться резвое перо. Ничего конкретного, просто намёки. Внезапно он подумал, что каким-то образом все-таки предал Россию – своим страхом. Одновременно и наметился разлад в семье. Поэтому в Бен-Гурион он прилетел один. Но каждый год старался встретиться с повзрослевшей дочкой, благо еврейские организации постоянно его приглашали.

Вот и сейчас он летел в небольшой город, к своим жаждущим его лекций слушателям, и смутные предчувствия новых встреч окутывали теплом. Он знал, что и в глубинке встретит людей, которые не стали массой, скованной рамками провинциальности. К тому же он намеревался убить сразу двух зайцев.

Неспокойные времена на земле обетованной диктовали свои условия. В местной типографии он намеревался заказать тираж своего альманаха, возможно, договориться о долгосрочном сотрудничестве, и найти человека, который будет поддерживать связь между ним и издательством.

И всё-таки нужно немного поспать, подумал он вяло, пытаясь прекратить мыслительный процесс. Собственно, всегда так и происходило – обдумывание в дороге, расслабление, а по вступлении на твердую землю он разворачивался

подобно пружине и даже сам удивлялся своей энергии, которая переполняла его.

Раз не спится, посмотреть хотя бы в иллюминаторы. Было раннее утро. Розоватая пелена облаков не давала видеть того, что было внизу. Но иногда происходил обрыв этого воздушного одеяла, и Глеб видел деревеньки и распаханые поля, появляющиеся, словно островки, в зелёно-рыжем море лесов. Окружающие мирно подрёмывали, тихая музыка убаюкивала, подобно прибою, да, все будет просто отлично, успел вставить нужную мысль засыпающему сознанию Корнаковский...

В аэропорту его встретил представитель агентства, Борис Гельман, слегка суетливый невысокий сорокалетний человек, с серыми чуть выпуклыми глазами. Он беспрестанно поправлял очки, и немного, как показалось Корнаковскому, стеснялся своей непредставительной машины.

– Да это ничего, я вас отлично понимаю... Разве это главное, – Глеб блеснул своими болотно-карими глазами, запахивая расстёгнутую было легкую куртку на брюшке. Немного прохладно, автоматически отметил он про себя.

– Гостиница у нас так себе, хотя и считается неплохой... Но мы стремимся...

Сложная штука – провинциальность. Не географическое понятие, а внутренний дискомфорт. Вот и этот Борис, стесняющийся неизвестно чего. Сразу видно, что всю жизнь тру-

дится на благо общества в образовательной сфере, что-то типичное, а уж у меня глаз намётанный, думал Корнаковский, помогая ему закидывать свой видавший виды чемодан в багажник. Наверное, детишек тянет изо всех сил, жене помогает... Местечковость... Да нет, уж очень я строго. Должны же быть какие-то традиции, не всем же летать с места на место... Они уже сели в машину и поехали. Пока шел унылый пейзаж пригорода.

– ...сначала легкий завтрак, потом знакомство с городом. У нас тут, правда, небогато, но кое-что есть. Вот музей рекомендую...

– Типа ИЗНАКУРНОЖ?

– А? Ну, нет, так бы я не сказал... Все гораздо прозаичнее... И котов, рассказывающих сказки, у нас нет... Ну, сами увидите... Потом обед, а ближе к вечеру лекция ваша. Предупреждаю, много молодёжи. Интересуются. Кстати, вы не подумайте, они у нас очень разносторонние. В Интернете сидят часами, чего только не найдут там. Очень скептические и практичные. Мы были не такими... Ну, да что вспоминать. Вам вот сколько лет?

– Сорок пять.

– Почти ровесники. Я вот гляжу на молодых, и грустно, и забавно на них смотреть. Книг много читают... Но не то, что читали мы.

– Это же естественный процесс. У меня дочка в Петербурге, ей двадцать два, совершенно определившийся внутренне

не человек. Кто мы были в таком возрасте? Студенты, слушающие подпольно, а потом и открыто, рок. Я вот вовсе маленьким сыночком рос. Помню, в общежитие к своим зашел однокурсникам, они меня на смех подняли – я совсем не знал каких-то элементарных вещей. А Машка у меня замуж не торопится, карьеру, сначала, говорит, надо сделать. Бойфренды, друзья, тусовки – это только часть жизни. Да, мол, хочется любви долгой, если не вечной, а что делать-то – и кушать хочется, и машину хочется, и путешествовать хочется. Некогда, мол, слушать Петю-студента с его рассказами о светлом будущем...

...Наконец, стали появляться пятиэтажки. Серо, серо, отмечал Корнаковский. Ну что я смогу здесь нового почерпнуть? Остаются только люди. Какая-то зажатость чувствуется в этом Борисе.

– Вы бывали за границей, Борис?

– Э... к сожалению, очень давно, в студенчестве.

– А сейчас что же мешает? У вас ведь полная демократия, никаких железных занавесов.

– Причина, как Вы догадываетесь, весьма банальна. Хочется, чтобы те скромные средства, которые я имею, пошли на пользу моим детям.

– Так я и думал. Извините великодушно... Долго еще ехать?

– Минут двадцать до центра. Вы не смотрите, что мы про-



винция, у нас все есть.

– Вот привычка... Оправдываться. Да я верю, верю. Я почитал про ваш город. У вас все атрибуты если не центрального города, то довольно крупного. Давайте уже общаться на равных, прошу вас. Чем быстрее мы перестанем обращать внимание на внешние признаки, определяющие наше положение, тем лучше. Я ведь не банкир какой-нибудь, просто журналист. Когда-то, кстати, был довольно перспективным – в России. Был едок и злободневен, а сейчас... Про культуру пишу, да так, что под руку попадет. В основном по стране езжу, тут вот новеллы задумал издать. Кстати, нет ли у вас знакомых в издательстве, не припомню, как называется...

– «Комета». Есть, разумеется. У моей дочки там подруга работает. Вернее, она в местной газете работает, «Губернское слово», такая газета у нас, они там все в одном месте расположены, кадры почти одни и те же.

– А кем эта подруга работает?

– Да журналистка. Очень бойкая девица. Палец в рот не кладет. Она рубрику культуры ведёт, так что все тусовки богемные посещает. И мою туда же тянет. Я сначала сопротивлялся, но, в принципе, там люди всё-таки приличные. Нюх у этой Полины... На людей. А вообще она со странностями. Иногда впадет в какую-нибудь идею – и пропагандирует.

– Мне кажется, это довольно интересный человек, во всяком случае, для меня. Я хочу туда попасть завтра, надеюсь, вы предварите мой визит и поспособствуете знакомству, так

сказать...

– Да нет проблем. Сотовых телефонов, к сожалению, не имеем, а то можно было прямо сейчас позвонить. Кстати, мы подъезжаем.

Улицы прямые, но грязные. Весна, еще ничего толком не убрано. Глеб знал, что у русского человека все происходит аврально. Мусорили, мусорили всю зиму, а потом весной р-р-раз и махом убрать всю накопившуюся грязь. Он и сам помнил эти субботники, когда чувство гордости переполняло мальчишеское сердце. Вот, мол, кто-то эту грязь развёл, а я бескорыстно её убрал.

Что не мешало кинуть бумажку мимо урны – но на другом участке. Поколение дворников, воспетое БГ, большей частью занималось духовным очищением и самокопанием в тёмных уголках своей души. А что там в этих душах было-то? Он отчётливо припомнил дух питерского андерграунда, дымно-портвейновое философствование, какой-то почти революционный настрой.

Интересно, а сейчас это есть в России? Перемен, хочу перемен, бесконечно хотели перемен. Пришли перемены. Он никак не мог понять, *что* дали эти перемены. Он глядел на пестрящие вывески. Все первые этажи в центре были заняты магазинами. Пожалуй, в рекламе произошли перемены. Никогда раньше провинциальные города не были так разукрашены. Коммунистические лозунги не в счёт. Да нет, впол-

не элегантно, красиво даже. Город просыпается, машины наполняют улицы подобно трудолюбивым муравьям. Вот она, безликость, все как везде, сколько он ездит по СНГ, по крупным и средним городам, везде одно и то же.

Реклама обезличивает. Она закрывает лица зданий, превращая их в сплошной плакат. Именно зданий, которые могут подчеркнуть индивидуальность. Чем центральная улица отличается от таких же центральных в других городах? Да ничем. Сейчас еще и обертки одинаковые...

В просторном холле гостинице Корнаковский развалился в уютном кресле. Он чертовски устал. Борис засеменил к администратору, чтобы всё уладить. Скорее в душ, смыть себя всю грязь, нетерпеливо думал Глеб, вытирая платком вспотевшую лысину. М-да, уже староват стал. Ничего, ничего, это все последствия борьбы со страшным вирусом, как его любят в Росси называть, ОРЗ, так, временная потеря иммунитета, витамины нужны и спокойствие. Но покой нам только снится...

Борис проводил его в номер, обещая заглянуть минут через сорок. О'кей, о'кей, что-то уже хочется побыть одному. Эти странные перепады в настроении последнее время немного пугали Глеба, он всегда тянулся к общению, жадно впитывая каждое слово собеседника. Бытоописатель... Да, именно люди его интересовали более всего, их быт, их повседневная жизнь. Конечно, он иногда писал и политические статьи, в основном про права своих соплеменников, наруша-

емых в других странах. Собственно, это был основной источник его доходов, поэтому ему приходилось переписываться с множеством людей, чтобы держать руку на пульсе умонастроений во многих странах. Но Россия, сколько её ни изучай, как о ней много ни знай, всё равно остается весьма туманной страной.

Вроде и сам в ней жил, а чуть нога за порог – и связь становится тоньше шелковой нити. Информации много, а воедино склеить не можешь. Да ладно. Сегодня поговорю с людьми, посмотрю, что за вопросы они здесь задают. Да и так ли это важно – собрать все в единую логическую цепочку? Надо прочувствовать настроения, именно так...

## Часть 2

Полина сидела за своим столом и сосредоточенно подпиливала ногти. Скоро вызовет шеф, опять будет мило улыбаться и читать мораль. Что пора бы, деточка, взяться за ум, не позорить его седую голову, не шататься по всяким поэтам и пр. Как отец родной, честное слово! Вообще, какое право он имеет диктовать.

Отца у Полины, как говорится, сроду не было, мать воспитывала одна, экономя каждую копейку и стремясь дать хотя бы образование. Полина смотрела на ее потуги благосклонно, но в душе иногда жалела, что та была так непрактична. А сама-то она?

В редакцию она пришла после филфака, быстро освоилась благодаря открытому и общительному характеру. Только позже научилась быть иногда язвительной и перечить начальству. Но редактор был к ней благосклонен и многое прощал. Кроме профессиональных промахов.

Тема культуры была ей интересна, только вот сегодня что-то не клеилось. Ну ни одной мысли в голове! А надо писать рецензию на вчерашний спектакль. Довольно жёсткая пьеса, весь смысл которой сводится к тому, что наша жизнь сплошное дерьмо. Мы и так это знали, что же усугублять. Все-таки это тебе не классика. Там тоже любая фраза актуальна, а не коробит. И даже длинные фразы, выписанные правильным

русским языком, слушаются на одном дыхании.

Она написала первые предложения. «Наконец-то и я выбралась на спектакль, о котором столько было криков на всех поворотах. Публики было действительно много. Да и игра актёров, в общем-то, на должном уровне. Как говорится, на аплодисменты они выходили много раз. Что же не понравилось, спросите вы? Спектакль рассчитан, как мне показалось, на молодую аудиторию. Главный герой – спившийся человек, привыкший к изысканному слогу, который не портят идиоматические выражения. Все плохо, все плохо в нашей стране, сплошной дурдом, а в дурдоме уникальные личности, не нашедшие себе должного применения в реальном мире. Помилуйте, господа, мир всегда был жесток. А реакция публики на резонерство и откровения большей частью обозначалась смехом. Но во многих случаях смеяться нельзя!».

Что-то очень пафосное получается, подумала Полина. Надо что-то такое написать, чтобы эти снобы подавились, прежде, чем успели проглотить. Потом её мысли стали двигаться в другом направлении. Сегодня вечером она должна пойти с Джеки в ресторан.

Евгений был её тридцатилетним любовником, весьма ограниченным в своих познаниях литературы, но щедро одаривший её своим вниманием. Они встречались нечасто, так как бизнес и семья поглощали почти всё его время. Встречи всегда носили строго запланированный характер.

Собственно, человек в городе он был известный, наверное, и жена все прекрасно знала. Но молчала. Полина явно выигрывала во внешности. Стройная, с длинными ярко-рыжими волосами, она сразу привлекала внимание мужчин. При этом она была умна и небрежна, могла резко оборвать на полуслове, если чувствовала, что её активно домогаются.

Джеки она терпела исключительно за то, что он практически ее содержал. Машину купил, правда, не *крутую*, ну так, хоть мать до дачи подбрасывать да по городу ездить. Правда, Джеки был очень вспыльчив и обидчив, а иногда откровенно скуп. Но и тут она научилась управлять им. Тоже сразу вставала в позу обиженной девочки, надувала губки, становилась холодной и равнодушной.

Любовь... Она запретила себе это, странно-циничным взглядом помогал ей выжить. То ли ранняя, безответная, любовь так подействовала, то ли быстрое схватывание науки ловко манипулировать мужчинами с помощью своей внешности, то ли всеобщая сексуальная революция.

В душе она оставалась идеалисткой, почти тургеневской девушкой, а в реальной жизни приходилось наступать на принципы и идти на компромиссы. Над этой довольно банальной и типичной ситуацией треугольника Полина предпочитала не размышлять. Каждый из троих имел свой интерес, а кардинальное изменение существующего положения никому не было выгодно. И, как это ни противно было думать Полине, фраза «кто платит, тот и девушку танцует» аб-

солютно точно отражала действительность.

Джеки пригласил ее сегодня в ресторан, так что надо разгуляться на полную катушку. В последний раз он был какой-то странный. Бесконечно задавал вопрос, не скучно ли ей, не хочется ли чего-нибудь необычного, экстравагантного, она с перепугу подумала, что он решил проявить нетрадиционность в сексе, но нет, он что-то другое имел в виду.

Интеллектуальные разговоры с местными поэтами – хорошо, но иногда утомляет. Она и сама писала стихи, но никому их не показывала. Вернее, никому не говорила, что это её стихи. Кто-то хвалил, кто-то ругал. Романтизм души не хотел мириться с реализмом жизни и выплескивался в неумелые рифмы.

Ну вот, ногти почти в порядке, отбросила она пилку, как вдруг зазвонил телефон. Что-то рано все проснулись. Это была давняя подружка Света.

– Полинка, привет! Как дела? Слушай, что я звоню. Тут у отца товарищ приехал, вернее, не товарищ, ну, помнишь, я тебе рассказывала, культурный клуб у нас есть, сегодня лекция вечером, может, тебе интересно будет? Глеб Корнаковский, он тоже журналист. Кстати, он издательством интересуется, может, сможешь ему, у тебя ведь там связи.

– Милая, у тебя какие-то устаревшие понятия. Сейчас все деньги решают. Но, собственно, дело не в этом. Я сегодня в ресторан с Джеки иду. Он какой-то торжественный был, сказал, что сюрприз готовит. Уж не со своей ли жёнушкой



решил расстаться и мне предложение сделать?

– И что, согласишься?

– Ой, мне ж всего двадцать пять, я что, ненормальная? Выслушивай потом, как он своих детишек любит, сопли его подтирай... Не, я не способна. С ним и так как на вулкане, того и гляди, с крючка сорвется.

– Отчаянная ты, Поинка, крутишь-вертишь мужиком, как хочешь, и все недовольна. Значит, не придешь? Он завтра к вам собирается.

– Пусть подкатывает. Ничего хоть товарищ-то, сколько лет?

– Сорок пять.

– Потянет.

– Ты что, с ним заигрывать собралась?

– Да нет, что ты, как ты вообще могла такое подумать! Я же отличаюсь примерным поведением и чистотой дружеских отношений. Ладно, пусть подходит, я постараюсь ему помочь.

Надо всё-таки писать эту рецензию. Стало как-то тоскливо от предстоящей встречи. Хорошо, что хоть в душу Джеки не лез. Когда она начинала делиться с ним впечатлениями от вновь прочитанной книги, он старательно отводил глаза и слушал. Скорее всего, делал вид, что слушал. Впрочем, его мало волновали ее фантазии. И это Полина хорошо понимала. Его интересовали в основном способы *деланья* денег. Бизнес его процветал, но требовал напряжения. Он обычно

заказывал номер в гостинице, где его хорошо знали, и честно пытался расслабиться. Это походило на какую-то обязанность, которую он исполнял почти без вдохновения. Наверное, он ее любит, да и она к нему привязана. Но, как лейтмотив, в их встречах всегда стучит «не то, это совсем не то, это просто уступка жизни, это просто период боязни одиночества, это *принимание* жизни такой, какая она есть».

– Гудаева, к шефу! Дождалась, милая, давай, он сегодня что-то не в духе, – включился голос секретарши по внутренней связи.

– Есть! – встрепенулась Полина, взлохматила волосы и мельком посмотрелась в зеркальце.

Максим Петрович был стареющим ловеласом. Поэтому любил окружать себя хорошенькими девушками. Сегодня его уже *завёл* звонок из городской администрации. Опять пропустил статейку с некорректными намёками. Но если не зажигать публику пикантными подробностями, как же выжить. Жизнь провинциальная так скучна, что, если не радовать публику маленькими скандалами, и вовсе захиреет газета. Он очень дорожил тем, что иногда выдавался случай сказать в «Губернском слове» что-то острое и неудобное.

Приходилось лавировать между учредителями и рекламодателями, хотя... В принципе, ему это удавалось, благодаря задекларированной свободе слова. Работать по сравнению с советскими временами стало проще, с одной стороны. Но и трудней, потому что четкой линии сверху не было. Мак-

сим Петрович пытался создать иллюзию диалога с публикой, продемонстрировать широту взглядов, независимость суждений.

– Ну что, Полиночка, как у нас культура продвигается?

– Потихоньку, Максим Петрович. Что-то вдохновение не прёт.

– Надо, дорогуша, надо. Что-нибудь уж сотвори.

– Кстати, тут заезжий журналист из Тель-Авива. Может, с ним интервью какое-нибудь сотворить, как вы думаете, Максим Петрович?

– Ммм... Смотри, как бы он какое-нибудь интервью не состряпал. Опять же, вести с театральных подмостков уже мало кого привлекают. Хиреет культура...

– Ну, что Вы так пессимистично.

– Поэты местного пошиба тоже что-то молчат. Кстати, то юное дарование, вернее, не совсем юное, что он?

– Вы о Сашеньке Кочубееве?

– Ну да. Просмотрел я тут его новую поэму. Вести с полей, так сказать. Много патетики, но, наверное, можно будет разместить. Как он там?

– В запое. Но скоро выходить будет. Я ему на днях звонила, депрессия, говорит. Как написал свое бессмертное творение, так и депрессия.

– Ну-ну. Ты сильно не ёрничай, тема очень патриотичная. Русская, так сказать. Не все же о любви и цветах.

– Вы что же, славянофилом заделались? А что, крайне

модно – хвалить все русское, просто вытаскивать за волосы все сколько-нибудь достойное, как Мюнхаузен.

– Нет, Полиночка, русским патриотом. Кстати, не хочешь ли развить эту тему в новейших произведениях наших авторов?

– Давайте что-нибудь одно, я не успеваю за Вашими планами.

– Ладно. Рецензию к завтрашнему дню уж состряпай. Да, и материал про толкиенистов. Что, тусовалась уже с ними, играла в их игры?

– Да было дело. Я ведь фэнтэзи постольку-поскольку интересуюсь. Чтоб беседу поддержать. А фантастику наше поколение мало читает. Уже все написано классиками. Вымирает этот жанр, вымирает.

– Ну-ну. За что тебя люблю, Полиночка, за критический ум. Сильно не балуй с иностранцем, мало ли чего, вдруг его отслеживают.

– Ну что вы такие страшилки рассказываете. Думаете, неровный час, эмигрирую?

– Все может быть. Человек ищет где лучше.

– Мне и здесь нравится. В некотором роде.

## Часть 3

Глеб взял такси и поехал в редакцию. Вчерашняя встреча прошла почти успешно. Но после нее у него было странное чувство, что его засасывает болото. Умненькие мальчики и девочки из хороших семей деловито задавали ему вопросы о подробностях репатриации, вплоть до частных и мелких, какие льготы, пошлины и т. д. Как будто они собрались туда уже завтра. Он хотел им рассказать о памятниках еврейской культуры, они согласно кивали головами, мол, знаем, все это давно известно, а вот как там происходит абсорбция? Сильны ли бюрократические традиции, так замечательно отраженные у Севелы? Много ли времени обычно требуется на изучение языка в ульпане, есть ли надежда на скорое окончание боевых действий, каковы настроения, велики ли шансы найти работу.

Практичная молодежь, думал Глеб, когда он уезжал, он просто пытался вырваться. Дело доходило до мании преследования, мама ехать отказалась, но потом все-таки приехала и осталась. По крайней мере, у него есть дом. Хотя ей всегда грустно, когда он надолго уезжает. Личная жизнь носила скорее спонтанный характер, учитывая его характер работы. Лёгкие и не очень лёгкие романы, такие обыденные, что не хотелось вспоминать.

Вопросы были спокойные, как будто на чашу весов ки-

дались все «за» и «против». Он все пытался спросить их, как они пытаются изменить что-то в своей стране, городе, они загадочно улыбались, мол, нам понятно, к чему ты kloнишь. Но нас так голыми руками не возьмешь. Мы недовольны, но не настолько, чтобы размахивать флагами и разбрасывать прокламации. Увольте, увольте... Это не было сказано, но читалось в глазах. Нет, ничем не расшевелить их. Что дала им эта демократия, ничего в стране с тех пор не изменилось. Еще один передел, еще одна революция, тихая.

В редакцию он вошел, улыбаясь и пыхтя, так как лифт, как назло, не работал.

– Мне бы Гудаеву.

– Это я. Вы, кажется, Корнаковский?

– А вы Полина? Очень рад, сударыня, – Глеб, что называется, автоматически растянул улыбку мартовского кота. Что-то, а с пол-оборота начинать лёгкий флирт он умел.

– О, у вас хорошие манеры! Что ж, я вас провожу, ознакомьтесь с расценками, уж извините, офисы у нас весьма обданные, – что ж, подыграть ему мне совершенно нетрудно, улыбаясь еще более обаятельно, подумала Полина.

– Уже второй день передо мной оправдываются за не столичные номера, грязь на улицах и прочее. Не комплексуйте, Поленька, я все понимаю, – он оглядел небольшую комнатку, в которой местами отставали обои. Было душновато.

– Хотите кофе?

– Будьте любезны... Кстати, а чем в вашем городе можно

заняться вечером? – все очень стандартно, а она довольно милая, продолжал Глеб.

– Да у нас много чем можно заняться. Вас что привлекает? Ресторанчик есть еврейский, с живой музыкой, правда, мне там не приходилось бывать. Стриптиз-бар, – она лукаво взглянула на Глеба, но он нисколько не смутился, – кинотеатры, театры, ну всё как в столицах.

– Ну, а интеллигенция ваша что посещает?

– Вы кого имеете в виду? Вот поэт у нас есть, Сашенька, он дома выпивает, нету денег на культурные развлечения. Сначала водку пил, потом пивом отходил, потом снова водку. Вдохновения, говорит, нет, вот и пью. Гонорар уж, наверное, весь пропил. Да у него спонсоры есть сердобольные. Он им рекламу иногда забвщает, слоганчик, и вот они его и балуют.

– Язвительная Вы особа, лапочка.

– Что есть, то есть, – так, уже и лапочка, валяй, валяй, мы таких видали, этим нас нисколько не удивишь, продолжала улыбаться Полина.

– Ну, а вот Вы, например, куда сегодня отправитесь? – обычный поворот разговора, подумал Глеб.

– Я? Да пока никуда не надумала. А что, есть какие-то предложения?

– Давайте прогуляемся. Вы мне покажите что-нибудь из архитектуры, может быть, познакомите с кем-нибудь из местной творческой интеллигенции? Было бы замечательно. Я в некотором роде писатель, мне интересны аборигены, так

сказать.

– ...да, их обычаи, нравы, особенности национального характера, пьяные посиделки и прочая, прочая...

– Что-то в этом роде, Вы правильно подхватили мысль. Заодно и на брудершафт выпьем, – Полина тряхнула челкой, как бы возражая. – Если позволите, разумеется.

– А вы самонадеянный. Хорошо, позвоню парочке поэтов, организуем встречу.

– Какие напитки предпочитаете?

– Я за рулем. Но местным дарованиям нужно налить водку. Давайте, в шесть часов, у гостиницы, в каком номере остановились?

– Пятьсот тринадцатый. Договорились, чудная леди.

Вот оно мне надо, кокетничать, подумала Полина, когда он вышел. Видно, что довольно умен, глазки, правда, масляные такие, рот чувствительный. Собственно, все понятно, куда клонит, что ж, дополнительная тренировка в кокетстве всегда кстати. Так, с кем же его познакомить? Она полистала записную книжку и наметила две жертвы. Набрала номер. К счастью, Лёня и Иван были в трезвом состоянии. Полемику организуем, решила она, пусть послушает. Ему, наверное, *брутальности* хочется, *вычерпывания* нашей грязи, вот этого и дадим по полной программе. А я потешусь, ничего он не знает в нашей жизни.

В шесть часов она остановила свою «Оку» около гостиницы «Центральная». Глеб переоделся в обыкновенные джинсы



сы и пёстрый свитер. Демократично, подумала Полина, нечего официальность на себя напускать. Сама она предпочитала джинсы любой другой одежде, и сейчас на ней были расклешённые, с эффектом заношенности, тёмные джинсы и облегающая трикотажная блузка с откровенным вырезом. Вся фигура была несколько воинственной и как бы готовой к бою.

– Поленька, добрый вечер. Это Вам, – протянул он стандартный букетик полуувядших роз. Почему полуувядшие, непонятно, ну да что там... она открыла переднюю дверцу, и он плюхнулся. Машина скрипнула, как бы выказывая свое недовольство, и осела.

– М-да, нынче я не юн, и грузен, и лысина блестит...

– Да ладно. Выдержим. Предупреждаю – водки нужно много. И закуски. Отправляемся в магазин?

– Как скажете, прелестница, я полностью подчиняюсь. Как только я Вас увидел, так полностью в вашей власти, – и куда меня только несёт, язык совсем развязался, ну, да что же делать-то, слаб я на рыжих и юных, облизывая пересохшие губы, удовлетворенно подумал Глеб.

– Не торопитесь с выводами, дорогой мой. Цены у нас почти московские, имейте в виду.

– Да я уж заметил. Так недолго свой скромный капитал по ветру пустить.

– А вы думали... – Полина вела машину уверенно, подрезая машины, водители явно были недовольны, кто-то пытался

ся гудеть в знак протеста, но, увидев рыжую бестию за рулем, прекращал.

– Вы лихачка, как я посмотрю.

– Вот и магазин.

Быстро *затарились* горючей смесью с необходимыми атрибутами. Дом, в котором уже томились Лёня и Иван, был самый обыкновенный, пятиэтажный. Лёня, грузный, с кудрявой шевелюрой, радостно причмокнул толстыми губами, вынимая трофеи из спортивной сумки. Иван, худой, с измождёнными чертами лица, сросшимися черными бровями, темными, как спелые вишни глазами, молча принимал еду и расставлял на стол. Водочка «Флагман», нарезки трех сортов, огурчики маринованные, без них никуда; Лёня прямо любовно оглаживал каждую упаковку, что не ускользнуло от взгляда Глеба.

Да, пить в России еще будут долго, если не всегда. А какой без водки разговор, уже и представить невозможно. И по-прежнему революционеры всех мастей будут кричать на всех поворотах, что правительство спаивает народ, чтобы он всем был доволен. Да и радость какая в глазах!

Как у Достоевского – попроси принести человека водки, и обыкновенное радушие переходит в радостную услужливость, так как идущий за водкой человек все равно ощущает некоторую часть вашего будущего удовлетворения. Интересно, я тоже ощущаю это будущее удовлетворение, усмехнулся про себя Глеб?

– Поля, ну ты даешь. Поля у нас молодец, – еще раз повторил Лёня, протягивая мощную ладонь Глебу, – Леонид, можно попросту Лёня, местный поэт, так сказать. Правда, по роду деятельности несколько далёк от высоких материй. Мда, профессии весьма прозаической. Вот, Поля у нас почти ангел-хранитель, оберегает от морального разложения. По убеждениям я коммунист, так сказать, традиционный. Ну, знаете, мы люди старой закалки, все вспоминаем славные застойные годы, наверное, потому, что тогда был творческий взлёт, что делать, не вписываемся мы в новые жизненные условия с нашим менталитетом. А это Иван, представитель демократизма, так сказать... Знаете, единство и борьба противоположностей. Он у нас юн и горяч, мы с его отцом начинали трудовой путь, так сказать. Вы присаживайтесь, у нас все по-простому, гостей мы видеть рады, да еще таких.

– Лёня, не грузи человека сразу. Где у тебя тут тарелки? Опять полная раковина посуды? Вот недаром тебя Вера Александровна оставила.

– Вот, в отцы ей гожусь, а она меня воспитывает. Но терплю. Без Поли как бы мы прожили... Она не забывает, публикует иногда, спонсоров ищет. Хорошая девочка.

– Я вижу, что добрая, – внимательно вглядываясь в Полину, сказал Глеб. Бестия она, кого добром одарит, а кого развенчает, подумал он. Он пытался уловить внутренние связи, которые были между этой странной троицей. Иван почему-то молчал.

– Да... вот собираемся иногда, спорим за чаем о путях России, – хозяйничал между разговором Ленья.

– Понятно. Ну, давайте за встречу. Я ведь тоже когда-то был “ваш”, питерский.

– За встречу, за встречу.

Полина медленно пила сок и наблюдала как бы со стороны. Ей определённно нравился Глеб. В нём чувствовалась освобождённость какая-то. Все принялись закусывать, молчание провисло естественной паузой. Только слышен был равномерный шум хрумкающих челюстей. Глеб прожевался и подлил по второй.

– Ну, хорошо. Расскажите, чем вы тут живете, нам, как говорится, *за бугром* это интересно.

– Демократия под угрозой, – вдруг сказал Иван.

– А в чём это выражается? – заинтересованно взглянул на него Глеб, – Давайте выпьем, и вы мне всё расскажете подробнее.

– Вы что, думаете, у нас тут всё отлично? Пресса какая стала, почти жёлтая. Ругают, ругают, копают, копают – а потом журналистов убивают. Правда, у нас здесь довольно тихо. Не как в Москве, там похоже на американские боевики.

– Но ведь раскрывают, – нащупывал мысль Глеб.

– Это лишь вершина айсберга. Всё равно до конца мы ничего не узнаем. У нас имитация демократии. Демократия прикрыта ложью как манекенщица новой тканью.

– Дорогой мой, это всегда происходит, – Глеб закурил

сигарету. Да, твоя голова здорово замусорена пропагандой, юный мальчик, продолжал наблюдать он. – А вы что предлагаете, революцию? Нечаевщину развести, террор, прокламации? – Глеб хотел, чтобы Иван развил свою мысль.

– Нет. Революция – это никому не нужно. Разве что коммунистам, – кивнул он в сторону Лёни.

– Что же тогда?

Иван вопросительно посмотрел на Полину. Глебу показалось, что она легонько ему кивнула. Щёки его покраснели, то ли от совсем небольшой дозы выпитого, то ли от смущения. Глеб даже залюбовался его юношеским задором, когда-то и я был такой максималист, а теперь просто как провокатор, даже стыдно, притворно укорил он себя.

– Наша задача – не выбиться из колеи всемирной истории. Мы против террора, ведь есть другие, мирные пути... Мне бы не хотелось широко развивать эту тему, – будто спохватился Иван, заметив приподнятую бровь Полины.

Глеб, кажется, начинал понимать, что она имеет на Ивана какое-то влияние. Лёня задумчиво мял хлебный шарик, впадая в смутное опьянение. Иван пил совсем мало, стал каким-то вялым, вдруг неожиданно встал и попросил простить его, так как ему необходимо было отправляться домой.

Нервность какая-то в нём, боится он Полины, это точно, но ведь и влюблён, это тоже практически не требует доказательств, ах, молодость, всё более проникаясь к нему симпатией, думал Глеб. Вспомнилась ему вдруг лекция од-

ной очень старой, интеллигентной дамы из университета, она рассуждала, в чём отличие человека, который пишет, от других представителей творческих профессий. Писатель, говорила она, должен описывать действие. Действие души, прежде всего. Мысль-то не новая, Лессингом еще высказанная. Да, и писатель должен *наблюдать* действие души, если он хочет чего-то понять в окружающем его мире. Выстроить внутренние связи, найти тайные логические цепочки.

«Кажется, я начинаю хмелеть, всегда у меня так, чуть хмель в голову, и уже пытаешься увиденное запомнить и записать... Ведь вредно это, брать реальных людей, хотя...» – мысли уже перепутывались у Глеба в голове.

– Ну, что-то Вы рано, молодой человек, только начали развивать тему, и вдруг, – Глеб был недоволен, что Леня соловел на глазах, а разговор почти не получился. – Поленька, так нечестно. Удержите Вашего юного друга, мне интересно.

– Господин Корнаковский, он вряд ли что может вам рассказать подробнее. Давайте уж на брудершафт, эй, Лёня, не спи, замерзнешь, – она сверкнула глазами и прямо посмотрела на Глеба.

– Целоваться будем? А как же правила дорожного движения?

– А я чуть-чуть. Самую ма-алость, – она, посмеиваясь, протянула ему налитую рюмку, и они, расплескивая, выпили на брудершафт.

Ваня стоял в дверях кухни. Глебу пришло в голову, что Полина тоже годится ему в дочки, она чуть старше Маши. Распустился, подумал он, расслабляясь, но женщина эта мне нравится. Ванечка, ну что ты стоишь, смотришь, как истукан, просверлил глазами он жалкую худощавую фигурку. Вот так и бывает, молодые и красивые женщины предпочитают нас, лысых и толстых, пиши, Ванечка, стихи, но пока ты встанешь на ноги, пройдет время. Жалко мне тебя, юноша, вижу, что трепещешь, а ничего поделать не можешь, в её ты власти, вытворяет она, что ей в голову взбредёт, вот такая она...

Эх, опять я за своё, кокетка старая, думала Полина, вытирая губы после поцелуя. Пора, однако, уезжать, пока он не наакался... Он мне еще пригодится, он мне нужен для дела. А какие дела с пьяным.

Глеб смотрел на неё замасленным взглядом. Похотлив, автоматически отметила Полина, что же с вами, мужиками, делать, всё об одном. Ванечка, ну не смотри на меня так, так нужно, она бросила умоляющий взгляд на Ивана, быстро сменившийся, однако, строгим, дополненным волной изогнутой брови.

– Ну, я вижу, все уже дошли до кондиции. Ваня, помоги мне транспортировать Глеба.

– Я с-сам, я вполне транспортабелен и управляем, Поленька, деточка моя, куда ты меня так грубо тащишь?

– Глеб, ты, кажется, выпил совсем немного.

– Я вообще много не пью. Может, водка некачественная, я читал, в России бывает водка плохая.

– А ты привык пить что? Коньяк французский?

– Т-ты так не язви, деточка моя...

– Язык заплетается. А вот у меня нет. Я ещё стихи могу декламировать.

– В-вот этого не надо, увольте, сударыня... Стихи собственного сочинения?

– Что-то вроде.

– Литература мертва, друг мой, и дата смерти её покоится в девятнадцатом веке.

– Погоди, ты ведь, кажется, тоже что-то пишешь.

– Журналистика, милая моя, это совсем другая дефиниция. Да, у меня есть новеллы, это скорее не художественная литература, некий сплав журналистики и еще чего-то... Когда-то я хотел стать писателем, настоящим, кстати, тогда это было довольно престижно, ну, быть членом союза писателей, льготы, привилегии, но дело не в этом. Я просто подумал – ведь если я писатель, я должен своего героя куда-то вести. Ну, годы были такие, как принято говорить, застойные... И вот, я подумал, и куда я его поведу – в большую задницу, что ли? Литература умерла, она перестала быть рупором общественной мысли, остается только журналистика.

– Ну, Глеб, ты меня насмешил... Я ведь тоже в некотором роде журналистка. Ты уж выражайся точнее, может, я пойму.

– Извини, милая... Конечно, это литература, очерки, ты



меня осторожней тащи, у меня еще завтра встречи, – речь Глеба становилась все бессвязней.

Иван молчал, поддерживая его с другой стороны и открывая ногой двери. Машина капризно не заводилась. Чёрт, про себя ругнулась Полина, когда она садилась за руль, полностью превращалась в амазонку. Она кивнула Ивану, мол, довезу сама.

– Не грусти, Ванюша, всё будет отлично. Там помогут, да и не поздно ещё. Я тоже не предполагала, что он так быстро отключится.

...Тихо проезжали они по вдруг опустевшим улицам. Глеб как-то незаметно отключился и похрапывал. Полина нервно закурила сигарету, глядя на оползающее на сиденье тело. Внезапно перед глазами возник красный свет светофора, и она резко затормозила.

– А? Поленька? Задремал, извини... Где это мы, я что-то не узнаю.

– Всё отлично, продолжай спать, я тебя доставлю в целости и сохранности, – она улыбнулась вымученной улыбкой.

Подозрительно все это, мелькнуло в голове у Глеба, ну, да ладно... Не спецслужбы же меня хотят похитить в лице этой милой девушки. Заботливая какая... Я напился как свинья, совсем распоясался...

– Поленька, ты такая заботливая, позволь ручку облобы-

зять... Я знаю, что ты скажешь... Напился, как свинья... с-  
стоп! Я хочу угостить тебя шампанским, останови, кажется,  
магазин.

– Может, не надо?

– Надо, чудушко мое, надо, моя душа требует шампанско-  
го... Я хочу говорить тебе комплименты и пить за твоё здо-  
ровье.

– Ладно, давай я сама куплю, а то еще в милицию заберут.  
Потом оправдываться, еще чего-нибудь потребуют. У нас тут  
строгие милиционеры, подчас не знаешь, что от них ожи-  
дать.

Пока Полина заходила в магазин, он снова задремал. Она  
мягко тронулась с места, и он не проснулся. Слава Бо-  
гу, немного отключился. Это что-то с чем-то, ужас просто.  
Пусть поспит. Городской пейзаж стал сменяться редкими до-  
мами, и Полина облегченно вздохнула. Фары нервно обша-  
ривали пустынную дорогу, и наступило расслабление пусто-  
ты. Она стала выжимать скорость под сто, уверенно сжимая  
руль. Только бы не проснулся раньше времени, я уже устала  
болтать всякий вздор. Она словно срослась с рулём, взгляды-  
ваясь в темноту. Включила радио. Обычная болтовня впере-  
межку с бездарными текстами. Что-то вроде «стрелы твоих  
бровей впиваются в мое сердце, где твои глаза обволакивают  
меня». Сплетни провинциального городка. Ой, насмешили,  
в этом году по прогнозам местных уфологов предполагается

прилет инопланетян, которые уже провели разведку с помощью своих посланцев, и в этом году нужно ожидать официального контакта.

Не проскочить бы поворот, вот речушка, ага, сейчас, за деревней, мигающей радостными глазами окон, сейчас, сейчас... Неприметная дорога поворачивала направо, со всех сторон подступал лес, нехотя расступаясь перед машиной. Вот и ворота. Как можно мягче Полина затормозила.

## Часть 4

– Глеб, приехали, – немного грубо, тормозила она его плечо.

– А? Где мы?

– У меня на даче. Проветришься, подышишь свежим воздухом, а завтра обратно, тут недалеко от города. Я не могла тебя везти в гостиницу, ты страшно буянил.

– Я? Страшно буянил? Извини, Поленька, я давно так не пивался. Не знаю, что со мной произошло, я, надеюсь, не сильно ругался?

– Э... да нет. Только Ванечку чуть взглядом не просверлил. Бедный Ванечка, он так смотрел нам вслед. Давай, я тебе помогу. Сейчас умоешься водой ключевой, и завтра будешь как огурчик.

– Да-да... и всё-таки, зачем ты меня сюда привезла?

– Влюбилась без памяти, знаешь, любовь с первого взгляда называется. Твои болотные глаза меня стали преследовать повсюду, словно русалки к себе зазывали, я не нашла ничего лучшего, как похитить тебя, чтобы наслаждаться любовью с тобой всю ночь.

– Ты это серьёзно? – Глеб схватил её за руку и развернул лицом к себе. В темноте её глаза были совсем темными, ничего было не понять, незаметно он ощутил восторг, поднимавшийся откуда-то снизу, мурашками передёргивая тело.

– Успокойся, я пошутила. Пошли в дом.

– Поленька, ты просто чудо.

– Я это знаю. Не отвлекайся.

Они зашли в обыкновенный дачный домик. Небольшая веранда, простой стул и четыре табуретки. В углу поблескивали ведра, запыленные чашки и стаканы толпились на столе, словно пассажиры на перроне в ожидании приближающегося поезда.

– Электричества нет... Вот досада. Только через месяц дадут. Где-то тут свечки были, погоди...

– Как романтично, ты и я, при свечах. Стой, у нас ведь есть шампанское! Ты знаешь, когда мужчина хочет выпить шампанского, это значит, он почти на грани любви! Поленька, как это странно, я встречаю тебя в этой глуши, ты совсем не приспособлена жить в провинции, ты такая...

– Какая, дорогой?

– Ты... Очаровательная, сногшибательная женщина... Я уверен, что ты талантлива во всём.

– А кто не захотел слушать мои стихи? Ай-яй-яй, – шутливо пригрозила она пальчиком, высвобождая из его пьяных объятий, одновременно соображая, куда могла запропасться свечка.

– Придётся идти за фонариком, сиди здесь, не вздумай кричать, собаку сторожа разбудишь.

– Мы что здесь, инкогнито? Ты прелестница, похитила израильского журналиста, сейчас все с ног сбились, проверяя,

куда я мог исчезнуть.

– Все гораздо проще, мой друг, только суть дела я тебе объясню позже, когда ты станешь несколько более трезв.

Она вышла из дома и подошла к машине. Вынула ключ зажигания и сунула его в карман джинсов. В бардачке нашла фонарик. Собственно, можно печку растопить, правда, дым будет виден. Про сторожа она наврала, и про собаку тоже. Нужно сделать что-то, чтобы немного привести в чувство этого алкоголика. Кто знал, что он подвержен этому злу. Она вернулась в дом, светя фонариком. Глеб сидел, не шевелясь, что-то шепча губами.

– Что с тобой?

– Поленька, – прошептал он одними губами, – стой, где стоишь. Посмотри на противоположную стену.

– Ну?

– Глаза.

На стене медленно растворялось изображение двух неподвижных флуоресцентных глаз.

– Ты видишь это? – испуганно шептал он, – они исчезают...

– Ну, вижу. Исчезли ведь. Может, ведьмы прилетали, оставили на память.

– Поленька, ты что, смеешься? Что это, расскажи мне, ради всего святого, Поленька, милая, в какую историю я попал?

– Успокойся, успокойся, я тебе чуть позже все объясню.

Ты, кажется, хотел шампанского, я тут свечку нашла, смотри, как все замечательно.

Она пытается меня успокоить, значит, что-то не так в этом похищении. Или всё-таки успокоиться, наслаждаться жизнью, в конце концов, может, мне просто померещилось. А она просто успокаивает меня.

– Да, давай выпьем за то, что ты такая добрая, Поленька! Я рад, что встретил тебя, такую замечательную и красивую.

– Как много лишних слов.

– Поленька, мы совсем мало знакомы. Знаешь, когда я уезжал из России... Я это сейчас, с тобой вдруг понял, как позорно я бежал... У меня есть дочь, была жена, я всё бросил и бежал. Вот я смотрю на тебя, я посмотрел на твоих друзей, они тебя любят, ты о них заботишься, и мне хочется просто стать лучше. Ведь что такое моя жизнь. Вечная дорога. Я горжусь, что я в дороге, но иногда так хочется, чтобы было что-то постоянное. Я смотрю на вашу жизнь, у вас есть какие-то корни.... Наверное, очень сбивчиво... Поленька, страна, из которой я бежал десять лет назад, была сплошное дерьмо.... Ой, извини, я страшно напился, корю себя за это, но не могу не пить шампанское, ведь ты рядом.... Какой я стал лиричный. Поверишь ли, Поленька, с тобой я чувствую себя моложе на десять лет, как будто я тот, бывший гражданин родины, которую унизили, я смотрю на ваш город, и чувствую, что все свыклись, смирились с этой жизнью,

никто не хочет перемен, все привыкли к страху.

– Это не так, милый Глеб, – вдруг засмеялась Полина, – с чего ты взял, что мы тут чего-то боимся? Это вы выходили на танки и защищали демократию. Сейчас это просто невозможно, пойми. Ваше поколение благополучно устроилось, не все, конечно, а мы, молодые, просто не помним социализма, нам уже досталась перестройка и перевернутые понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо. Мы не пойдем разбрасывать прокламации, мы не революционеры, что ты.

– Постой... Неужели вас всё устраивает в этом порядке вещей? Читала ли ты Достоевского? Мне кажется, в России сейчас полный разброд в умах, и стоит только появиться какой-то силе...

– Наоборот, нет никакого разброда, есть оформленные цели. Мы хотим жить так, как мы этого заслуживаем, и мы будем так жить. Но не путём разрушения, отнюдь. Давай все-таки спать, я уже не хочу шампанского, я уже очень устала. Я постелю тебе внизу, а сама пойду наверх.

– Нет, Поленька, я боюсь, а вдруг эти страшные глаза, – притворяясь испуганным, заговорил Глеб.

– Ну, хорошо, я спою тебе колыбельную песенку, ты заснёшь, а я буду стеречь твой сон, чтобы никакие злые духи не могли прилететь за твоей душой. Ты доволен? – она улыбнулась одними глазами, бесовские огоньки заплясали в её глазах при неверном свете свечи.

– Поленька, и всё-таки, я не жалею, что уехал. Ты тоже



должна отсюда вырваться, обязательно, обязательно, здесь все осталось по-старому, я это чувствую, все это спокойствие напускное, я чувствую...

Но она уже решительно стала его поднимать и тащить в комнату. Комната была чуть больше веранды, у стены стоял диван, покрытый пёстрым покрывалом. У окна стоял стол времен бабушкиной молодости и пара стульев. Напротив дивана стояло старое кресло, очевидно, раскладное.

– Ну, давай, потихоньку раздевайся, что ли.

– Ой, щекотно, девушка, вы меня раздеваете, а это неприлично, право же...

– Глеб, ну что ты как маленький. Я сейчас вынуждена буду тебя отшлёпать, как строгая мама.

– Давно меня не шлепала такая прелестница, – мечтательно протянул Глеб, но все-таки начал раздеваться, – Посиди со мной, я хочу, чтобы ты меня держала за руку, слушай, как мне с тобой хорошо, хоть ты и строгая.

Полина помогла ему улечься на диван и укрыла одеялом. Потом расправила кресло, бросила простыню, сняла свитер и улеглась. Расстояние было между креслом и диваном было меньше метра. В темноте сверкнуло что-то вроде кулона на цепочке.

– Что это?

– Так, талисман. Не обращай внимания.

– Похоже на кольцо.

– Ага... Помнишь, братство кольца... Кольцо с магической силой, а я его берегу. От злых людей. Оно дает магическую силу...

– Послушай, ты все время шутишь? В чем сила талисмана?

– Он меня охраняет от грехопадений. От вторжений мужчин в мое сознание. Мужчин нужно опасаться примерно также как нашествия марсиан.

– Очевидно, ты много читаешь фантастики.

– Много. Люблю, когда предметы начинают жить своей жизнью, все таинственно и непонятно. А так-то скука ведь, сплошная обыденность и реалии.

– Ты меня пугаешь.

– А ты не пугайся. И давай спать.

– Я хочу, чтобы ты была со мной.

– Ты же пьян, как не знаю кто. Давай утром разберёмся, что к чему.

– Тогда руку мне дай.

– На. – Она протянула руку, он ее поцеловал, обхватил руками и закрыл глаза.

За окном крикнула ночная птица. Кто-то заскрёбся в углу. Наверное, мыши, подумал Глеб, пытаюсь заснуть. Он не мог наброситься на женщину, если она этого явно избегала. Это было как табу, которое никогда нельзя было нарушать.

Тёплая рука подрагивала в его пальцах. Давно он так не спал с женщиной платонически. Господи, она же ему в дочери годится, подумал он, уже засыпая.

... Кто-то ходил на втором этаже, передвигал стулья, скрипели половицы, слышалось сухое покашливание и тихий шёпот. Глеб открыл глаза. Её руки не было в его руках. Он повернулся к креслу и вскрикнул. Полина спала, но её тело обозначалось только прозрачным светящимся контуром. Злобно сверкало в темноте кольцо на её груди, а черты её лица светились как блики на картине. Он непроизвольно протянул руку, пытаясь погладить по щеке, и почувствовал, что его рука проваливается в пустоту. Он отдёрнул руку и замер в ужасе. Прислушался.

Нет, наверху все затихло, как будто и не было ничего. Задрожала левая нога, он стал осторожно спускать ноги с дивана, стараясь не разбудить Полину. Что это, что это, крутилось в голове заезженной пластинкой, надо выпить воды, может, у меня уже белая горячка началась. Вспомнился диван – то ли транслятор, то ли модулятор – и слова: «Русь – страна деревянная и нищая, а в большинстве своем живёт в избытках на курьих ножках» Нет, это, кажется, уже Достоевский, надо бы выпить воды... Он прошлёпал босыми ногами на веранду и понял, что уже раннее утро. Рассвет был малиновым, сочным, почти не натуральным. Кино какое-то, декорации, будто только что нарисованные, но все-таки страшно возвращаться назад. А может, крикнуть ей отсюда, чтобы

разбудить? Если это привидение, то... И что тогда? Ч-чёрт его знает, что тогда. Все-таки вредно пить водку с шампанским. Ну и хорош я был вчера, да еще набивался в сексуальные партнёры, бедная девочка, что она подумала.

– Поленька, Полина!!! – крикнул он почти без всякой надежды.

– Что?! Ты где, что случилось? – из-за двери выглянула встрепанная голова. Не прозрачная.

– Поленька, ты... Мне тут почудилось, чёрт знает что. У тебя дом какой-то заколдованный.

– Да-да. Ещё в колодце щука говорящая сидит, и русалки в речке рядышком плещутся по ночам. А наверху домовой по ночам разгуливает.

– Точно, кто-то там ходил наверху, ты не слышала?

– Послушай, я ещё совершенно не выспалась. Еще только четыре часа утра, а ты уже подскочил.

– Давай выпьем шампанского.

– Ты невозможный человек, Глеб. Я устала.

Он судорожно схватил её за руку, нет, это живая рука, вполне материальная, тёплая. Все-таки вредно столько пить. Они стояли друг напротив друга, и она не отнимала своей руки. Глеб прерывисто задыхался. Другой рукой он стал приглаживать её встрёпанные волосы, торчащие в разные стороны. Она абсолютно живая, успокаивалось колотящееся сердце, состоящая из плоти и крови, так близко стоящая от меня. И мне это радостно, почему-то радостно, словно я дав-

но ждал её, седина в бороду, бес в ребро, и этот дом, и эта странная ночь, все так хаотично пронеслось в голове у Глеба, как какое-то предчувствие неясного открытия, которое еще только *предстоит* сделать.

– Ну что ты хочешь от меня?

– Молчи, молчи, ничего не говори... Ты так прекрасна, – кольцо зловеще сверкнуло.

Как будто за нами кто-то наблюдает, пронеслось параллельно в сознании, пусть наблюдают, кто бы это ни был... Службы ли, преступники, или инопланетяне с запредельной глубины глазами... Он провёл рукой по её лицу. Как странно, что в прошлый раз рука провалилась в никуда, но вот она, живая передо мной. Он медленно опустился на колени и припал к её ладони. Рука пахла хвоей, полевыми цветами и еще какой-то свежестью. Будто бы она только что вышла из лесной речки. Волосы заструились по его щекам, предсказывая невыразимое блаженство, кажется, её тело вздрогнуло от лёгкого касания. Я старый, лысый дурак, а она такая юная и свежая, как богиня... Даже страшно коснуться, чтобы не обидеть неловким движением. Только бы она молчала, ничего не говорила, сейчас ему снова показалось, что ее кожа сияет, но это от занимавшегося утра, и только, никакой мистики, вернее, сказка, дарованная неожиданно судьбой, внезапная чудесная сказка...

Солнце било в тусклые окна. Полина лежала на его руке,

и он проснулся оттого, что рука затекла. Осторожно высвободившись, он присел на диване. Нет, это был не сон. Он хрустнул суставами, потянувшись. Покрутил головой. Вроде все в порядке. Так, отдаленные шумы похмелья. Полина спала, поджав одну ногу. Пусть поспит, ласково подумал он, прикрывая её оголившееся плечо одеялом. Милое дитя, заботливая сестра.

Вышел на веранду, увидел ведро с водой, набрал полную кружку и залпом выпил. На столе сиротливо стояла пустая бутылка и два стакана. Как всё-таки это по-скотски, пить шампанское из стаканов, ну, да что теперь об этом говорить, он бодр как никогда и полон энергии. Да, на сегодня, кажется, он встречу назначал, да и ладно. Как хорошо и тихо здесь, с Поленькой, нет, сегодня не поеду обратно, надоел городской серый пейзаж. Взгляд его упал на пачку сигарет, и он тихонько вышел на крыльцо, предательски скрипнув дверь. Наконец-то он огляделся вокруг. Дачный поселок состоял из пары десятков домишек, приклеившихся к угрюмому лесу. Лес был какой-то буро-рыжий, понурившийся, только подальше виднелись зеленые верхушки. Какая-то пичужка вспорхнула с ветки и весело вскрикнула. Прекрасное утро, прекрасный воздух, захлёбывался Глеб от приступа эйфории, интересно, а что находится на втором этаже? Не наведаться ли туда, пока она спит? Но услышал её голос:

– Глеб, ты где?

– Я здесь, моя прелесть. Ты уже выпалась?

– Да, я встаю.

Она стояла уже на крыльце, одергивая майку на бретельках.

– Почитай мне стихи, я полон благолепия, как говорили в старину, и готов с вниманием все выслушать.

– Н-нет, не сейчас. А как же литература, умершая в девятнадцатом веке?

– Был нетрезв, каюсь. Как хорошо, что ты меня похитила!

– Предлагаю перекусить, у меня есть с собой кое-что, и отправиться гулять. Тут недалеко есть чудесная поляна, она на пригорке находится, я думаю, там сухо, как тебе мой план?

– Чудесно, я весь в твоей власти.

– Так уж и весь, – потрепала она его сначала по щеке, а потом хлопнула легонько по животу.

– Так ты чего-нибудь дождёшься, проказница.

– О, у нас аппетиты растут, словно хлеб на дрожжах. Это просто так, не волнуйся.

Она загремела посудой и деловито крикнула ему, чтобы он принёс воды. Она ещё не успела переварить то, что с ней произошло. После, после, принимай это просто как спонтанное движение души (или тела?), успокаивала она себя, сосредоточься, отвлекись, ну, взгляни на него при свете утра, в конце концов. Что же это я, уговариваю себя, что мне с ним было *обыкновенно*, как всегда. Да нет, это что-то другое, как будто он меня *защищает* от чего-то. А ведь он сам должен

защищаться, успокойся, глупая девочка, это просто тебе показалось, это все просто весна, разгулявшийся романтизм, таянье снегов от ласковых слов, это же так банально...

Она уже командует, быстро вошла в роль, так я и сам не прочь побыть в её власти, отмечал про себя с удивлением Глеб. Колодец стоял на другом краю огорода, и он, насвистывая несложный мотивчик, отправился. Грядки были еще не перекопаны, кое-где ещё оставался снег. Вдруг он заметил свежие следы. Как следопыт, нагнулся он к отпечатку ноги, кажется, след от кроссовки, мужской. А вот ещё след. Да тут ужасно наследили этой ночью. Надо сказать осторожно, чтобы не испугать Полину. Он вернулся в дом озабоченный.

– Что-то не так?

– Поленька, там какие-то следы, кажется.

– Кажется, или следы? – она накинула куртку и пошла вслед за ним, – Действительно. Наверное, сторож ночью ходил, просто мы спали как убитые.

– Наверное. Ладно, я уже основательно проголодался.

Настроение было смято как бумажный кораблик. Глебу все стало казаться чрезвычайно подозрительным. Зачем она зовет его на какую-то поляну так настойчиво? Может, там опять какая-то ловушка и я попадусь в силки, одурманенный её сладкими речами? Так глупо! Он сосредоточенно жевал бутерброд, запивая соком. Печка растапливалась медленно. Вчера он не почувствовал холода, а сейчас ощутил его в пол-



ной мере. Это был холод страха. Доверять ей или бояться её?

– Надень куртку, еще одну. Не волнуйся, я тебе сапоги дам и носки шерстяные. У нас не Тель-Авив.

– Да, спасибо. Сейчас только замерзать начал, – он по-дошел к нехотя разгорающейся печке и протянул ладони. Вспомнил сцену из фильма, когда в огонь бросали кольцо. Почувствовал взгляд Полины и обернулся.

– Думаешь о кольце?

– Ты умеешь читать мысли?

– Да не дрожи ты так, я не умею читать мысли, – ему показалось, что она опять превратилась в светящийся контур, он зажмурился.

Открыл глаза, нет, все по-прежнему. Только улыбка какая-то зловещая, слегка перекошенная. Все, это уже полный конец, больше пить не буду, завязываю.

Он вспомнил свои запои, когда поругался с матерью и снимал какую-то захудалую комнатёнку на Лиговском. Денег не хватало, но энергии было... Бегал по газетам и писал всякую ерунду, лишь бы заработать. Бесконечные посиделки, обсуждения роли журналиста во вновь нарождающемся обществе, надвигающаяся неясная почти революция, надвигающийся новый год, ночные лихорадочные муки творчества, и тут одна пьянка его подкосила. Он встал утром и понял, что, если не опохмелится, точно не выживет. Посчитал мелочь в кошельке. Хватит разве что на портвейн. Тоже дело.

Кто-то заходил, иногда с пивом, озабоченно смотрели на его распахнутую рубашку, сочувственно давали какие-то советы, говорили, чтобы звонил, если что. И уходили. Некоторые навсегда. Он до сих пор вспоминает это как страшный сон. Потом примчалась мама, бросилась ему со слезами на шею, всхлипывая, начала убирать пустые бутылки и окурки, умоляла простить ее и вернуться. А почему ссорились, не помнит уже. Так и с женой Светой расстался, не помнит, что было, когда...

Мама его тогда из запоя вытащила. Подняла все связи, уложила в больницу, капали растворы и гемодез, чистили кровушку. Ему всего двадцать два было, все удивлялись. После этого он со Светой и познакомился, хмурый был, непьющий. На вечеринки перестал ходить, углубился в учебу.

Ехал в трамвае и, не думая ни о чём совершенно, пошел за ней до самого дома. Она остановилась и испуганно посмотрела на него своими большими глазами. Он тоже остановился. И наконец-то взглянул на нее. «Вы за мной идёте, молодой человек?» – спросила она дрожащим голосом. «Н-нет... Извините, я вас, кажется, напугал... Я не хотел, честное слово...». «Простите, я сама себе страху нагнала», – она миролюбиво улыбнулась, все еще нервно теребя длинную чёрную косу.

Глаза ее были такими беззащитными. «Нет, Вы меня извините», – Глеб тогда был очень робок с девушками, опыта почти не имел никакого, так несколько случайных встреч,

почти на спор. «Ну, я пойду, уже поздно...». «Извините, а как Вас зовут? Можем ли мы завтра встретиться?» – он сам удивился своей нахальности.

Так и началось. Быстро закрутился роман, мама только вздохнула облегчённо, Света ей определённо нравилась. Она надеялась, что ее неуклюжий Глебушка будет у нее как у несущки под крылом. Правда, у Светы были планы поступать в аспирантуру, а она еще была только на четвертом курсе политеха, девочка была умная, честолюбивая. В наседки она явно не годилась, просто искусно имитировала.

Родилась Машка, её быстро *сдали* бабушкам, Глеб уже работал в редакции одного журнала, сотрудничал с парой газет, стучал ночами на машинке, Машку видел урывками, по воскресеньям, Света тоже всё время пропадала по каким-то *делам*. Так лет пять и помаялись, пелёнки-распашонки ушли в прошлое, а в отношениях явственно выползла ухмыляющаяся пустота. Интересы стали полностью не совпадать, Света делала карьеру, становилась резкой, отрывисто издавала команды и запиралась в комнате – работать над диссертацией... Сейчас Глеб понимал, что в отношениях всегда должна быть минута, момент озарения, когда отчётливо понимаешь, что это тот человек, который тебе именно нужен. Если кажется, что этот момент вот-вот наступит, просто ты еще не совсем понял, значит, он не наступит никогда. Быт и трудности растягивают процесс понимания во времени, вводят в состояние сна, делают очертания реальных отношений рас-

пльвчатými. И тем больше усилий требуется, чтобы выйти из этого оцепенения.

...Уютное тепло стало разливаться по телу. Отключившись мыслями в прошлое, Глеб не заметил, что простоял перед открытой створкой минут пятнадцать. Полина тихо убирала посуду, не мешая ему вопросами. Все-таки хорошо, когда женщина умеет молчать. Золотое, нет, платиновое качество. Вот этого-то ему всегда в женщинах не хватало. Он любил много и умно поговорить, но минуты внутреннего сосредоточения – это улавливает не каждая женщина. Странно, что в Полине это есть. Все очень странно.

– Поленька, извини, я задумался. Давай свои носки и сапоги, пошли гулять и дышать свежим воздухом, – он подошел и тихо чмокнул её в щеку.

– Пошли, – облегчённо вздохнула она.

Тропинка извивалась змеёй, хрустел снег, попадались и чавкающие лужи, отогретые весенним солнцем. Когда тропинка пошла в гору, Глеб пошел впереди, стараясь помочь Полине. Наконец они выбрались на открытую поляну, покрытую грязным, смешанным с глиной, снегом. Что-то настораживающее было в этом месиве. Вот что настораживает, вдруг подумал Глеб, нет первозданности, как будто тут уже проходили толпы людей, а откуда тут толпы людей, спрашивается, вообще, не много ли неявного народу наблюдается вокруг наших скромных персон? Не иначе как службы за мной охотятся.

Тогда, десять лет назад, он только боялся слезки, только выслушивал не намеки даже – полунамеки. Ему показалось, что на другом конце поляны что-то шевельнулось за деревьями. Он вздрогнул. Полина был спокойна. Не нравится мне это спокойствие. Каркнула предупреждающе ворона.

– Слушай, Глеб, я что-то замерзла, ты отойди на полянку, а я тут в кустики зайду. Уж извини...

– Да всё нормально, – он отвернулся и зашагал по поляне. Солнце слепило в глаза, опять же недобро.

Что ты все предчувствиями себя мучаешь, что случится, то случится, мнительный какой, уговаривал он сам себя. Вдруг он почувствовал, что точка, на которой он находится, опустилась ниже остальных. Он еще ничего не успел понять, как поверхность под ногами стала плавно выгибаться полусферой, неумолимо увлекая его вглубь. Ноги как будто приросли к земле. Язык как будто пристыл к небу, одеревенел. Он крикнул: «Полина!», но услышал только сдавленный шепот, заглушаемый шумом крыльев неизвестно откуда взявшейся уже целой стаи ворон, точно зонтик, раскрывшийся над его головой. Он плавно опускался ниже и ниже, вся поляна превратилась в прогибающийся как бы резиновый круг, по краям стояли невозмутимые сосны, в животе предательски заурчало, Глеб ощутил, как отсчитываются последние секунды его жизни. Вдруг его резко качнуло, и он упал. Поверхность земли поворачивало, и он пытался зацепиться руками за землю. Краем глаза он наблюдал, как ухо-

дит голубая полусфера неба, прощально сверкнувшая синевой, («цвет небесный, синий цвет», вспомнилось ему *никитинское*), закрываемая бурой массой, которая начала скатываться куда-то вниз. Он закрыл глаза. Ощутил вкус солоноватой земли, перемешанной с глиной.

Сейчас он полетит туда же, в полную неизвестность, в пустоту, в тартарары. Прощайте все, кто меня любил и любит... Руки последний раз пытались найти соломинку, за которую можно было бы схватиться, но нащупали только комок болотистой жижи, с которой и полетели вниз...

## Часть 5

Глеб проснулся от жажды, раздирающей горло. Огляделся. Какая-то почти не освещённая комната. Без окон, без дверей, хмыкнул он. И что дальше, господа? Ничего. Кричать, искать выход?

Просто замкнутое пространство, и какой-то странный закруглённый потолок. Свет идёт от стен, они мерцают неровным сиянием. Спокойно, жив, и прекрасно. В чем бы то ни было плену я ни нахожусь, все когда-нибудь прояснится. Главное, что он *им* зачем-то нужен. Непонятна роль Полины во всей этой инсценировке с захватом и стремительным падением вниз. Уж не инопланетяне меня захватили? А Полина их тайный агент... Или террористы, гэбисты, другие «исты», вот здорово-то! Он стал мысленно прокручивать вчерашний вечер. Вчерашний? А сколько прошло времени? Усыпили, наверное, чем-то, хотя голова довольно бодрая. Ну, господин Корнаковский, замечательное время поразмышлять в гордом одиночестве, а то все на людях да на людях...

О чём они говорили всё это время? Кажется, о политике. Он очень смутно припоминал ночь, странно, что они об этом разговаривали после любовных ласк. Глеб все время пытался доказать ей, что демократия лишь фикция. Посмотри, говорил он, вам заморочили голову материальными благами,

которые вы якобы получите, а на самом деле отвлекают от борьбы.

От борьбы, вскидывала удивлённо бровь Полина, ты что, призываешь к революции? Дорогая моя, революция уже давно совершилась, она просто вылилась в передел под видом защиты демократии. У России по определению нет будущего, пытался доказать он, нужно обязательно уезжать, хотя бы и наступив на свои патриотические чувства, скоро здесь станет страшней, чем в семнадцатом году.

Погоди, смеялась она, а как же дело революции? Пойми, ты много упустил за эти десять лет отсутствия в России, мы другое поколение, мы наметили себе цели, и мы этого добьемся. Что плохого в том, что некая часть молодежи, не принадлежа ни к каким организациям, просто не хочет искать врага внутри страны? Да, есть такие, что вступают в экстремистские организации, но они просто ещё не прозрели.

Да их не так уж и мало, оглянись вокруг, ты что, живешь с закрытыми глазами, горячился Глеб. Я-то знаю, что такое погромы, я об этом пишу, я... Милый мой, власти ведь всё это контролируют, поверь, и я тоже не новичок в журналистике, и знаю, что есть особые технологии управления общественным сознанием. Что толку от оголтелой революционности, вспомни историю, массы жили плохо, а интеллигенция выражала их чаяния. Переливание из пустого в порожнее, слезки, убийства, террор, и в итоге всё оказывалось либо просто игрой в солдатики, либо кровавой бойней с пере-



делом.

А итог – всё тот же – массы живут плохо, а интеллигенция рассуждает на кухнях, что хорошо бы переделать этот мир, только силёнок маловато. Или еще, в застойные годы как прекрасна была игра в гэбистов, стерегущих за каждым углом и отслеживающих каждое сборище. Это уже смешно, Глеб, это навязло в зубах. Ты сбежал из страны, и много ли ты счастья приобрел в своем Тель-Авиве? Ты будешь смеяться, сейчас вспомнила, у одной нашей неудобной властям писательницы, всех героев, которые ей надоели, она отправляет в Страну Обетованную. Может, ты тоже был героем какого-то романа и надоел автору?

Сейчас, припоминая эти разговоры, Глеб жалел об утраченном времени, и зачем он так распалился, в конце концов, это просто грубо – грузить женщину политикой. Но это не самая обычная женщина, и с ней можно говорить обо всём, странное ощущение взаимопроникновения и понимания не покидало его, может, это их общая профессия так повлияла.

...На стене, на которую невольно смотрел Глеб, что-то изменилось. Он мгновенно напрягся. Постепенно, как на фотографии при печати, стали проявляться глаза. Такие же, какие он видел в домике на даче. Да не страшные они вовсе, пытался он себя взбодрить, совсем не страшные.

– Добрый день! – металлически прозвучал со всех сторон голос.

– М-да... Я не могу точно быть уверен, что это день, при-

ветствую вас, кто бы вы ни были.

– Вы правильно подумали, что мы совсем не страшные, – металлический голос раскатисто засмеялся, повторяемый со всех сторон динамиками, точно, динамиками, догадался Глеб.

– Чем обязан такому вниманию к своей скромной персоне?

– Вы еще не совсем оправились от шока. Думаю, чуть позже вам станет всё понятно. Просто я хочу сказать вам, что вы в абсолютной безопасности, с вами ничего плохого не случится. Поверьте, нам не нужен испуганный кролик. Нам нужен здравый рассудок.

– Ну да, я спокоен, как удав перед обработкой кролика. Кто вы?

– Скажем так, некая организация... Больше пока сказать не могу.

– А где Полина, с ней все в порядке?

– Разумеется, – короткий смешок, и как будто подмигивание глазом. Или Глебу просто показалось.

– Через некоторое время вас проводят на небольшую экскурсию, – глаза исчезли очень быстро.

Через минуту Глеб увидел проявляющийся контур двери. Нарисованный, как будто нарисованный, автоматически отмечал Глеб. Бесшумное плавное движение, и на пороге появился робот. Он быстро приблизился к нему. Ну вот, роботы еще, давайте еще сюда звездолеты с рычагами, какие

встречаются у некоторых горе-«фантастов», чего-нибудь мистического, или исторического, колдунов, прочую дрянь... Он не успел до конца развить эту мысль, как почувствовал движение пола вокруг себя. Опять я куда-то падаю. Успел только взглянуть наверх. Потолок стремительно удалялся.

– Минус второй этаж, господин Корнаковский.

– А конечный пункт – минус бесконечность?

– Извините, я не могу полностью расшифровать ваш юмор.

– Тем не менее, ты понял, что это юмор. Тоже хорошо.

– Я вам должен показать и разъяснить, как устроено наше здание. Оно находится под землёй, как вы поняли. Есть разные пути, чтобы в него попасть, один из них вы испытали на себе. Это прогибающаяся полусфера поляны, которая затем переворачивается, соответственно, и вы вместе с ней.

– Довольно варварский способ, ты не находишь?

– Он не лишен логики. Вы не успеваете испугаться.

– Точно. Просто за одну секунду попрощался с жизнью, и всё.

– Минус третий этаж. У нас много роботов.

– И все они такие же милые, как ты?

– Очевидно, вы любите шутить.

– И кто же вами управляет, всем этим подземным царством?

– Люди. Роботы всегда служили людям.

– Знаем, знаем, читали. И чем же это ваше подземелье

занимается?

– У нас есть лаборатории, комнаты для отдыха, плантации... Это практически автономный город.

– Любопытно. И никто про этот город ничего не знает. Почему же Полина сразу мне про него не рассказала?

– Наверное, не было соответствующей инструкции.

– Так вы тут все по инструкциям живете? Оргнунг-оргнунг...

– Если вы имели в виду немецкое слово в прямом его значении, то я вас понял.

– Я имею в виду, что ваша организация имеет довольно чёткую структуру. Только не слышал я, чтоб в советских организациях использовали бы роботов. Разве что у Стругацких где-то читал.

– Минус четвертый этаж.

– Ты что, издеваешься? Давай к вашему главному, я хочу знать, чего от меня-то, грешного, хотят. На самом деле я изрядно проголодался, неплохо было бы подкрепиться.

– На минус пятом этаже у нас прекрасная столовая.

– И как он определяет, ведь нигде ни индикаторов, ничего. Как будто все время был в одной и той же комнате, только падал и падал вниз. Теперь дверной проем вырисовался на противоположной стене. Глеб с некоторой опаской шагнул за роботом и очутился в просторной зале. Вместо окон он заметил их имитацию. Нестерпимо захотелось выглянуть.

– Можете выглянуть, если вам так хочется. Только имейте

в виду, выпрыгивать в окно не стоит.

– Это что, тюрьма?

– Нет. Это правила безопасности и герметичности.

Еда оказалась достаточно обычной. Салат из кальмаров, зелень, мясное рагу и что-то непонятно-фруктовое и напитки. Глеб с удовольствием поел, неожиданно ощутив зверский аппетит. И что дальше, откормили и на вертел?

– И что дальше? – спросил он у робота, ему-то точно было это глубоко фиолетово, а вдруг еда лишь имитация продуктов, как-то быстро промелькнула мыслишка в голове.

– С вами побеседуют.

Похоже, добиться от него чего-то, более вразумительного, не удастся. Робот он и есть робот. Впрочем, на службе все мы роботы, выполняем команды, чем меньше размышляешь, тем меньше вероятность совершить ошибку... Импровизированный лифт опускался вниз, а робот бездумно повторял «минус шестой... минус десятый...». Так и в ад спустишься незаметно, хмыкнул про себя Глеб, ладно, посмотрим.

– Минус девяносто девятый, – дверной проём овальной формы раскрылся двумя лепестками. Примерно такая же комната, в которой он очутился после своего внезапного падения. Полная пустота. Посередине чуть освещаемый круг, теперь пол, наоборот, начал подниматься, и словно из воздуха стали обрисовываться очертания стула. Точно, камера пыток, сейчас посадят на стул и начнут пытаться, с какой целью забросили в Россию. Как из сна десятилетней давности.

Вот так он просыпался в холодном поту и осматривал свои руки, быстро шел на кухню, заваривал крепкий чай, курил одну сигарету за другой и вздрагивал всем телом от шорохов в ленинградской ночи. Выглянув в двор-колодец, искал всматривающимися глазами фигуры, в соответствии с принятым стандартом, в серых плащах... Он присел на стул. Да нет, вполне материальный.

– Приветствую вас, господин Корнаковский, – вспыхнувшие глаза на стене, быстро меняющие цвета, ослепили его. Он заслонился рукой.

– Извините, это минус девяносто девятый, или исходная точка?

– Минус девяносто девятый. Я понимаю, что, возможно, мы были не совсем правы... Кстати, Полина вам чуть позже подробно объяснит. Мы организация, совершенно не политическая, мы вообще анти-политическая организация.

– К анархии призываете?

– Не перебивайте. Наша организация абсолютно добровольная и дающая некоторые преимущества перед другими людьми. Но это не власть над людьми, не манипулирование, исключительно использование возможностей наших ресурсов.

– Что-то я не пойму – вы бесплатно даёте людям дополнительные возможности?

– Бесплатно – в смысле денег. Разумеется, наши члены должны привлекать новых членов, которые, подобно ручей-

кам, будут наполнять полноводную реку нашего движения. Мы – в некотором роде братство, но все многочисленные ассоциации, возникшие у вас при упоминании этого термина, вы можете смело отбросить. Не всемирное братство посвященных, не всемирное братство кольца, не религиозная секта, не масоны, у нас нет глубоко проработанных философских идей.

– Так что же у вас есть? Толстовское непротивление злу насилием?

– Это сложно объяснить. Это надо просто прочувствовать. Внутренняя свобода и гармония.

– Гм... Это так старо.

– Все идеи стары, как мир. Человечество всегда топчется вокруг одних и тех же идей, в зависимости от ситуации. Какова ситуация, такова и идея.

– То есть ситуация первична?

– Мы отошли от темы. Собственно, нам нужно ваше желание с нами сотрудничать.

– Это скорее похоже на вербовку.

– Называйте, как хотите. Вы же журналист, понимаете, что сначала было слово, и нам нужно ваше умение с ним работать.

– А... вы предлагаете мне написать? Можно, я сразу откажусь. Я пишу только то, с чем внутренне согласен. А ваша химерная идея о всеобщей гармонии мне кажется весьма смешной. Это сон разума.

– Что ж... Подумайте. До свидания, я думаю, ваше решение переменится.



## Часть 6

Солнце било в тусклые окна, перебегающие зайчики щекотали ресницы. Полина лежала на его руке, подвернув ногу. Глеб залюбовался её узорно вычерченными вздрагивающими ноздрями. Во всей ее позе было что-то детское, незащищённое, куда подевалась уверенная молодая женщина с насмешливым характером. Да, женщина очень хороша, когда она спит, когда её дыхание свежее, морщинки не портят свежего лба, и во всей фигуре чувствуются совершенство. Она открыла глаза, и рыжая шевелюра заискрилась золотом.

– Как настроение?

– Замечательное. Что-нибудь освежительное, и в путь, – ласково погладил он её щеку.

Пока Полина убирала остатки вчерашнего пиршества, Глеб попивал сок, оглаживая взглядом ее фигуру. Настроение было безмятежное, в город не хотелось. Он плохо помнил вчерашние страхи, словно прочитал о них давно, в детской книжке, размытые акварели с изображением чудовищ... И вдруг он с отчетливостью осознал, что все это уже видел. Дежа вю... Помнит он и этот сок, и оглаживающий взгляд свой, что-то ещё было, но помнит он это утро, и всё.

– Скоро поедем?

– Да, минут через десять.

Глеб с беспокойством выглянул в окно. Машина на месте.

Что же она так долго собирается. Внезапно вспомнилось, что сегодня запланированы какие-то дела.

– Глеб, а ты когда-нибудь думал о свободе? Не той, которая в конституции прописана, а внутренней?

Где-то я это уже слышал. Как будто плёнку одну и ту же проматывают по второму кругу.

– И что?

– Вот ты свободен в своем Тель-Авиве? Ведь свобода должна быть прежде всего в душе. Ты будешь смеяться, но в наших душах свободы гораздо больше. При нашей демократии, которая находится под угрозой выкидыша, тем не менее, можно найти свою нишу. Мы не настолько влились в погоню за материальными благами. У нас доллар еще не бог, и мы не духовная провинция.

– Я никогда не называл тебя провинциалкой.

– Просто я хочу сказать, что русские *как бы* прогибаются под обстоятельствами. Они сохраняют в себе что-то, что и называют нашей загадочностью.

– Ты что, меня за что-то агитируешь? Что происходит, Поленька, объясни мне толком, старому дураку? Возвращаясь к свойству прогибаемости – думаешь, это реальный путь сохранения души?

– А ты, ты сохранил свою душу? – с горячностью воскликнула она.

– Я люблю Россию. И в эту поездку... Я спорю с тобой, Поленька, не ради спора, я и с собой таким образом спорю.

– Ты спросил, что происходит. Действительно, в этом утре мы уже жили. Это просто эффект возврата киноплёнки. Иногда события можно прокручивать несколько раз, пока не найдешь оптимальный вариант.

– Что-то начинаю припоминать о каких-то необычных возможностях. Именно это имелось ввиду?

– Ну да. Теперь ты убедился, что организация если не все-сильна, то имеет средства управлять событиями.

– Слушай, поехали домой, мне уже эти приключения надоели. Я реалист.

– Не хнычь, сейчас поедem.

С улицы донесся звук заводимой машины. Ну да, сейчас еще машины сами будут заводиться, а потом и водители не понадобятся. Теперь он вспомнил и перевернутую чашу, и лифт, и глаза на стене, и предложение сотрудничества. Ну нет, не хочу я писать про эту чушь. Полина девочка молодая, пусть поиграет в политику без политики. А я уже староват для этого. М-да... Опасно на такой неуправляемой машине кататься, но выбора нет. Нехотя поплелся он к машине. Ключ зажигания был подозрительно вставлен, странно, подумал он, нет уж, сяду только после нее. Полина закрыла висячий замок на двери дома и села за руль.

– У тебя машина тоже движением мысли управляется?

– Ты пытаешься шутить, Глеб, но ты не представляешь, как ты не далёк от истины.

– Ладно, поехали, и немного помолчим.

Они вырулили по дороге, изобилующей кочками, на центральную дорогу. Глеб облегченно вздохнул и прикрыл глаза. Староват я уже для бурных ночей. И все-таки Поленька чудо как хороша... Ночные эротические впечатления обволакивали сознание липким медом... Лучше бы такую кинолентку все время прокручивали, я согласен... На дороге попалась ямка, слегка трянуло. Он поглядел налево.

Полина опять была прозрачной. Чёрт! Чёрт бы подрал эти виртуальные эффекты! Он боялся к ней прикоснуться и вдруг в его ушах возник звук отчаянного гудения. Он взглянул в лобовое стекло. Навстречу нёсся «Камаз». Ну, сейчас уж точно, прощай, родное небо. Последний раз он повернулся, чтобы взглянуть на Полину. Полины за рулём не было.

Он очнулся и с минуту ничего не мог понять. Машина стояла в стороне от дороги, заехав в редкий лесок. На лобовом стекле была видна чёткая царапина. Всё-таки это была авария. Полина сидела, сжимая руль, уронив на него голову. Всё, мертва, бедная девочка. Глеб задержал дыхание и попытался вылезти. Похлопал себя по карману куртки, сигарету, скорее сигарету... не смотреть... бедная девочка... это я её угробил... ну согласился бы с её смешными идеями... а она расстроилась... вот и не смотрела на дорогу... Прозрачность он увидел... померещилось... Сигарета плохо раскуривалась, он пытался затянуться поглубже и раскашлялся. Поганенькие, все-таки, в России сигареты. Мальборо как бы. Лучше б старый добрый «Родопи».

Солнце припекало, намекая, что лето не за горами. Дорога была пустынна. Правильно, ещё не сезон. Скоро потянутся караваны машин. Великое переселение на дачи. Все-таки нужно пощупать пульс, как-то уж очень трусливо он выскочил из машины. Он подошел к машине со стороны, где сидела Полина. Да за что же такое наказание, девочка моя, я же почувствовал, что во мне что-то открываться начало, и все эти простенькие приёмчики обольщения стали ни к чему, даже как-то непривычно, и тут всё кончается так нелепо, пытался он открыть дверь машины. Дверца не поддавалась. Он попробовал снова.

Услышал какое-то урчание в утробе двигателя. Ещё раз. Это маленькое ожившее чудовище поползло назад, в сторону дороги. Полина не шевелилась. Разворот, и Глеб, остолбенел, наблюдая, как она уже ехала в сторону города, совершенно спокойно набирая скорость. Провалиться мне на этом месте, подумал он охолодело, да ведь было все это – ожившие механизмы, сейчас еще Поленька глаза откроет, как ни в чем ни бывало. А пульс-то я ей не пощупал, идиот... Может, она вот так, не двигаясь, может машиной управлять. Осталось только проводить взглядом исчезающий контур.

Да уж, попал в переделку. Кукуй тут сейчас, жди у моря погоды. Надо выехать было сначала, а потом упираться, что не веришь в их идеи. А еще лучше согласиться, вряд ли их организация имеет форму спрута, в Израиле бы не доста-

ли. Кстати, совершенно ничего не знаю, что происходит в стране. Отстал от жизни. Что делать будем, товарищ? Вот-вот, много времени для размышлений. Надо было стать их рупором на всей планете. Бедная Поленька, ей-то зачем все это нужно, просто ничего не понимаю я в этой жизни. Мысли прервались от звуков приближающейся машины. Полина резко затормозила и выглянула в открытое окно.

– Не соскучился? Я тебя обыскалась.

– Постой... Ты ведь только что сама уехала... Вернее, тебя машина увезла. Или опять пленки крутишь туда-сюда?

– Смотри-ка, сообразительный. А про циклический трансфер еще не догадался?

– Что за зверь такой?

– Садись, расскажу.

Глеб уселся и подумал, что сейчас услышит объяснение всему.

– Ну, ты английский знаешь, еще его называют метод проперти – квантити.

– Пожалуйста, по-русски.

– Объясняю, но я не сильна в технических терминах. Например, есть объект А и есть объект Б.

– Кто из них одушевлённый?

– Одушевлённый Б. Заранее, на некоем объекте А, сильно напоминающем компьютер с мощной СУБД, он разрабатывает различные варианты того, в какой ситуации он хотел бы оказаться.

– Слушай, ты журналистка или технический разведчик?

– Не перебивай. Так вот, объект Б усиленно перебирает варианты, и с помощью одного нехитрого устройства всегда имеет возможность эти данные использовать. Но, это не просто информация, это передача смоделированных свойств (проперти, потому что неодушевленный А) некоему объекту Б (а вот это уже квантити, так как он дышит и кушать просит). А свойства такие, какие захочешь. Мне вот понравилось таять в воздухе и светиться. Я как бы растворяюсь в воздухе, не ощущая свое тело. Ты все смеялся над нашим *братством*, кстати, мы сами не любим этот термин. А я с ним как крылья обрела. Практически сравнимо со свободой в виртуальном пространстве. У нас, кстати, в Интернете есть свой сайт, много единомышленников. В «перевёрнутой чаше» у меня даже своя комнатка есть, чего я не имею дома.

– Так они вас просто купили и используют. Ты не заметишь, как начнёшь писать статьи под их дудку. Ты вот о чём пишешь, о культуре?

– Я пишу о культуре. Кстати, мы на тебя не стали бы давить, ты бы сам дошел до всего.

– Ну, методы убеждения у вас довольно доходчивые. Ты что, веришь во всю эту ахинею?

– В том-то и дело, что верить не надо – надо просто взять то, что предлагается. Если мы не хотим стать просто сырьевым придатком капитализма, мы должны плавно повернуть мир к нам лицом, а не задницей. И это просто один из спо-

собою. Но плавно, подчеркиваю.

– Послушай, Поленька, я ужасно устал от всего этого. Нельзя ли всё-таки двигаться в сторону города, и побыстрее?

Полина промолчала. Дорога была пустынна, Глеб подумал, что приключений на сегодня, наверное, хватит, и слегка задремал. Только бы она опять не вздумала исчезать. Кстати, так я и не понял, каким образом работает этот трансфер.

Впереди показалась деревенька, то ли Опята, то ли еще какие-то грибы на указателе, скорость Полина так и не удосужилась сбросить. Вся деревенька состояла из десятка домиков, понемногу оживающих от весеннего солнца. Неожиданно раздалось скрежетание тормозов и свист спускающихся шин.

– Чёрт! Поленька, что случилось?

– Вот бы знать. Кажется, нас затормозили в достаточно грубой форме.

К машине небрежной походкой подходил долговязый лейтенант.

– Попрошу документы.

– В чём дело, лейтенант? – попыталась быть любезной Полина.

– Ничего особенного, проверка документов. Так... Знаете, нам придётся пройти в отделение.

– Где же у вас тут отделение, в подземелье, что ли? – сказал Глеб, оглядываясь по сторонам.



В кустах он заметил патрульную машину. Кажется, влипли. Очевидно, из-за скорости. Как-то не сразу доползла до сознания мысль, что появление этого лейтенанта довольно подозрительно. Такое впечатление, что их тут ждали, и тормозили вполне конкретно. В машине были видны лица других людей.

– Позвольте, у вас облава, что ли? Это похоже на детектив, не правда ли, Поленька?

– Помолчи, Глеб. А что будет с машиной? – обратилась она к лейтенанту. Неприятно тревожила мысль, что обо всем придется рассказать Джеки.

– Да оттащим, не беспокойтесь. А пока следуйте за мной.

Не слишком ли он любезен, не пора ли начать сопротивляться, лихорадочно соображал Глеб. Сразу полезли рассказанные кем-то истории, что с ними лучше не спорить. Машина-то патрульная, а форма-то милицейская. Странно все это. И как вовремя они появились. Ну, делать нечего, придется подчиниться. Вот и удостоверение он ей суёт, а она его даже об этом не просила. Все так чинно, важно, и в то же время безвариантно. Молча они уселись в машину, слева от Полины сидел ещё один в милицейской форме. Машина тронулась с места и поехала назад по дороге. Остановились у какой-то избушки с покосившейся вывеской «магазин».

– Позвольте, а где же ваше отделение милиции? – вскрикнул Глеб.

– А это и есть. Тут ведь вам не Москва, все в одном месте,

и магазин, и отделение.

– Хорошо, – горячился Глеб, – тогда у нас есть право на звонок!

– Давайте выходите потихоньку, а насчёт прав после поговорим. И без глупостей.

Они зашли в дом, маленькая клетушка комнаты. Глеб почувствовал, что сзади его грубо подталкивает долговязый лейтенант.

– Аккуратнее, молодой человек.

– Входи, входи, – процедил он почему-то грубо.

– Глеб, я тебя умоляю, молчи! – страшным шепотом отозвалась Полина.

Они сели на продавленный диван, а долговязый примостился за поцарапанный стол. Уж не сплю ли я, подумал Глеб, опять эти штучки.

– Товарищ Корнаковский?

– Мне кажется, товарищей давно в России нет.

– Отвечайте на вопрос. Фамилия, имя, отчество, страна проживания.

– Корнаковский Глеб Борисович, страна проживания – Израиль.

– Прекрасно. Теперь Вы, – обратился он к Полине.

– Гудаева Полина Николаевна, Россия.

– Замечательно, – записывая, резюмировал долговязый, чему-то ухмыляясь.

– Можно ли узнать, по какому вопросу нас допрашива-

ют? – как можно вежливее спросил Глеб.

– Можно, но позже. В интересах следствия, – многозначительно взглянул на них долговязый.

– Вы нас задержали, как преступников! – стал опять выходить из себя Глеб, остро ощутив свою беспомощность. Долговязый между тем закурил сигарету, по-прежнему ухмыляясь.

– Спокойствие, только спокойствие.

– Тогда разрешите позвонить, в конце концов!

– Размечтались, – стряхивая пепел прямо на пол, процедил долговязый.

Глеб вскочил с дивана и двинулся к столу. Наперерез ему кинулись двое, неожиданно появившиеся в проеме двери. Они закрутили ему руки назад, а один из них больно стукнул по шее. Полина сидела, не шевелясь. Глеб согнулся от боли, тяжело задышав. Вся его фигура стала сразу какой-то жалкой, совсем не воинственной.

– Этого в КПЗ.

– Хорошо, Алексей.

– А с вами, мадам, будем разбираться дальше.

– Скажите, что вам нужно?

– Сейчас... Вы обвиняетесь в убийстве некоего Сунцова Сергея Валентиновича.

– В жизни не слышала такой фамилии.

– Ну, это еще надо доказать. А Корнаковский ваш сообщник, хотя выяснить, кто из вас главный, еще предстоит след-

ствию. Где вы были вчера вечером?

– На даче.

– Свидетели?

– Свидетелей нет, мы были там вдвоем.

– Прекрасно. Значит, алиби у вас нет никакого. Подумайте, может, стоит сразу признаться, облегчить чистосердечным признанием.

– Это полный бред, я вам говорю. Разрешите мне позвонить своему знакомому, я уверена, что это недоразумение.

– Слава! Уведи её.

– Дайте позвонить! – крикнула Полина, подталкиваемая к двери Славой.

– Я подумаю.

– Хотите, я заплачу.

– Взятка должностному лицу. Слава, ты свидетель, она мне предлагала взятку.

– Я этого так не оставлю, это полный беспредел!

– Хорошо, милочка, я это учту. Доброго отдыха, сутки можете тут отдыхать.

Глеб сидел на полу, и у него носом шла кровь.

– Сволочи... Глеб, ты как, терпишь?

– Давно меня не унижали...

– Дай, вытру, – она достала из сумки платок, и осторожно отерла струящуюся полоску крови. – Ты ложись... Тут лечь-то почти некуда, ублюдки...

– Поленька, спасибо тебе за заботу, – подползая к желез-

ной кровати, с благодарностью произнес он. Нежная, ласковая у неё рука.

– Я ничего не понимаю, Глеб. Нас обвиняют в убийстве. Какого-то Сунцова. Понятия не имею, кто такой, спрашивали, где мы были вчера. Этот Алексей сильно обрадовался, когда выяснил, что ни у тебя, ни у меня нет алиби.

– Знаешь, Поленька, мой опыт говорит, что это всё очень хорошо подстроено. Помнишь, я тебе говорил про следы. А ты как-то не обратила внимание. Может, это твоё братство меня на измор берёт? Не согласился на них работать, вот они и решили... А милиции подбросить нужные доказательства – нет проблем. Да и машина вела себя как-то странно... Не нравится мне это. Ты уж, Поленька, извини, а твое братство пахнет уголовной организацией.

– Что же делать?

– Я и сам сижу, думаю... Адвокатов у нас тут нет, звонить не дают... Видно, при демократии совсем распустилась ваша милиция. Ну, так поколдуй там, что ли, ты ведь как мне доказывала, что прозрачной можешь быть. Вот приобрети свое это квантити, продемонстрируй, освободи нас.

– В том-то и дело, я уже пробовала и так, и сяк, – она сняла через голову цепочку с кольцом.

– Кстати, ты так и не объяснила, что это за кольцо.

– Это и есть своеобразный пульт, через который я могу передавать сигналы и запускать нужную программу. Эта связь циклическая, ко мне должен вернуться сигнал и произойти

передача свойств. Но почему-то, в данный момент, это ничего не работает.

– Ну, во всех программах бывают сбои. А, вспомнил – где-то произошел обрыв связи, так сказать, сеть нарушилась.

– Да нет тут никакой сети, но факт остается фактом – связи тоже нет. И вообще, это не повод для шуток, когда мы в таком плачевном положении.

– Ну, есть в этом положении некоторые преимущества. Кстати. А пленку назад нельзя открутить, мы бы вообще другую дорогу выбрали? Я согласен повторить ночь, даже глаза меня не пугают. Только в чашку эту перевернутую – не хочу, извини. Ничего там нет интересного, наверняка все имитация сплошная. Хотя робот был забавный – он даже шутки пытался понимать.

– Глеб, ты такой несерьезный... Ты не понимаешь. Мне тут как-то случаи всякие рассказывали. У них тут все схвачено, захотят пришить нам это дело – и все доказательства будут состряпаны.

– Кому ты объясняешь, я сам в этом дерьме сколько лет копался, пока не уехал, – помрачневшим тоном сказал Глеб.

Он вспомнил, как раскручивал журналистское расследование, чтобы защитить четырнадцатилетнего подростка. Подросток нельзя сказать, чтобы был совсем невинен. Тоже участвовал в забавах группы таких же подростков, под предводительством двадцатилетнего оболтуса, сына полковника

милиции. Папочка думал, что сынок занимается вечерами единоборствами, а он в это время поджигал ларьки, а испуганных девчонок-продавиц выпускал в последнюю минуту. Обычно дело заканчивалось реанимацией. Последняя жертва погибла. Эта девушка особенно приглянулась этому подонку, он зашел в киоск, начал ее насиловать, ребяташки помогали держать руки и ноги. Потом, насладившись, он начал бить бутылки и вспарывать все пакеты, какие были в киоске. Обливал лежавшую без сопротивления девушку водкой, а потом бросил спичку. Когда дело дошло до суда, самого младшего принудили всю вину взять на себя. Корнаковский схватился за это дело со всей горячностью необузданного скакуна, написал статью, после которой папашу-полковника *хватил* инфаркт. Дело приняло огласку, несмотря на угрозы. Этим делом Глеб гордился, а родители подростка благодарили его со слезами на глазах. Кем он стал теперь, этот чудом выпутавшийся подросток? Стал ли озлобленным бандитом? Или, как и все, увлечённо занимается зарабатываем денег?

– Глеб, что же делать?

– Расслабиться, Поленька. Я же тебе говорил – бежать нужно отсюда.

– Нет, мы сможем изменить мир, уверена. Понимаешь, свобода начинается с конкретного человека. Если все будут внутренне свободны, тогда и менять глобально ничего не надо будет.

– Ты вот что мне скажи, как ты в это все втянулась. Как

ты попала в это *братство*, чёрт бы его побрал?

– Ты знаешь, очень просто. Совершенно случайно. Приглашение по электронной почте. Попала на семинар, и мне понравилось. Я очень долго искала. Знаешь, мне иногда кажется, что все вокруг поет колыбельную песенку. Что-то вроде «не думай, не думай, не думай». А мне всё время хотелось думать и искать. Чего я только не перепробовала! С кем только не сталкивалась. И мантры пела с кришнаитами, и переименовывала людей, как *симоронцы*. И ритмы *переизлучала*. А гармония не приходила. Все духовно продвинутые люди говорили о неминуемо приближающемся конце, и что только их метод может спасти в этой всемирной катастрофе. Понимаешь, здесь всё по-другому. Никто никому ничего не навязывает, просто дают ощутить себя свободной от всего. Человек привык в себе копать, и для этого он начинает читать много литературы. А ведь книги по-разному можно читать. Можно читать и быть *вне*, а можно только жить этими *книгами*. Истина не может быть изложена в точности.

– Ну, хорошо, а деньги ты платила?

– В том-то и дело, что нет. Они дают попробовать эту свободу – совершенно бесплатно.

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Глеб, да ты не пугай меня так. Моя жизнь определённо изменилась, мне стало весело, мне теперь не так скучно жить. Если уж говорить серьёзно, то у нас нет никаких обрядов посвящения, нет никакого заговора, я просто вспомни-



ла один боевичок, на днях читала. Там намешали политики, эзотерики, фантастики и секса – чудесный коктейль. Пока одолела, голова распухла.

– Разумеется, если читать столько фантастики.

– Но, опять же, говорю тебе, я могу читать все, что угодно, с чем-то соглашаться, с чем-то нет. Да скучно мне смотреть телевизор, где выступают такие клоуны вроде Жириновского. Скучно, понимаешь? Политика нужна постольку поскольку. Повышают цены – да, это нас касается. А вот если, уж извини, боевые действия в вашей стране, так это нам интересно, конечно, но мы же понимаем, что к такой маленькой стране интерес раздут искусственно.

– Какая же ты дуручка! Угроза поглощения мира мусульманством – это всем грозит. Они делят мир, и неизвестно, как он будет скоро выглядеть. А ты что, улетишь с этой планеты, в другие миры? Как же тебя эта политика может не касаться? Знаешь, я просто плакать хочу, когда вижу вашу нищету массы и блеск жалкой кучки людей, считающих себя избранными.

– Ты всё опять перепутал. Я стала внутренне свободной. Раньше я переживала, что могу упасть в абсолютную нищету, что я могу неожиданно потерять любимого человека. А сейчас я стала свободной от своих страхов. И это ни с чем не сравнимо.

– Ладно... Я хочу вздремнуть. И тебе советую. Ложись к стенке, я, наверное, останусь на полу.

Глеб неуклюже разместился рядом с кроватью и прикрыл глаза. Бедная девочка, она попала в секту. В этом у Глеба не оставалось никаких сомнений. Все эти идеи о внутренней свободе, бесконечно пережевываемые на разные лады, все это так знакомо. Страшная страна, в которой люди становятся управляемыми. Не про это ли он читал в романах-предвидениях, недаром их запрещали во все времена? Но надо думать и о текущем моменте, старая заезженная фраза, но факт остается фактом.

Они попали в какую-то переделку, если ничего не предпринять, то их просто перемелет в лопасть какой-то машины, может быть, похожей на «сибирского цирюльника». В его голове вспыхнула картинка с падающими, издающими последние вздохи, деревьями, что-то нужно делать, он ведь мужчина, должен быть сильнее, мудрее, он должен найти выход. Продумать вариант побега. Он оглядел клетушку, в которой они находились. Окно зарешечено. Сейчас пилку для ногтей, и «пилите, Шура, пилите». Нет, надо вызвать охранника, напасть на него. Все возможные варианты побегов, которые он когда-либо видел в боевиках, казались ему слишком сложными для данной ситуации. Почему-то сознание упорно не хотело признавать сложившуюся ситуацию настоящей. Полина лежала на кровати, отвернувшись. Что-то никто не помогает ей, никто не помогает.

Свет, льющийся из окна, стал медленно краснеть. Первой это заметила Полина и стала тормозить Глеба.

– Эй, очнись, что-то происходит.

– Лично я этого пока не чувствую.

На одной из стен привычно (уже привычно!) стали проявляться знакомые глаза.

– Эй, всесильные, скажите нам что-нибудь! – бодро крикнул Глеб.

– Добрый день!

– Что же вы своему адепту никак помочь не хотите? Ввели девушку в стрессовое состояние, в безвыходное положение поставили?

– Безвыходные положения даются для осмысления. Не задумывались ли Вы, господин Корнаковский, что иногда обстоятельства могут подталкивать на действия даже самых безынициативных людей? Всегда есть варианты, как вести себя в той или иной ситуации.

– Вы что, тестирование нам устроили? Но таких не берут в космонавты...

– Вас бы мы точно не взяли. Вы не надумали с нами сотрудничать? Сейчас мы хотим продемонстрировать вам, что мы тоже кое-то можем.

– Так это спектакль для меня? Премного благодарен. Не убедительно – хоть убейте. Сейчас нас просто выпустят, так, снимут все обвинения? Ну, так это не волшебство, я так тоже колдовать умею. Внимательное прочтение уголовно-процессуального кодекса – вот и всё волшебство. Нет никаких прямых доказательств о причастности меня и Полины к убий-

ству, вот и все. А отсутствие алиби не является доказательством, тем более что мы этого товарища в глаза не видели. Вот такое мое мнение, господин волшебник, дающий неограниченные возможности.

– Что ж... До свидания.

Полина весь этот диалог слушала молча, теребя кольцо. Когда глаза растворились, дверь в клетушку медленно открылась. На пороге стоял Алексей с сотовым телефоном в руке.

– Вы можете позвонить.

Полина не поверила, но начала набирать номер телефона Джеки. По счастью, его телефон не был отключен. Сначала он сильно удивился, у него совещание на носу. «А почему ты так далеко от города?» – недовольно спросил он, – «Я предполагал, что ты в это время на работе, с тобой журналист? Что за журналист, израильский шпион? Тоже хорошо». «Джеки, не сердись, я тебе все-все объясню, мы совершенно случайно попали в переделку, нам предъявляют обвинение». «Хорошо, я скоро буду, жди». Короткие гудки. Алексей взял трубку, и молча вышел. Дверь закрылась.

– Сейчас приедет Джеки, веди себя как можно более естественно. Он очень вспыльчивый, я сама ему все объясню, ты, пожалуйста, не встревай.

– Слушаюсь, мой капитан. Так мы больше не увидимся?

– Я не знаю.

– Поленька, я хотел сказать тебе – моя жизнь изменилась.

Мне кажется, я на старости лет влюбился.

– Совершенно не время и не место ты выбрал для любовных признаний.

– Я знаю. Поленька, мне нужно все обдумать, мы ведь увидимся, обещай мне, что я не уеду просто так, не попрощавшись с тобой.

– Ты меня удивляешь. Считай это просто приключением, не более того. Считай, что я действовала в интересах своего общества, чтобы привлечь тебя на нашу сторону, заговор это был, похищение века, – она уже откровенно смеялась, распаляясь всё больше, Глеб почувствовал, что у нее начинается просто истерика.

– Успокойся, девочка моя, успокойся, – он встал, вроде ничего, равновесие сохраняется, мягко взял ее руку.

– Глеб, Глеб, господи, почему все так по-дурацки, – она уткнулась в его плечо и зарыдала.

Женские слёзы всегда действовали на Глеба расслабляющим образом. Он начал гладить ее по спине, как маленькую девочку, шепча какие-то незначительные фразы. Господи, как я стар, как мне хочется защитить эту с виду сильную, а на самом деле беззащитную женщину. Кажется, он неожиданно признался ей в любви, умопомрачение какое-то, совершенно фантастическое предположение, что он влюбился. Это просто отцовский инстинкт, не более.

Ведь он все время помогает кому-нибудь, правда, помощь бывает взаимовыгодной. Уж так у него получается, он ищет русскоязычных авторов по всем уголкам своей бывшей ро-

дины, затерянные таланты, он помогает почувствовать им, что они нужны, помогает им начать первые шаги в литературе. Конечно, они находят деньги, чтобы напечататься в его альманахе. Ругают его, ох, как ругают. Кем только не называют. Альманах, по мнению критиков, лишь рупор маргиналов и графоманов. А сам он, Глеб, обыкновенный коммерсант.

Как-то он помогал одной талантливой женщине, своей землячке, сделал ей заказ – сделать стихотворный перевод древнееврейских притч. Они много общались, встречались в Петербурге, она сделала прекрасный перевод, но побочным эффектом явилась любовь. Чем более участвуешь в судьбе другого человека, тем более у него может создаться иллюзия, что эта помощь подразумевает нечто большее, чем просто дружба. А поэтессы так чувствительны.... А сейчас он сам попался на удочку – его просят о помощи, он не в состоянии повлиять на ход событий, но хочет помочь. И вот результат – уже готов повесить на себя все заботы этой девочки. А зачем, своих забот не хватает? Нет ведь, стоит он тут, старый дурак, гладит её удивительные шелковистые волосы, подставляет свою выдавшие виды жилетку, и всё по Достоевскому «как она страдала», да мало она еще страдала, не успела, она не пряталась по углам, ее не расстреливали, она не голодала.

Интересно, степень страданий как можно определить? С одной стороны, попала неизвестно в какое братство, заморочили мозги всякой ерундой. Правда, слов типа *наставник* нет в её обиходе. Но они не так много общались. Мо-

жет, ей тоже внушают, что весь мир скоро рухнет и выжить смогут лишь те, кто занимается своим духовным возрождением, необходимое для посвящения в избранные. Да мало ли что может быть намешано в коктейле, который с жадностью пьют ищущие умы в этой непонятной стране! С другой стороны, тяга к познанию своего «я» всегда была у человечества. Этим нужно просто переболеть. Да, живёт не в самой богатой стране. Но ведь рядом живут миллионы таких, как она, и еще хуже. Этот Джеки, она ведь его не любит. Ну и что, не всем ведь женщинам дается всепоглощающее счастье. Что, что в ней такого, чтобы так безумно влюбиться? Чем больше пытаешься логически что-то объяснить, тем более запутываешься, устало подумал Глеб, отмечая, что рыдания прекратились.

На пороге нарисовался толстенький, самоуверенный, среднего роста брюнет.

– Джеки! – вот актриса, отметил с удовольствием Глеб, практически передавая ее с рук на руки.

– Хелло. Это кто? – он говорил отрывисто, даже как-то суетливо.

– Это Глеб Корнаковский, журналист.

– Ладно. Где твоя машина?

– Надо у *этих* спросить, – показала рукой Полина на входившего Алексея.

– Машина недалеко, только колеса у неё проколоты, извиняемся, задерживали, – держался он подобострастно, видно

было, что ему *накрутили хвоста*, – У вас трос есть, я помогу прицепить?

– Разберемся, – Джеки уверенно зашагал к своей серебряной «десятке».

– Джеки, скажите, а какой сегодня день? – что это мне на ум взбрело про день спрашивать, параллельно подумал Глеб, усаживаясь в машину на заднее сиденье.

– Вторник.

– Опять вторник, Поленька, помилуй, я устал жить в этом дне!

Джеки подозрительно покосился на Полину, вставляя ключ зажигания. Она попыталась изобразить улыбку, однако получилась кривая такая усмешка, не лишённая двусмысленности. Алексей аккуратно примостился на заднем сиденье. Машина завелась, и он стал показывать дорогу. Выехали из деревушки, машина стояла в стороне от дороги, похоже, кто-то уже осмотрел ее на предмет изъятия деталей. Ладно, хоть не угнали, но видно было, что пробовали. Спасли проколотые шины. Однако магнитола исчезла.

– Работнички! Чёрт бы вас побрал! – Джеки вылез из машины. Он был сама энергичность и деловитость.

– Извиняюсь... – уже совсем жалобно проямлил Алексей.

– Ладно, в конце концов, начальство во всем виновато, вы всего лишь исполнитель. Помогите-ка мне.

Они немного повозились с узлами, Полина и Глеб все это



время сидели молча в машине. Что ж, не буду я тебя напрягать с этими киноплёнками под названием «вторник». Хотя давно уже должна быть среда, если не четверг. Все-таки надо спросить.

– Поленька, так я был уже в издательстве, или мне снова туда нужно ехать и знакомиться с тобой?

– Молчи, я тебя умоляю. Джеки ничего не должен знать о наших приключениях.

– Хорошо, хорошо, поиграем ещё.

Джеки плюхнулся за руль, махнув рукой Алексею. Тот еще немного понаблюдал, как все получилось, и двинулся пешком обратно.

– Куда вас везти, Глеб?

– В гостиницу. В «Центральную». Я несколько устал.

– Хорошо.

Так они и въехали в город. Глеб поблагодарил и поднялся в номер. Минут через десять раздался звонок. Началось, подумал Глеб, но это был лишь Гельман. Как разместились, все ли хорошо, стандартный набор вопросов, нет ли у вас желания провести сегодняшний вечер в нашем скромном обществе? Да, разумеется, рассеянно отвечает Глеб и вспоминает, что дочка Гельмана хорошо знает Полину. А дочка ваша, Света, будет ли дома? Конечно, конечно. Я стал похож на детектива, отмечает про себя Глеб, веду расследование, все это похоже на старую *совковую* жизнь, которую я вёл десять лет назад. Да, поговорить со Светой я был бы очень рад,

я ведь люблю встречаться с молодёжью, разумеется. Куча совершенно ненужных послесловий, наилучшие пожелания, отбой.

## Часть 7

У Гельмана была обыкновенная трехкомнатная «хрущёвка». Начиная с прихожей, плотно забитой стеллажами с толстыми пылящимися журналами, Глеб почувствовал, что попал во что-то родное и хорошо знакомое. Стереотип – русский интеллеktуал, обремененный обширной библиотекой, вымирающее племя... Стоп, он сюда не за ностальгическими воспоминаниями пришёл. Глеб почувствовал, что его мышцы напряглись, как у гепарда перед прыжком.

Именно так он себя приводил в боевую готовность, когда начинал в чем-то копать. Объём работы всегда выглядит в начале очень туманно. Возникают сомнения – а стоит ли начинать, но после готовности гепарда к прыжку возврата нет, это Глеб хорошо знал. Теперь его уже ничего не остановит, он узнает все об этом туманном *братстве*, дело пахнет обычной уголовщиной, единственно, что его смущало, это отсутствие финансового интереса у организации. Это насто-раживало. Может, этот интерес неявный, или Полина что-то утаивает, а потом окажется, что все ее движимое и недвижимое имущество уже заложено и перезаложено, и она совсем нищая. Обыкновенное мошенничество.

Он вспомнил, как на заре перестройки заезжие бизнесмены, слетающиеся как бабочки на огонёк, в обновленную Рос-

сию, внушали нашим, отечественным, бывшим *барыгам* и спекулянтам, что-то вроде благоговейного восторга. Так и мосье Штолль, своим прекрасным русским произношением, покорила сердца.

В России тогда был пресловутый дефицит, не хватало детского питания, соков, растворимых кашек, а тут француз с неизменной улыбкой и чудесным контрактом. Никто и не усомнился, несмотря на немецкую фамилию, в его французском происхождении. Выгоды баснословные, договора заключены, почему-то он предпочитал конторы, снабжающие еще более голодную область. Наши завмаги потирают руки, предвкушая прибыль, господин Штолль ждёт предварительной оплаты на счета посредников, вагоны будут приходить буквально на днях, *нашим* снятся *канары*, однако, всё быстро рассеивается, без объяснений, как у Копперфильда, проходит месяц, другой, посредники имеют странные юридические адреса, на деле оказывающимися адресами бараков.

В этом массовом гипнозе французского обаяния участвовал одноклассник Глеба. Тогда он тоже напрягся и стал раскручивать всю эту историю. Правоохранительные органы разводили руками, а он смог его найти в Ленинграде, хотя все считали его давно выехавшим. Он даже с ним встретился, показывал подписанные контракты. Штолль, теперь Глеб не сомневался, явно немецкого происхождения, и даже, возможно, частично русского, смотрел на него прозрачным голубым взглядом и как будто ничего не понимал. Да, он что-

то подписывал, какие-то документы на поставку, но денег не получил. Он тоже пострадал от этих посредников, которые как в воду канули. Позвольте, вы сами рекомендовали их почти как своих друзей, не успокаивался Глеб, да, да, но в бизнесе не бывает друзей, и я тоже пострадавшая сторона, парировал Штолль. Глеб не успокоился и нашел доказательства, что деньги все-таки были им получены.

Следователь, немолодая женщина, долго смотрела на него недоуменно, приподняв очки, когда он ей вывалил на стол кучу доказательств. Вы хорошо поработали, Корнаковский, пробормотала она, правду любите искать, вот такие правдолюбцы и разрушили страну. Что вы, товарищ следователь, это просто моя работа. Правды в этой стране уже давно никто не ищет. Правда умерла так давно, что, сколько не переписывай учебников истории, все равно ее не найти. Меня воспитывали в духе марксизма-ленинизма, я был бойким пионером, даже стихи патриотические писал, за что неоднократно был направлен на отдых в Артек. Зачем это вы мне рассказываете? А затем, товарищ следователь, что есть законы, которые олицетворяете вы, и вот вам все доказательства, остается только применить закон, вот и вся математика.

Почему эта история давно забытых дней так пронеслась в голове, когда он снимал куртку в прихожей, прислушиваясь к позвякивающей посуде на кухне. Все происходящее в квартире находится на всеобщем обозрении. Великолепная слышимость, дух коллективизма может быть спокоен, ниче-

го не уйдет от пытливого уха.

Жена у Гельмана была русской, аппетитная женщина лет сорока с интернациональным именем *Мария*. Света, быстро поздоровавшись с ним, исчезла в своей комнате. Чёрт, мне нужна именно она, а не эти стандартные разговоры про инфляцию и политику.

Мужчина по определению может иметь только одну задачу в голове, вспомнил он недавно прочитанный психологический бестселлер, именно одну, не хочу я читать им лекцию о том, какая у меня насыщенная путешествиями жизнь, мне Полину нужно спасать. Да, вот и слово найдено – спасать. Девять-один-один, нашелся спасатель.

Дело Штолля он так до конца и не довел, видимо, у него было мощное прикрытие в среде российских чиновников. Дело попросту замяли, и все его публикации оказались просто битвой с ветряными мельницами. Как он мучился, что не смог добиться истины!

Помешивая ложечкой, Глеб обдумывал, как бы, не нарушая приличий, поговорить со Светой. Он был твердо уверен, что Полина находится в тумане заблуждения, и его долг (и слова-то подходящие прямо сами собой подбираются) вытащить её из этого.

– Я сильно извиняюсь, у меня был трудный день, я бы хотел поговорить с вашей дочерью.

– Да, конечно, Света!

– Я к ней сам пройду, если можно, посекретничаю, ладно?

Он вежливо постучался в дверь. Света сидела за компьютером, собирая пазлы.

– Можно?

– Да, конечно.

– Света, я хотел спросить вас о Полине. Уж извините, что так прямо, сразу, но, просто мне кажется, что дело очень серьезное, не терпит отлагательства. Что вы знаете об организации, то ли *братство*, то ли еще что?

– Да ничего особенного, – Света выключила компьютер, и её припухлая губка слегка задергалась. Она не ожидала вопроса.

– И все-таки.

– Да это с месяц где-то происходит. Она ничего определённого не говорила, но она, знаете, любит всем делиться. Какие-то речи о свободе, необычных возможностях.

– Она тоже вам демонстрировала эти возможности?

– Нет. Она стала странной, Ваня за ней ходит, может, он что знает.

– Он в нее влюблён?

– Да, стихи ей пишет километрами, ходит за ней, когда Джеки не видит.

– Кстати, о Джеки. Что вы о нём можете сказать?

– Они в ресторане вчера, кажется, были. После этого она какая-то возбужденная была, не знаю, какой-то сюрприз он ей обещал, а что конкретно – не сказал.

– Понятно. А может ли Джеки иметь какое-то отношение

к этой организации?

– Да что вы, он человек серьёзный, кстати, у организации есть сайт, только я URL не помню, но там нет никаких телефонов.

– Понятно. А в перевернутой чаше вы были?

– Я примерно знаю, что это, но лично не была. Поля всегда была странной. Ее ведь всё время во что-нибудь бросает. То она запоем фантастику читает, то с кришнаитами медитирует, то с толкиенистами дружит, то местных демократов выслушивает. Как броуновское движение.

– Может, это просто попытка к бегству... Вот так всё и бывает – неудовлётворенность жизнью, скука, кто во что бросается. Неужели у нынешней молодежи нечем больше заняться?

– Да мы гораздо более *продуманные*, – засмеялась Света, – просто дайте нам в свои игры поиграть, может, мы в детстве не наигрались, только и слышим «борьба за выживание», «перестройка», «инфляция», «надо думать головой». Неуютно нам от этих рамок.

– Хорошо, хорошо, дайте мне адрес Ивана, я прямо сейчас и поеду.

– Сейчас, я поищу в записной, а, у него телефон есть, давайте наберу, – Глеб взял протянутую трубку радиотелефона, послушал длинные гудки.

– Ваня? Это Корнаковский говорит, помните, нас вчера познакомила Полина. Хотя, может быть, это было не вчера,



но не суть. Я могу к вам сейчас приехать, мне нужно срочно с вами поговорить, это касается Полины, и мне нужна ваша помощь? Диктуйте адрес.

Света смотрела на него тревожно.

– Вы считаете, что Полине угрожает опасность?

– Я это должен выяснить. Это похоже на сектантство, эйфория у нее такая от всего этого, она сама опасности не чувствует, она думает, что сама всё контролирует, а тут, похоже, ею кто-то управляет.

– Да, я вспомнила фразу. Она сказала, что изучила в своей жизни столько литературы, общалась со столькими людьми, думала, что ей это поможет познать тайну души, а все оказалось совсем не так. Ни психология, ни литература, не дают ни знания, ни свободы. А сейчас она начала не с внешнего мира – начала с себя. Она стала познавать себя, это гораздо интереснее, чем познавать окружающих, но через познание себя ей стали понятнее люди.

– Понятно. Эта эйфория познания себя. Спасибо, что помогли мне. Вообще, много у вас тут сект?

– Ярко выраженных немного. Знаете, кришнаиты, Иеговы, старообрядцы. А новомодных не счесть. Они под разными вывесками скрываются. Да вы откройте газету – «общество духовного сияния», «путь прозрения», «поклонники Кастанеды», «чётки судьбы». Медиумы, гадалки, ясновидящие, прочие.

– Похоже, вы довольно скептически относитесь ко всему

этому.

– Да и Полина относится скептически. Я уверена, что у неё это пройдет. Ну не службу же в церкви заказывать, в конце концов.

– Да тут на эмоциях нельзя действовать. Там ведь умные люди – с той стороны баррикады. Ловцы душ. И денег. Все, я поехал к Ивану.

Наскоро попрощавшись с Гельманами, Глеб лихорадочно выскочил из подъезда. Как по заказу, к тротуару пришвартовался голубой «москвич». Много совпадений, но выбирать не приходится, диктуя адрес, отметил опять про себя Глеб. Ваня выглядел смущенным, он тоже мало знает, что происходит. Какие-то загадочные вещи, он то помнит некоторые события, то не помнит. Как провалы в памяти. Глеб буквально теребил его, выясняя, где может быть Полина. Он не знает, её в редакции не было, дома телефон не отвечает, сам теряется в догадках, да отпустите же вы, больно, в конце концов. Может, она в этой «чаше перевёрнутой», не унимался Глеб, да вы что так переживаете, защищался Ваня, объявится она. Да ты пойми, глупый, если ты любишь её, кто-то ею *манипулирует*, все эти декларации о свободе так стары, все это уже было, вас просто одурманивают, это хуже водки, ведь сознание полностью контролируется. Да нас не одурманишь, мы все анализируем, ничего на веру не берем, оставьте Полину в покое, не поедет она с вами в страну розовой мечты. Да и вообще, стреляют у вас там, а у нас пока спокойно,

не будем мы кровь проливать ради передела власти, чем эта философия хуже революционных идей, там начинают с беспредельной демократии, а заканчивают безудержным деспотизмом, хватит, этого наши отцы и деды наелись вдоволь. Не нравилось вам здесь – вы и уехали. Это просто истерика, Иван, устало резюмировал Глеб.

Ничего от него не добьёшься. Знает он всё, знает, но не выдаст. Ты что, тоже веришь в эти кольца и прокручивающиеся назад киноплёнки? Погодите, а вы что, ещё сомневаетесь, что живёте во вторнике? Да, соглашается Глеб, тут мой материализм поднимает лапки кверху. Ну, вот видите, есть что-то необъяснимое, оно, по крайней мере, не агрессивное. Ну, да, только не очень приятно, когда земля под ногами поворачивается, а ты как в святочном гадании кофейная гуща падаешь вниз, с безнадёжностью говорит Глеб. Заканчивать надо, все заканчивать.

Ну, прощай, Иван, я тебе удачи желаю. Прости, что побеспокоил, действительно, может, тут вообще не нужны сложные объяснения, все очень просто. А я, как дурак, что-то всё ищу. Пока-пока...

И зачем мне это райское изобилие, загибаю пальцы, что я хорошего сделал, кого спас, а самых близких людей вижу так редко, совсем их не понимаю, все бормочет он, застёгивая куртку, я уже выжил из ума, ничего не понимаю, ведь тут и философии никакой нет, один примитив. Поймите, Глеб, философию приторачивают, как воротник, если идея требу-

ет бесконечных подтверждений. Мы ведь не фашисты, глядя в глаза, говорит Иван, чтобы напрячься и подборку сделать из классической философии, у нас не вера. Я вот даже кольца этого пресловутого не имею, у нас расслабление другого порядка, суррогат восточный нас не интересует, в этом и состоит свобода – в отсутствии идеологического диктата...

Глеб вышел в слабо освещённый подъезд. Ничего он толком не узнал, ничего. Все туманно и неопределённо, все намешано в кучу. Опять расписываться в своем бессилии. Но ведь он хочет ей помочь. Вот только в чём заключается помощь? Каких усилий это от него потребует? Э, да ты, брат, испугался, испугался ответственности. Да нет же, наоборот, я ее чувствую эту ответственность, как никогда. И ноша мне эта *радостна*. Странно, радостная ноша, а ты способен *оценить*, сколько еще предстоит? Разве можно все оценить и предугадать, человек по определению предается течению жизни. Ну да, течению жизни, течению воздуха под самолётным крылом, а кого-то может закрутить в водоворот. Да нет же, может, первый раз в жизни я знаю, чего мне это будет стоить, может быть, изменением судьбы, может, чем-то еще, но мне не страшно. Не страшно, говоришь, а как же обыденность, не все же романтические распития шампанского при свечах, ну, вытащишь ты ее из этой секты, которая и не секта, может быть, вовсе, и дальше что? Дальше просто жить, мне кажется, сейчас я могу подарить ей гораздо больше своего душевного тепла, ведь я стал мудрее. Просто жить – где?

Про это нужно ещё думать, рано об этом говорить, я ведь не знаю её планов.

А почему ты думаешь, что ее планы могут совпасть с твоими планами, ведь ты ее знаешь практически всего три дня, да и то прожитые в экстремальных условиях, свечения всякие, водка, шампанское, мало ли чего покажется? Нет, я это чувствую, бывает же так – встречаешь человека, и вся предыдущая жизнь кажется лишь неудавшейся репетицией. Так это полный идеализм, если не сказать идиотизм, ну. Посмотри, вы же абсолютно *разные*! Нет, я чувствую, что мы мыслим одинаково, просто условия у нас разные были, ну что плохого в том, что я попытаюсь начать жить сначала, ведь это так чудесно, любить и просыпаться рядом с любимой!

«Так, вот уже и спорю, сам с собой!». Голубой «москвич», как ни странно, всё ещё стоял у подъезда, но ему уже было на это наплевать. Он махнул рукой, буркнул, что ему нужно заехать в магазин за чем-нибудь съедобным.

## Часть 8

Гостиницы эти советские, с двусмысленными улыбками дежурных по этажу. Все, спасать, только спать, уйти от этого дурного сна, только спать...

Кто-то тихо гладит его по щеке. Глеб задержал дыхание, боясь открыть глаза.

– Не бойся, открывай глаза, ты уже не спишь.

– Ты?

– Ты что, удивлён? – Полина в своем прозрачном виде сидела на его кровати.

– Сквозь стены ходить умеешь?

– Дурачок! Я по тебе соскучилась. – Глеб шумно выдохнул, предательски вспотели руки.

Прозрачные пальцы все скользили по заросшей груди, обводили линии бровей, теребили мочки ушей. Глеб все еще не верил в реальность неожиданного сна.

– Господи, не мучай меня, сделайся обыкновенной!

– Глеб, да ты что, так гораздо интереснее!

– Ну да, как секс с пустотой, гораздо интереснее, нет, секс со всей вселенной, виртуальный и неосязаемый.

– Ну, попроси меня хорошенько, может, я стану сговорчивей.

Он протянул руку к волосам, они светящимися нитями пролились сквозь пальцы. Рука подобно исследователю

скользнула ниже, по прохладным плечам (разве пустота может иметь температуру?), кругами описала полушария теплых полусфер (они уже стали теплеть?), ну, становись нормальной, земной женщиной, это, в конце концов, смешно, девочка моя. Вдох, словно дуновение ветра, медленное обретение плоти...

– Поленька, хочешь, я, вопреки всему, останусь здесь? Или хочешь – поехали?

– Если ты хочешь быть со мной, ты должен думать, как я, – рассмеялась она (как ведьма?).

– Разве это так обязательно?

– Глеб, ты хочешь остаться? Но ты нам нужен именно там.

– Я... должен... быть в Питере, самолёт в пятницу. Там у меня дочь, говорил ли я тебе...

– Нет.

– Давай, я там должен быть не только поэтому, джаз-фестиваль, я Гарику обещал, да и контракт у меня с газетой...

– Я поняла.

– Нет, дурочка ты моя, ты ничего не поняла, обязательства они всегда будут, ты знаешь, ты мне помогла понять что-то очень главное...

– Что же? – улыбка Полины в отблеске бледной луны показалась Глебу почему-то презрительной.

– В мире, где все заняты только собственным благополучием, даже маленькая искорка искреннего интереса и уча-

ствия поистине бесценна. И даже мгновенье чувства, которое, как ты думаешь, ответно, не заменит годы высокотехнического, но просто секса.

– Ты сейчас это придумал, или где-то прочитал?

– Поленька, у нас ведь ещё два дня.

– У нас *ни одного* дня. Сегодня уже пятница, и твой самолет в семь утра. Скоро позвонит дежурная, чтобы тебя разбудить. И мы с тобой попрощаемся.

– Постой, постой, отмотай назад, ты же умеешь.

– Я не хочу. Нельзя всё время повторять один и тот же трюк. И потом – мне это больно, – она отвернулась лицом к стене.

– Ну, делать нечего, значит, ты меня гонишь, ты хоть скажи, я договор с издательством заключил или нет?

– Заключил.

– Поленька, ты не обижайся, через неделю я всё-всё решу. Я тебе обещаю.

– Да верю я тебе, Глеб, верю. Тебя провожать?

– А что ты дежурной скажешь, привидением около неё пройдешь, пусть глаза протирает, думает, что спит?

– Ты прав, лучше здесь проститься.

Настойчиво в разговор вторгся звонок.

– Да, спасибо, что разбудили, все хорошо, – Глеб уже выходил из душа, обтираясь полотенцем.

– Прилетишь, позвони.

– Разумеется. Знаешь, похоже на какое-то прощание. Или



как будто смертельно надоели друг другу. А ведь это совсем не так. Это в двадцать лет встречаешься и прощаешься просто. Жизнь впереди, все впереди, можно все перевернуть, можно горы свернуть, можно пренебречь слезинкой на щеке женщины.

– По утрам мужчины впадают в пафос. Так ведь и Ваня меня любит. И Джеки – по-своему. Бросить жребий, что ли, быть неофициальной новорусской женой, сбежать в Израиль (и чем я там буду заниматься?), или дать волю безудержному романтизму – отдать свое сердце поэту. Может, я его вдохновлю, как Гала – Поля Элюара. Да есть ли смысл в твоей жизни, ты ведь обыкновенный журналист, и никогда не создашь такого, что бы сияло в веках. Журналистика – простая служанка человеческих страстей, флюгер для политических ветров.

– Это в тебе злость говорит. Не злись, Поленька, верь. И тогда миндальное дерево зацветёт, и небо в алмазах засверкает.

– Ага... Помнишь, если отнять у тебя талант, а у меня злость, останутся два совокупляющихся нуля. Мы нули, просто нули, еще Стругацкими сказано.

– Ты, похоже, вошла в роль, к чему эта мелодрама, можно ведь всё расценивать гораздо более примитивно и цинично, зато более правдиво. Я прилетел и улетел – ну да, провёл прекрасно время с очаровательной женщиной, ты ведь все равно мне не веришь. Поленька, давай прощаться, или гово-

речь друг другу «до свидания», как захочешь.

– Любимый – это дом, куда приходишь,  
Истерзанный людьми и суетой.

Где в уголках укромных смутно бродишь,  
Ласкаешь стены. Только дом пустой.

В углу лежит молчащая гитара,  
Луна померкла, тихий свет зари.

Душа становится морщинистой и старой.

Любимый – это дом. И фонари

Лишь притушить сюда зашла я,

Свою бездомность остро ощутив...

Прощания извечный лейтмотив...

Вот оттого я, милый, злая.

– Ну, вот и прочла ты свои стихи. Ты должна понять, что мир гораздо больше твоей «перевёрнутой чаши», ты еще не до конца усвоила самую главную идею, которую ты мне все это время пыталась внушить – внутреннюю свободу! Мы обязательно встретимся, я в это верю. И я люблю тебя. Но мне нужно еще многое обдумать, поверь.

Глеб стоял на пороге. Полина резко вскочила с кровати, обернулась простыней и подошла к нему. Последний молчаливый поцелуй, почти целомудренный. И слезы в глазах, да нет же, все будет хорошо, стараясь как можно более мужественно перенести сцену прощания, думал Глеб. Надо многое обдумать, надо, чтоб все сомнения улеглись, а там по-

смотрим. Он приподнял её подбородок, и одна предательская слезинка все-таки скатилась ему в ладонь. Как мы боимся быть слабыми, до чего же мир изменился, и все-таки я должен ехать, умоляли его глаза, а руки постепенно отстраивались. «Ну, пока» – наконец сказал он и пошел по коридору. А Полина так и стояла, обернувшись простыней, растворяясь в воздухе.

## Часть 9

Джеки нервно теребил уголок салфетки. Полина лежала в шезлонге и грызла орешки. Кажется, любимая привычка какого-то жандарма из фантастического боевика. Молчание затянулось, после довольно пространных объяснений насчет Глеба. Да, она им увлеклась, но ты ведь спокойно воспринимаешь Ивана, какая может быть ревность, Джеки, дорогой, это просто лёгкий флирт, не более того.

Нет, ты меня не убеждай, я видел, *как* ты на него смотрела. Ну и что, вяло сопротивлялась Полина, что с того, ты посмотри, ну разве можно всю эту историю воспринимать всерьез, старый, лысый, толстый, да и вообще, прилетел-улетел (хорошую формулировку сам придумал, удобную), успокойся, я всегда с тобой. Да и не стоит ему подробности знать, разве ему понять, думала Полина, вглядываясь в недоверчивые карие глазки. Ну, предположим, я тоже не Аллен Делон, как обычно, бравируя своим плохо прикрытым комплексом неполноценности, огрызнулся Джеки. Что ты хочешь от меня, Джеки, ну что ты хочешь.

– Я хочу рассказать тебе одну историю.

– Какую? Как вы провернули чудную операцию, кого-то надули, или, наоборот, все на удивление было предельно честно? Меня почти не интересует бизнес.

– Да нет, тебе должно быть интересно.

– Валяй. Отдых отдыхом, а мне еще продумать нужно, где бы собрать материал, редактор опять задание дал.

– Как-то раз я сидел в Интернете...

– Это сказочка с хорошим концом?

– Ладно. Хотя я и не мастер рассказывать. Жила-была одна капризная принцесса, такая вольная птица, и ни один из предлагаемых ей женихов ей не нравился. Лишь один смог завладеть ее вниманием, да и то, по причине толстого кошелька и обширной площади королевства.

– Он был чем-то похож на тебя, не так ли? Ну, так это больше смахивает на быль.

– Может, и похож. Так вот, принцесса имела массу разнообразных увлечений.

– *Разномастных*, как любят иногда писать.

– Да, например, литература. К слову сказать, принц был грамотный, но не слишком начитанный. Некогда ему было, он все приумножал свои богатства, кому-то надо и делом заниматься, не всем книжки на диване почитывать. А принцесса любила не просто литературу, а литературу в жанре фантастики.

– Все больше похоже на реальность. Уж не ударился ли данный принц в изучение этой самой фантастики?

– Я еще забыл – принцесса была красива, но чудо как язвительна. Принцы у нас нынче продвинутые, в Интернете сидят, музыку буржуйскую слушают по разным каналам, в общем, и наш принц не остался в стороне. Заходит он на сайт

компании с привлекательным названием «Dreams», ждёт чуда. Он ведь так наслышан про всякие чудеса и мечты, что за компания такая, думает он, и читает, что это компания как раз мечты и воплощает, только мечты, которые не явным образом определены, а только так, обрисованы в общих чертах.

– Понимаю, важно верить в то, что получишь, а вместо этого и плацебо любое сойдет.

– Не совсем так. Перенасыщенный впечатлениями ум наших сограждан просит чего-то неизведанного.

– Что-то вроде полетать на звездолёте или посидеть за рулём машины времени? – Полина вдруг почувствовала, что вся эта сказочка имеет какое-то отношение к ней. Она внимательно стала вглядываться в лицо Джеки, а он, как нарочно, нацепил свои темные очки, – Нет, ты посмотри мне в глаза, что ты всем этим хочешь сказать?

– Полина, все очень просто. Кто-то хочет поиграть в средневековых рыцарей, с захватом городов и возможностью насиловать простых девушек. Кто-то знает, что его адреналин вспрыгнет на нужную отметку только после ощущения захвата в плен вероломными фашистами. Но тебе-то ведь этого не нужно, я знал. Ты ведь на своей фантастике задвинутая.

– И что?

– Ну, вот я и заказал... Что-нибудь поинтересней, позаковыристей. Думал, что тебе понравится. А потом увидел – ты в эту игру здорово встроилась.

– Значит, это все было бутафорией? Театром...

– Да нет, в том то и дело, что чудеса эти всамделишные. Помнишь, ты мне из Брэдбэри рассказывала – там ведь тоже фирмы были, то бабушку электрическую пришлют, то путешествие во времени на заказ? Установка у них есть, для того, чтобы делать что-то циклическое, не помню, как называется. Это мне они потом рассказали, а в начале подписывается только договор о безопасности, и сценарий был неизвестен.

– Ладно. Без разницы, дальше что?

– Да погоди ты, эта установка реальная, они ведь все киношники бывшие, интересовало их, как виртуальные эффекты в жизни делать. Нашли умельца (Россия богата на умельцев), сварганил он им установку. И прокручивание плёнки тоже из этой же серии. Народные умельцы, что с них взять. Деньги берут за свои поделки приличные, это правда. Но, согласись, это стоит того. Да, они некоторые эпизоды снимали на видеокамеру, ну, вроде отчёта о проделанной работе. Поль, ты не сердись, я просто видел, ну, скучно тебе, устала ты от обыденности. Удивлять тебя чудесными странами – так мы недавно по Европе путешествовали, не сердись, ведь тебе понравилось, скажи честно, ты просто горела все эти дни? Конечно, они тебе внушили, что в чашке этой ты уже почти месяц, или вроде того, тут без гипноза не обошлось, ну, да я разрешение дал письменное. Только вот перед журналистом этим неудобно. Он тут вроде совсем как ни при чём, просто случайный попутчик. Денег ему, что ли, выслать. Как ты думаешь?

– Это... действительно... было... смешно – теперь волна сдерживаемого негодования, оформившегося в виде истерического хохота, выплескивалась наружу, плечи ее тряслись, еще немного, и она начала бы кататься по аккуратно выложенным плиткам.

– Поль, успокойся, да ты что! Давай я тебе воды принесу, не хватало мне ещё сюда скорую вызывать, Поль... – Джеки рывком, удивляясь своей резвости, подскочил к ней и опустился на колени перед шезлонгом, – Ну хочешь, я сам ему всё скажу, он оставит тебя в покое, этот журналист, нам ведь с тобой хорошо, Полина, мне нужна только ты...

– О Господи, избавь меня от признаний в любви всех этих несчастных... Ты меня любишь? Да ты подумай сам, какое развлечение ты мне подарил, ты про это тогда спрашивал, не хочу ли я чего необычного? А ты знаешь, мне понравилось жить в этой чаше, она больше похожа на свою нишу, в которую никого не нужно пускать. Да, теперь я понимаю, почему Глеб все время интересовался и удивлялся, что я ничего не плачу, это, оказывается, ты платил, вернее, оплачивал, а ментов тоже ты купил?

– Поль, ты что, не понимаешь. Это не настоящие менты. Но, опять же, я этого в тот момент не знал. По мнению постановщиков, иначе я не смог бы так негодовать.

– А что тебе сильно-то негодовать, ну, прокололи шины, вот проблема-то. Новые поставишь.

– Поль, ты не думай, что у меня хлеб лёгкий. Тоже, меж-



ду прочим, крутиться приходится. И все ради детей своих и тебя.

– Я это слышу каждый раз, можешь орден себе выписать и на грудь повесить.

– Короче, давай, прекращай истерику, звони этому Корнаковскому, я с ним поговорю, и всё будет улажено.

– Корнаковский хотел остаться в России.

– Что ему тут делать?

– Или увезти меня.

– Ты... Ты...

– Успокойся, в свете последних твоих признаний все это не имеет ровно никакого смысла.

– Уходи, я хочу побыть одна. Трубку оставь.

Полина закурила сигарету, провожая взглядом Джеки. На втором этаже его загородного добротного кирпичного дома вспыхнул свет. Полина почувствовала, что просто не в состоянии что-либо обдумывать. Навалилась какая-то пустота. События последних дней стали казаться обыкновенной засвеченной пленкой. Что в них было, в этих днях, сплошная химера. Все не настоящее, все иллюзия, следование какому-то дурацкому сценарию. Дали почувствовать себя свободной, дали взлететь.

Но морские чайки никогда не садятся на землю, иначе им уже не подняться. А Полину заставили *опуститься* на землю, раскрыв секрет ее *свечения*, и ощущение гармонии и радости стало медленно уходить, как тонкой струйкой вытека-

ет кровь самоубийцы из вскрытой вены в наполненную теплой водой ванную. Когда вода в ванной приобретает цвет нарождающегося утра, сознание медленно засыпает.

Также, как и Глеб – иллюзия, а она по нему тосковала. По его пьяным комплиментам, по его взъерошенному виду спорщика. Он ей втолковывал, что жизнь простых людей необычайно интересна, мол, девочка, что ты понимаешь в журналистике, если тебя не интересуют обыкновенные люди.

Да интересуют меня люди, только необыкновенные. А в чем необыкновенность этих людей, возражал Глеб, посмотри внимательней, и ты увидишь, что они в большинстве своем могут быть вполне заурядными, просто ты их наделяешь качествами, которых в них нет. Но живут-то они обыкновенной жизнью. И поэты твои, с которыми ты так носишься, да и фантасты ваши доморощенные. Дальше Москвы-то они выезжали? Ну, хорошо, ты вот везде уже побывал, а много ли пользы людям от твоих впечатлений? А почему польза людям должна быть, усмехался Глеб, польза должна быть прежде всего для себя. Тогда это все просто поза – что журналистика открывает людям глаза, доносит правду до масс, стыдила его Полина. А то ты не знала, что это просто оружие массового оболванивания людей, во всяком случае, в отделе политики, как внутренней, так и внешней. Да хватит о политике, приходили они к консенсусу, ведь в мире так много прекрасного...

## Часть 10

Глеб шёл вдоль канала Грибоедова по направлению к собору Спаса-на-Крови. В Петербурге у него всегда возникало ощущение нереальности, лица прохожих сливались в одно расплывчатое серое пятно, поток, пронсящийся мимо, обтекающий его со всех сторон, ничуть не задевал.

Страна перевёртышей, вознесения и свержения прежних идеалов, революционных брожений и террора, смешения понятий, оправдания убийства построением храмов, но никуда не уйти от этой родины, никуда... Даже если сейчас над тобой голубое небо, а через секунду его прозрачность сменится осыпающейся матовостью земли. Душа просится ввысь, к сверкающим куполам, и опускается на минус последний этаж, и снова просится как не понимающая рабства птица, к облакам. И вот этот город, соединение века девятнадцатого и века двадцать первого, угрюмые кварталы, соборы, коричневая непрозрачность Невы...

Слияние эпохи неспешного созерцания и эпохи вечной суеты. Город, одинаково дающий надежду и убивающий её. Город-проекция страны, которая никогда не будет великой...

Глеб в одну секунду понял, что, даже если эта страна станет маленькой, беззащитной, заполоненной китайскими эмигрантами, сморщенной, как шагреновая кожа, малень-

ким островком, и даже пусть где-то есть страна розовых облаков и неограниченных возможностей, даже такую, невыбираемую родину, он не перестанет любить.

Ночь опускалась на Петербург, Глеб стоял и курил, наблюдая, как храм оживает огнями. Облегчение разжало его мышцы, да, наверное, он принял решение, он приехал сюда навсегда, он должен остаться навсегда, несмотря ни на что, вытащить из этой провинции Полину, просто подхватить её, маленькую, запутавшуюся девочку, просто сделать ее счастливой. Возможно, это лишено логики. Можно жить разумом. Можно плыть по течению, воспринимая жизнь такой, какая она есть.

Имеет ли он право уступить место эмоциям и попробовать противостоять обстоятельствам? Или он, как тонко чувствующий, прекрасно образованный доктор из русского романа, просто подчинится судьбе и потеряет любовь? Всегда можно найти оправдания любому поступку или не-поступку. Но что ценнее – эта оправданность или сознание того, что ты управляешь своей судьбой, а не она указывает тебе путь? Хотя подобное ощущение может быть обыкновенной иллюзией.

Но для чего тогда жить, если не позволять себе хотя бы иногда отдаваться безумству, хотя бы иногда переставать думать о прямой выгоде или работе? Расшевелила меня эта девочка, думал Глеб, расшевелила. Даже не расшевелила – как воронкой затянуло.

Он вспомнил, как стоял более получаса в Исаакиевском соборе, прямо под куполом. Белый голубь надежды звал, вокруг себя Глеб ощущал вихреобразные потоки, которые плавно тянули его ввысь. Кружилась голова, но взгляд был словно прикован, вокруг ходили люди, что-то монотонно объясняли экскурсоводы на разных языках, а он все стоял и смотрел... Так и Полина, закружила его в свой водоворот жизни, может, сама того не желая, и у него просто кружится голова... Нужно ли делать усилия, чтобы отпустила? Нет, нужно просто отдаться этой силе.

...Внизу, в холле гостиницы, он рассеянно купил газету. Опять разоблачения, как им только не надоест, но такова жизнь – обывателю подавай все новые и новые пикантные подробности. На развороте он увидел фотографии солдат в форме времен второй мировой, заголовок «Мечты новых русских». Словно назойливая муха, в номер ворвался телефонный звонок.

– Глеб, здравствуй, это Полина.

– Поленька, рад тебя слышать, как вы там, не грустите, не впали ли в депрессию?

– Глеб... Я не могу тебе всего рассказать по телефону. В общем, все наши приключения были заказом Джеки. Он в одной фирме заказал приключения, наши с тобой фантастические приключения, оказывается, есть такая фирма, которая может делать любые чудеса, просто он хотел сделать мне

приятное, понимаешь...

Глеб помолчал. Полина на другом конце провода тихонько всхлипывала.

– И что теперь?

– Я не знаю.

Связь оборвалась. Глеб вдруг увидел, что потолок выгнулся и стал поворачиваться вокруг своей оси. Как почти забытое воспоминание, его обжег вкус осыпающейся земли на губах, в глаза брызнула прозрачно-синяя полусфера неба. Задрожал пол, и в сознании застучали стальные горошины слов «проснуться, проснуться, проснуться...».

*июнь 2002 г.*

# Гамбургские гастроли

Вадим сидел в гримёрной и смотрел в зеркало. Камерный театр, последний оплот еврейской интеллигенции... Когда-то, в начале перестройки, считалось особым шиком вставлять в безобидные пьесы современно-иносказательные реплики. Публика понимающе подхватывала, люди из органов, наоборот, пропускали мимо ушей.

На следующий день по Питеру, за чашкой неизменного утреннего кофе, как принято в советских конторах, шутка обрастала остроумными эпитетами и начинала становиться народным юмором. «Сейчас поскучнее, – расслабленно думал он, – морщин прибавляется. Нимфетки у служебного хода уже не смотрят так восхищенно, как раньше. Сорок лет – не двадцать».

Сегодня он играл в пьесе малоизвестного автора из эмигрантской среды. Скудная довольно пьеса, единственно, что привлекало – действие происходило в его любимом Гамбурге, это как-то грело душу, Вадим сливался с героем и снова ощущал себя молодым. И вспоминал музыкальные фонтаны с неоновыми подсветками, «Гамбургское лето», джаз, рок, царство музыки, атмосферу праздника и всеобщей любви...

Алекс прилетел в Гамбург по своим коммерческим делам. Он любил этот город за корректно-деловой настрой. На ули-

цах не было суеты, но в офисах шла беспрерывная, скурпулезная работа. Алекс был из последней волны эмигрантов, в России нахлебался «русского менталитета». До сих пор он вспоминал умных, философско-обаятельных тетенок из конструкторского отдела, увлечённо обсуждающих диссидентские романы из толстых журналов; делящихся чудесными рецептами варенья; бережно листающих журналы мод и пытающихся тут же довести свой макияж до соответствия европейского стандарта; смотрящих дешёвую *тележвачку* мексиканских сериалов, но не умеющих самого главного – на работе думать о работе. У немцев все не так. И кофе в специально отведённые часы.

Вечером ему было абсолютно нечего делать, он вяло посмотрел новости, полистал рекламную газетку. Его внимание привлекло объявление, что в клубе AlsterWasser даёт концерт некая блюз-кантри-фолк-группа из России. Но Алекс не любил ходить в подобные заведения в одиночку. Совершенно случайно он вспомнил, что в фирме, где он сегодня был, его внимание привлекла дама, с которой они даже словом не перемолвились. Однако не надо терять времени... А вдруг она не любит блюз, да еще в русском исполнении, или вообще у нее вечер занят... Он набрал номер своего делового партнера.

– Господин Штоль, добрый вечер! Извините, что побеспокоил Вас в нерабочее время. Меня интересует дама, работающая у Вас, русая шатенка, сероглазая, невысокая, кажет-



ся, она сидит за вторым столом справа. Не будете ли Вы так любезны сообщить её номер телефона? Да, и как её зовут, разумеется.

О, да у нее очень русское имя – Марина. Хотя все, конечно, зовут её Мари. Он набрал номер. Сначала она была несколько смущена, пытаясь вспомнить его сегодняшнее посещение. Но приглашение приняла.

Он стоял около клуба, ожидая её появления.

– Добрый вечер, Алекс!

Когда она заговорила, Алекс узнал характерный акцент советского человека, как бы знающего иностранный язык (во всяком случае, честно изучавшего его в советской школе).

– Вы русская?

– Да. Это сразу заметно? Три года здесь, а справиться не могу.

– Это очень упрощает дело. Я, собственно, тоже эмигрант. Почему и хотел послушать русских музыкантов.

Они сидели очень близко к сцене, чтобы видеть лица исполнителей. Сразу вспомнились застойные годы, озорная юность... Дружба, почему-то в русском понимании (или это тоже стереотип?) заключающаяся в возможности ввалиться среди ночи в спящий дом, потребовать стопроцентного внимания, водки, еды, музыки и, желательно, денег на похмельный синдром с утра. И все же – дружба, когда при отсутствии психоаналитиков как класса, тебе подставляют плечо, не считаясь со временем... Наверно, и это всё давно утраче-

но. В России «свирепствует» капитализм.

Когда-то, на заре туманной юности, Алекс играл на банджо, сочинял музыку, ездил на гастроли с джазовыми концертами, а Марина посещала рок-тусовки, увлечённо переписывала тогда еще на катушечных магнитофонах первые откровения русского рока, играла на гитаре, писала стихи.

Полуподпольные концерты, виниловый трепет запрещённых дисков, «чай на полночных кухнях», хрупкое равновесие между «можно» и «нельзя» в КВН-овских шутках... Хочется ли возвращаться к тем временам, когда в тихо-мирно сидящую компанию, в кураже веселья разыгрывающую спектакль под названием *пъём водочку* с соответствующими атрибутами в виде графина с водой, стаканов и закуски, врываются бдительные *антиалкогольники* и начинают качать права... Но ведь можно быть пьяным от общения, молодости, свободы... Бросать вызов обществу длинными волосами, рваными джинсами, рыданиями саксофона («сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст...»), выбритыми затылками панков и кришнаитов, металлическими заклёпками...

Как это смешно и грустно одновременно. Смешно – потому что бесполезно, грустно – потому что с годами проходит желание изменить мир. Они сидели и перебирали воспоминания, было легко оттого, что не надо ничего пояснять, и все противоречия, несуразности русской жизни казались такими близкими и родными...

– Мальчики хорошо играют. Эх, сейчас бы в Питер, в "Jimi

Hendrix"...

Когда хорошему человеку плохо, это блюз. Когда плохому хорошо – это попса. А когда забываются слова – начинается джаз. А, может, он начинается в тот момент, когда хочешь забыть какой-то «кусочек жизни», и пытаешься начать все по-другому. Не для этого ли дана жизнь, чтобы иногда останавливаться, осмысливать и – выбрасывать, как помятые ноты в корзину, все ненужное? Не жалеть, почувствовать себя сильным, ловящим стрелу-удачу... Брать от жизни все – и не переступать через неизменное. Слова действительно не так важны, если хочется стучать в такт, щелкать пальцами-кастаньетами и не понимать английские слова... Буги-вуги, твист, что-то испанское или латиноамериканское...

*О, бэби, бэби,*

*Опять сидим с тобой вдвоем,*

*Сплетая руки,*

*О чем молчим с тобой, о чем?*

*О, бэби, бэби,*

*Я на тебя уже не злюсь,*

*И только мы в ночи и блюз...*

*Послушай, бэби,*

*Я мудрый, старый как вино*

*В твоём бокале,*

*Его ты выпила давно,*

*И сонным утром*

*Ты проводила до двери,*

*А мне слышалось "умри".  
Все просто, бэби,  
Я необъезженный мустанг.  
И вольный ветер  
Роднее всех сегодня стал,  
Прощай же, бэби,  
Тебя любил я как зарю,  
И не жалею, не корю.  
О, бэби, бэби,  
Опять сидим с тобой вдвоем,  
Андрюша, мальчик,  
С тобою вместе струны рвем  
Не плачь же, бэби,  
Я сам рыдаю и смеюсь  
И будет долгим этот блюз...*

Наступала ночь, становилось прохладно. Алекс остановил такси:

– Марина, я был рад знакомству. Получится ли встретиться еще, не знаю. Вечер был замечательный, спасибо!

Жизнь – это мячик от пинг-понга, который прыгает по глобусу по разным траекториям. И не только в географическом смысле. Уметь отталкиваться от людей, событий – и лететь дальше, наслаждаться жизнью! Уметь жить так, как хочется, тратить деньги на то и тех, на что и на кого хочется. И

многим мужчинам это удаётся – жить своей, особой жизнью.

Как писал Фридрих, «созерцательная жизнь перестала требовать уединения, она возможна даже при браке». Хотя в современных условиях понятие «созерцательной жизни» кажется весьма условным. Невозможно стать полностью отвлечённым от телефонов, друзей, бизнеса, любимых, детей...

«Тяжело-то как! Вроде всё на месте, а тело существует отдельно от головы. Угораздило меня с моей язвой так нажраться вчера... Что делать, меценаты, благодетели вы наши. Без вас бы культура вымерла... Сеятели доброго, вечно-го... Как же звали ту девушку? То ли Надя, то ли Люба... Провинциалочка, обломилась в северной столице на супер-мальчиках... Брюнетка или блондинка? Что-то с памятью моей стало... Господи, сегодня ещё репетиция и спектакль. Ладно, Алекса я сыграю без проблем. Во сколько же я приехал, ничего не помню...». Запиликал сотовый.

– Миша, друг, мне сейчас бы пенталгина, а ты звонишь в такую рань! Что? И правда, час дня уже, извини, плохо соображаю после вчерашнего. Шутишь? Где же ты нашел спонсора этого? Сегодня вечером самолет? Ты... просто... Миша, я тебя люблю! До встречи в Гамбурге, привет Жоржеттам!

Миша, давний закадычный друг, звонит из Америки, нашел спонсора, чтобы он, Вадик, смог выступить в Гамбурге! Надо быстро приводить себя в порядок. Позвонить... Да,

Светланке, не хорошо как-то, обещал ей поездку в Новгород, обнадежил девочку... С дочкой бы успеть попрощаться, что-то совсем редко вижу, все какие-то ежевечерние театраль-но-джазово-саунные тусовки. Еще Оле звякнуть. Вот верная женщина, практически ничего от меня не требует. Кого-то ещё забыл... Нелегко быть не просто любителем женщин, а профессионалом. Что делать. Был бы я красавцем, сидел бы не здесь, а где-нибудь в Гамбурге в парке «Pflanzen und Blumen».

Вот! Единственно счастливая новость! Билет ждёт в аэро-порту, лечу в Гамбург, лечу!

*Июль 2001.*

# Женитьба Пьеро

Девочка с лазоревыми волосами, прекрасная Мальвина! Она не была так холодна, как казалась. Она знала, кто ей нужен. Бедный Пьеро! Он долго лелеял её образ, не раз в своих снах перебирал эти кудри и повторял её имя... И надеялся на чудо.

И вот это прекрасное юное создание ответило: «Да»! Счастье, о, счастье, ты иногда падаешь прямо в руки, как звезда с небосклона в лунную ночь...

Двое дочурок с такими же лазоревыми волосами и голубыми глазами глядят Пьеро по слегка облысевшей, увы, голове. Мальвина все так же прекрасна, но молчалива. У неё свои интересы и хлопоты, она как бы здесь и как бы не здесь...

«Я все еще её люблю, она мать моих детей, она меня понимает... Нет, наверно, не всегда. Но у меня в жизни уже нет никакой романтики. Одна Скукота... Мы просто устали друг от друга. Скука душит. Иногда я покидаю её, ищу в себе чего-то нового. Женщин вокруг много, но никак нельзя... Любовь – она должна быть одна. Это как рок, именно она – на всю жизнь. А новой любви я боюсь. Отчего же я печален? Отчего мне грустно и скучно, а она молчит и смотрит куда-то мимо меня... Как хочется бурной страсти, при-

ключений, праздника! Но – нельзя! Принципы, провались они... Мне есть что терять. Полёт! Вот чего хочется, и подольше. Любовь, это самое-самое из чувств человеческих. Любить охота, аж жуть, но *низзя...*».

Он сидел, как обычно, за своим компом, а в специальных очках отражались зелёные блики. Хорошо ощущать себя волшебником в виртуальном мире! Невидимая Сеть, и где-то там – другие женщины, но они неосязаемы. Они тоже чего-то ищут, но неосязаемого, то есть безопасного. Встреча наяву – это ведь всегда опасность. «Моя Мальвина и мой крест охраняют меня, ничего не случится такого, что невозможно просчитать. Почему нет? Веселые лисички, хищные пантеры, пушистые ёлочки, русалки и небесные ласточки...».

Так сидел Пьеро, постукивая в такт индейской мелодии.

«Мне должно быть весело. Я люблю общаться, особенно, когда женщина говорит то, что я не ожидаю. Мне хочется общения, мир огромен...»

Странно, Она так похожа на Мальвину! Только глаза зелёные и изумрудные волосы. Улыбка открытая, а глаза хитрые. С ней весело и легко, но...незя!!! Странно, что я вообще решил встретиться с ней, но хочется проверить себя, почувствовать вкус живого общения, игры... В конце концов, никаких планов я ей советовал не строить.



Как мантру, Пьеро повторяет: «Я люблю Мальвину! Я люблю Мальвину!».

«Дай мне свои руки», – старик Элвис думает, что ещё что-то возможно.

Всё просто – «да» или «нет». За что купил, за то и продаю.

«Я люблю Мальвину! Я люблю Мальвину!..». Так случилось... Дело не в тебе. За окном валит мокрый снег, сигареты и вино кончились, кончилось всё. Не грусти, мы всё равно умрём!

«Я люблю Мальвину! Я люблю Мальвину!...».

Всё просчитано, выверено, укладывается в концепцию. Встретимся в Сети...

Раненая волчица ищет пулю. Но не только. Что лучше – смерть или любовь? Жалость – это уже не любовь. Сострадание – это уже страдание. Дружба – это уже невозможность предательства. Как это сложно всё, и Пьеро включает «Море любви», это безопасно – «я люблю Мальвину, я люблю Мальвину...».

*Январь 2001.*

# Ромашки рассыпались по дороге

*/Любые совпадения в рассказе случайны/*

Абсолютно идиотская сцена – я с моей бывшей сидим на скамейке, ждем оформления документов о разводе. Я показываю ей фотографии – вот Леночка на работе, вот на природе...

А ведь её уже нет! Её тело предано земле, и самый главный человек моей жизни ушёл навсегда. Полгода счастья и – пустота. Почему я не с ней? Что она думала в то мгновение, когда приняла решение оставить этот грязный мир? Я был рядом, я не уберег. Я держал её остывающее тело. Знал, что всё бесполезно, делал что-то машинально... Всю жизнь спасал людей, вытаскивал их из самых безнадежных ситуаций, а здесь ничего сделать просто не мог... Она была так молода, прекрасна... Так случайна и нелепа смерть.

Лена была четвертым ребенком в семье, и ей не хватило уже ни материнской ласки, ни участия отца. Сестры и брат были далеки, заняты своими семейными проблемами. Приехав в город, она даже как-то растерялась. Но, как всегда бывает с людьми, которым не на кого надеяться, решила строить свою жизнь сама. Закончила медицинское училище, как-то устроилась в общежитие, наладилась и работа. Но город, всегда манящий и загадочный, одновременно показывал и

свою изнанку – животной похотливостью любимого, разбитыми мечтами, безнадёжностью. Где же мужчина, способный стать опорой? Которому нужна она, а не только её молодое и аппетитное тело? Ну нету его, нет! Есть только сладкие речи, постель, жестокость и неизбежное расставание. Измены, прощанья... Другие выходят замуж, даже счастливы... А тут лишь беспросветная тоска.

Оля была старше её на пять лет, бойкая девица, особенно не задумывающаяся о смысле жизни и о судьбоносности мужчин в этой жизни. Её принципами были «бери, что есть, иначе пожалеешь» и «жизнь дана для наслажденья». Они часто болтали в курилке, да и денег у нее всегда можно было стрельнуть, что называется, «до зарплаты».

Как-то в ночное дежурство Оля отлучилась ненадолго, а когда вернулась, была возбуждена больше обычного, смеялась, шутила:

– Лен, ну что ты грузишься этими мужиками! Всё нормально, такова жизнь. Не один, так другой, а кобелизма из них все равно не выбить. Посмотри на наших докторов – все как один гуляют. И ничего. Жёны терпят. Или не знают, но догадываются. Надо наслаждаться каждым мигом и вовремя расслабляться. Не хочешь попробовать?

Попробовать – это ведь так невинно. Только попробовать – от этого ведь никто не умирал. Немного расслабиться, чуть-чуть забыть о своих проблемах, о том, что ты никому не нужна в этом мире, увы. Легко и просто, а, главное, без-

опасно, никакого СПИДа, ведь мы же не рвань какая-нибудь, колющаяся по кругу...

Лена сидела в кресле, закрыв глаза. Когда она их открыла, все показалось сделанным из пластилина. И стало весело. Сейчас пластилиновая кушетка размякнет и расплзется как в мультфильме, у пластилиновых деревьев за окном отломятся ветки, вода из крана, такая тягучая, размазывается по раковине...

Вспомнилось детство, когда выходишь в поле, падаешь на ромашковое одеяло, обрываешь лепестки и гадаешь, как сложится твоя жизнь – мозаикой счастья или камушками нелюбви. Строишь на небо и мечтаешь... Как хорошо! Ощущение, что ты находишься в нереальности, тело невесомое.

Нет этих ужасных завистливых теток, постоянно сующих нос не в свои дела и пытающихся «блюсти мораль». Кто же виноват, что они вышли уже «в тираж», и нет охотников до их старых костей. Ведь нет, смотрят, кто с кем и на какое время закрылся в ординаторской. Какое им дело? Мужчины сами не прочь провести часок-другой с хорошенькой медсестрой.

Но Лене это не близко, она вообще предпочитает встречаться с мужчинами вне работы. Это Ольга без комплексов, а Лена привыкла все держать в себе. Но есть другие, которые могут просто выслушать, дать совет, не ищут подобных «развлечений».

Лене очень нравился Борис, но он был на двадцать пять лет старше и женат. Его мягкие манеры, требовательность и одновременная тактичность в работе, ум, интеллигентность – все внушало доверие. Было ясно, что он не опустится до обыкновенной интрижки, и если что-то и случится, то серьезное, способное перевернуть всю предыдущую жизнь.

Он рассказывал. Она слушала. Это было как наваждение – отец-пьяница никогда не интересовался, как ей живется, что она думает... Незаметно для себя она становилась уверенней в себе, как будто крылья вырастали... Он так по-отечески к ней относился, так не давал никаких намёков на какие-то телесные сближения, что Лена чувствовала себя как в родном доме, который давно утратила.

Борис увлекался различными нетрадиционными методами, историей, военными кораблями, собирал книги, разбирался в музыке. Ей это было не слишком понятно, ведь она выросла в простой семье, но её завораживали вдохновенные рассуждения о смысле жизни, о Боге.

Он явно сочувствовал таким, как она, девчонкам, вынужденным барахтаться в болоте жизни в одиночку. Долгими длинными дежурствами, когда наступает относительное ночное спокойствие, они часто сидели в ординаторской и разговаривали.

Периодически они с Олей ловили «пластилинное счастье», и терзания по поводу неудавшейся жизни расплзались каплями по углам...

Неожиданно Борис подарил ей букет роз. Розы были бело-молочные, а улыбка, их сопровождающая, беззащитно-юношеской. Слова любви еще не были сказаны, но они рвались с каждого лепестка... Но это невозможно...

Борис пригласил её в театр, до этого ни один из её «партнеров» никогда не додумывался. Во время спектакля он так бережно взял её руку, словно боялся, что его оттолкнут.

Они никогда не разговаривали о его семейной жизни, но было видно, что жена его совсем не понимает. Его предыдущих два брака, в которых он тоже не достиг понимания... Его дети, которых он любит, но общается редко... Но он никогда не жаловался.

А потом были просто прогулки, с ним было легко, легче, чем с ровесниками, корчащими из себя суперменов.

Что-то произошло. Видимо, Борис все рассказал жене и переехал к родителям. Они виделись на работе, и Лена стала понемногу отдаляться от него. В своих чувствах она еще не разобралась. А давать неопределённую надежду не хотела.

В декабре он снял жильё у какой-то бабушки и стал спокойнее. В одно из дежурств они сидели в ординаторской.

– Лена, я должен тебе что-то сказать очень важное. Мой брак распался. Я живу один. Я понял, что люблю тебя, понимаю, что у меня никаких шансов и перспектив... Не знаю, как так получилось, что ты стала для меня самой родной и главной женщиной. Я ничего тебе не могу предложить, кро-

ме своего сердца... Но я знаю, чувствую, что такого со мной никогда еще не происходило. Где-то, как-то, кусочками было, но, чтобы так захлестнуло... Я как юноша вздыхаю, жду мгновения, когда тебя увижу, ну просто помешательство какое-то... Это смешно, ведь я гожусь тебе в отцы.

Прошла неделя, другая... Она все время задавала себе вопрос, достойна ли? Вся грязь, порочность так прочно въелись в её жизнь, а такому чистому, как Борис, необходима другая. Любовь-это сострадание, притяжение без оглядки, стремление к покою? Какой же тут покой, когда все против них? Может, это шанс начать другую жизнь?

Перед Новым годом и новым тысячелетием начался их медовый месяц. Под упрёки окружающих, в безденежье и под аккомпанемент непонимания родных. Но они были счастливы. И каждый миг хотели прожить вместе и только вместе.

– Что у тебя на руках?

Лена сидела, опустив голову.

– Боря, я должна тебе сказать... Я сразу должна была тебе сказать. Я...

– Ну не плачь, родная! Мы будем бороться! Ведь ты хочешь вылечиться? Мы еще с тобой родим ребенка, здорового и желанного. Не плачь, родная, прорвёмся!

И так уютно стало от его слов, что Лена твёрдо решила отказаться от наркотиков. Ведь когда рядом любимый и любящий, нужно ли призрачное счастье? Борис не может ока-

заться подлецом, он будет рядом в трудную минуту.

Она держалась. Держалась изо всех сил, срывалась в истерики, на работе замыкалась, рассорилась с Олей. Он все это терпел, искал другое жильё, уговаривал поменять работу...

Но не смогла. Сломалась. Снова начала, стала скрывать, прятать руки и смертельно бояться, что обманывает его. А тут еще Вера Ивановна, что всегда цепляла её на операциях, что-то заподозрила. Борис умолял продержаться, хотя бы до лета. Они хотели уехать подальше, чтобы в забытом «медвежьем угле» не думать ни о чём и быть только вдвоём...

Разразился скандал. Вера Ивановна вычислила, что наркотики все-таки уходят. В уголке сказала ей:

– До чего же ты докатилась! Это же кошмар! Живешь с мужчиной, который еще даже не разведён, колешься! Может, вы вместе кайф ловите? Скажи, он тебя приучил?

Лена была дома одна. Стало так жаль себя, своего ребенка, который когда-нибудь может родиться... Борис, ведь он уже не юноша. С ним может все случиться, она останется одна, сейчас её могут выгнать с работы с «волчьим билетом», зачем вообще она живёт...

Зачем жить? Красивые фразы о смысле жизни, о испытаниях, которые дает Бог, чтобы все понять... Бытие определяет сознание, а бытие предопределено. В этой постсоветской стране уже все поделено, врачей уже давно не считают ни интеллигенцией, ни просто людьми, желающими жить достой-



но. Борис дал ей свет, но он не всемогущ. Судьба и рок... Они так тесно переплетены. Любовь, счастье, близость, но иногда чёрная нить вплетается неотвратимо... То, что дается раз в жизни, мелькнет кометой и рассыплется тысячами осколков разбитого сердца. Обратиться к Богу – Лена до этого еще не созрела. Да и Борис перестал ходить в свой собор, где крестился, куда приходил в трудные минуты. Рассказать Борису, что она вернулась к прежней жизни, она не могла.

Вера Ивановна не унималась. По всему отделению поползли слухи, Лена прятала глаза. Но, казалось, даже стены шепчут: «Предательница, кому ты нужна, посмотри на себя».

В тот июньский день они хотели отметить полгода совместной жизни. Утро было хмурым, день начался со стычки с Верой Ивановной по поводу плохо приготовленного инструментария и несвежего халата.

Операция была сложной, Лену отправили за препаратами. Она быстро заскочила в сестринскую, схватила шприц и дозу наркотика. Мозг лихорадочно вычислял смертельную дозу. Нет, надо что-то более надёжное. Чтобы не было шансов на спасение. Чтобы все мышцы превратились в безвольную массу, чтобы стало невозможно дышать, любить, думать...

Больной на операции – это просто тело, за которое дышит аппарат. Тело не чувствует боли. Мозг не фиксирует.

Лена механически выполняла команды Веры Ивановны.

Она старалась ни о чём не думать, но двадцать два года жизни, как старая кинолента, пронеслась чёрно-белым кошмаром. Почему Борис не встретился раньше? Почему люди так завистливы? Почему паденье так утешает окружающих?

Отпросившись на пять минут, она зашла в туалет, перетянула вену. Прости, Борис!

Абсолютно идиотская сцена – рассказывать бывшей, что, как бы я хорошо к ней ни относился, но то счастье, что я испытал с Леной, несравнимо, как океан с ручейком. А ведь я тоже писал ей, что со мной такого ещё не было... Только Бог помогает мне не свихнуться, не ждать, что откроется дверь и войдет моя девочка, так много страдавшая, так часто унижаемая...

Женщины, жены... Лена была даром, посланным мне с небес то ли за грехи, то ли за добродетели.

Когда мы любим, нам кажется, что все трудности преодолимы. Любовь – великий иллюзионист. Любимый человек – образ, наделяемый нами даже теми качествами, которых у него нет. Если несоответствие в какой-то момент все же проявится, мы легко относим это на обстоятельства. Ведь восприятие двух влюбленных по определению не может быть одинаковым. Всегда есть разница в воспитании, во времени духовного роста. Человек более неуверенный тянется к духовному совершенству в другом – и другой начинает ощу-

щать себя ответственным за роль спасателя. Так возникает симбиоз, взаимозависимость. Но стоит хрупкому равновесию пошатнуться, все может обернуться катастрофой.

... Свежая земля на могиле, её любимые ромашки. Ничего не хочется ни читать, ни смотреть. Пустота. Судьба, как оборванная ромашка, выброшена. Она не хотела умирать, но людская зависть подтолкнула её к последнему барьеру. Любовь – самое сильное чувство и самое беспомощное одновременно. Любовь не спасает. Невозможно оградить любимого от всего, невозможно предугадать его мысли. Можно только осознать утрату и помнить дни, мгновения, которые уже не повторятся.

*Июнь 2001 г.*

# Индифферентность

*/Любые совпадения в рассказе случайны/*

За моим окном оголённая рябина с ало-красными ягодами. Я хозяин своей судьбы? Наверно. Еще недавно я был в столице гостем. А сейчас я в ней просто живу. Ещё семь лет назад я был обыкновенный кандидат наук в обыкновенном исследовательском институте механики, а сейчас я руководжу консалтинговой фирмой.

Важно не то, где мы живём. Важно то, как мы к этому относимся. Я живу так, как хочу жить, и я всего добился сам. А как я хочу жить? Интересно, получать удовольствие от самого процесса жизни, быть свободным, прежде всего от себя, от того, что сковывает в стремлениях реализовывать мечты и снова мечтать.

Жизнь должна развиваться по законам диалектики, но иногда качественные скачки даются нелегко. Приходится наступать на собственные эмоции, что-то терять, о чем-то жалеть...

Я рос довольно сентиментальным мальчиком. Все было очень правильно в моей жизни – французская школа, музыка (меня учили играть на скрипке), учеба в институте, на считающемся тогда довольно престижном факультете авиадвигателей. Все предвещало блестящую карьеру с обязательными

ступенями кандидата, затем доктора, завлаба и т. д. У меня даже были «наполеоновские» планы по открытию собственной фирмы в деле программирования, ведь наука, к сожалению, не даёт заработать на осуществление всех замыслов.

Даже налёт «неформальности» меня не портил. Вообще я довольно худ и невысок, а с задорным хвостиком смотрелся и того моложе. Был ли это вызов окружающему меня обществу? Не думаю. Мне вообще наплевать, как меня воспринимают окружающие. Я не люблю напускать на себя загадочность, мне нечего скрывать. Из-за чего я часто становлюсь жертвой ярлыков и штампов. Люди не верят в мою доброжелательность, иногда так тяжело доказывать, что я абсолютно равнодушен к их выпадам и интригам.

Учёба в институте (одновременно я получил корочки референта), удачное распределение в контору, которая существует до сих пор за счёт того, что расположена в центре города... Последняя сессия, последний год бесшабашного студенчества... Тогда-то я и заметил Анжелу. Она была очень яркой, натуральной пепельной блондинкой с длинными ногами. Что характерно, умна. Вопреки расхожему анекдоту про блондинок. Мы познакомились на последнем курсе, даже не понимаю, что со мной стало. В компании она просто поманила меня пальчиком, и я за ней пошел как загипнотизированный.

– Лева, ты что же такой грустный?

Как легко мне было тогда покраснеть! Многие считают

меня флегматиком и непробиваемым. Просто я научился управлять своими эмоциями. А тогда я был совсем еще незрелым юнцом по сравнению с такой опытной "светской львицей". Наивным мальчиком.

– Хочешь меня куда-нибудь пригласить?

Что я мог ответить? За Анжелой увивалось половина курса, ведь на нашем факультете сплошные мужчины.

– Я не против... А куда бы ты хотела пойти?

Ангела откинула прядку волос и посмотрела на меня прозрачно-манящим взглядом.

– Ну... ты как мальчик... В ресторан, например. Экзамены сданы, осталось диплом написать. Кстати, поможешь? Давай отметим в ресторане наступление зимы, я люблю это время года, а у нас на комплексе так красиво... Ты мне симпатичен, Лева, ты серьёзный... Я хочу познакомиться с тобой поближе.

Так начался мой головокружительный роман. Нетрудно потерять голову, когда тебе двадцать два года, и все предыдущие влюблённости кажутся лишь детскими шалостями. Начиная, когда с девочкой Машей сидел под огромной скамейкой старого сталинского закрытого двора и доказывал ей, что спать можно только лежа или стоя, как солдат. Невинные поцелуи и оберегание девичьих «секретов», зарытых в песок. Школьная любовь с первыми объятиями дискотек, рабским ношением портфеля, провожаниями до дому... В студенческой юности всё иначе. Ты кажешься себе очень взрослым,

не нужно доказывать ничего мускулами – достаточно быть умным, благородным, щедрым...

Что такое любовь? Некоторые говорят, что это болезнь. Да, наверно. Я был просто болен. А стал выздоравливать, когда уже родился Сашка. Обычно я ревновал Анжелу, но после того, как она стала большую часть сидеть дома с ребенком, ревность с её стороны стала просто невыносима. Хорошо, что этого не видела моя мама и сестра. Они бы её точно убили. Мы жили отдельно, я приходил с работы и выслушивал истерики. Сашка плакал, он был совсем малюткой, цеплялся за её халат.

Из прежней красавицы она превратилась в вечно нечёсаную, распутившуюся стерву. Я старался ей не перечить (наверно, тогда я стал учиться подавлять в себе эмоции), уходил на кухню, обкладывался книгами и старался молчать. Через некоторое время она обычно успокаивалась и с причитаниями «папа нас не любит, маленький», укладывала Сашку спать. Потом выходила на кухню и смотрела на меня невидящими и ненавидящими одновременно глазами. А я всё равно молчал. Её взгляд придавливал меня, я чувствовал себя таким маленьким. Хотелось распрямиться до хруста.

– Лева, давай все до конца выясним, так ведь дальше жить просто нельзя.

– Согласен.

– Ты всегда молчишь, скажи, что тебя не устраивает?

– Меня не устраивают твои истерики.

– Но тебе все время звонят женщины. . . Ты с ними подолгу разговариваешь, а я для тебя как чужая.

– Анжела, это все звонки по работе.

– Ты задержался на прошлой неделе до полуночи.

– Я встречался с одноклассниками. Сколько можно объяснять. Ты против? Извини, но мне это необходимо. Ты была совсем другой, вспомни. Мы всегда принимали гостей, как только стали жить отдельно. А сейчас? Ко мне все просто бояться зайти. Даже наши сокурсники, Борька, Вика, Валерка – ведь ты с ними знакома, они просто глаза отводят.

И так каждый день. Она заливается слезами, и мне еще приходится её успокаивать. Ненавижу женские слезы. Непонятно, чего в них больше – игры и искусственности, или настоящей боли.

После полугода истерик она перешла к другой тактике. Она просто не пускала меня домой после девяти вечера. Смешно, но я вынужден был искать себе ночлег то у родителей, то у друзей. Сашка подрастал, и я старался почаще брать его с собой, чтобы только не попадаться ей на глаза. Она перестала следить за собой вовсе, а пора было устраиваться на работу, Сашку отдали в садик. Все чаще я заставлял её в состоянии глубокой протрации.

Она целыми днями НИЧЕГО не делала. Но у нее бывали иногда проблески, она могла со мной даже обсудить кое-что спокойно. Я думал, что с выходом на работу что-то изменится. О моей интимной жизни в этот год лучше не вспоми-



нать. Мне была противна сама мысль. Я старался отвлечься на тренировках. Это помогало мне держать себя в руках и не срываться. Меня это все не устраивало.

Легко говорить о воплощении желаний – и трудно начать это самое воплощение. Мой любимый девиз с тех пор – начинать новую жизнь как можно чаще. Я переговорил с родителями Анжелы, и мы пришли к выводу, что ей нужно немного подлечиться, прежде чем выходить на работу. А заодно обследоваться. Я заметил за ней некоторые странности. Она забывала выключить свет, утверждая, что это делала. Я стал опасаться за здоровье Сашки. Параллельно с этими неприятностями начал искать работу и подумывать о том, что пора заняться чем-то более прибыльным, чем программирование и наука. В нефтяной компании была вакансия консультанта-референта, и я ждал результата собеседования. Анжела легла в клинику, Сашка жил у моих родителей. Я приходил домой поздно, было тихо, хорошо, и хотелось этой тишины целую вечность...

*...Ванжерина схватила его за руку.*

*– Прану, послушай, со мной происходит что-то необычное. Я просто о чем-то подумаю про человека, с которым разговариваю, а я всегда что-то думаю о человеке, например, чтобы произошло, если сейчас он станет мяукать, например, и он, глядя на меня ничего непонимающими глазами, начинает мяукать. Дома у меня уже скатерть-самобран-*

ка. Стоит только подумать об устрицах и белом вине – они тут же на столе.

– Успокойся, все нормально. Ты ведь посещаешь наши курсы, значит, учишься превращать свои мысли в нечто материальное или управлять чувствами других людей.

– Но меня это пугает. Ведь другие люди ничего не подготавливают. Это похоже на гипноз, я не хочу подчинять их своей воле.

– Ты сможешь использовать свое искусство, если оно не вредит никому. Мы ведь не Орден Серой Мантши, мы добрые волшебники. Просто ты ещё не привыкла быть волшебницей. А когда привыкнешь, то ничего не будет удивлять. Захочешь, например, в Бразилию или Мексику, это не значит, что мгновенно перенесешься туда. Такое могут делать немногие. Просто обстоятельства сложатся так, что на тебя свалятся и деньги, и время, чтобы это осуществить. Пойми, для нас мир существует в нескольких измерениях, мы можем изменять мир в соответствии с нашими желаниями, не задавая четкий алгоритм. Не продумывая детали, КАК это должно в точности случиться. Важен результат, не так ли?

Прану всегда помогает новичкам. Ванжерина не могла до конца понять, чего в нём больше – открытости и настоящего желания помочь, или просто он экономит свое время по принципу «лучше сразу много рассказать, чтобы избежать дальнейших расспросов».

Она попала в эту школу Серебряных колец совершенно случайно. Коллега по работе дал ей почитать объявление с веселым, как ему показалось, содержанием: «Школа Серебряных колец ищет добровольцев на время выпускных экзаменов. Проверка способностей к волшебству, возможен отбор кандидатов для зачисления на курс в следующем году». Уж сколько этих белых и чёрных магий встретишь в газетах, казалось бы, ничем уже не удивишь.

Однако она пришла. Обычные ребята, весёлые и задушевные. Прану был экзаменатором. И предложил ей пройти курс обучения.

Здесь не было длительных медитаций, все походило на обыкновенную детскую игру. Конечно, не все становились волшебниками. Начальная ступень – просто научиться чувствовать желания свои и чужие. Научиться распознавать добрые знаки, которые помогут желаниям сбыться. Но не было сложной философско-эзотерической прослойки для всего этого. Сложные логические построения здесь негодились. Все должно быть легко и естественно.

Прану сразу выделил Ванжерину среди учеников. Они даже не говорили иногда друг другу ни слова, как будто передавали свои мысли на другом языке – жестов, улыбок, касаний.

– Ванжерина, ты, наверно, понимаешь, что путь к совершенству долг. Но, уверен, справишься. Я хочу показать тебе мир, в который имеют право входить не все. Ты готова?

Взгляд Прану стал напряжённо-холодным. Ванжерина его раньше таким не видела. Они сидели в маленькой комнате, в которой обычно пили чай, был вечер, но домой идти не хотелось. Ванжерина почувствовала, как кончики её пальцев запульсировали. Очертания Прану стали расплываться, воздух стал тяжёлым, чтобы его сжать, нужно было приложить усилие. Неожиданно ворвалась музыка Вангелиса, стало жутковато. У Прану тем временем стало прозрачным все тело. Только глаза остались непрозрачными.

– Возьми меня за руку.

Ванжерина стала с ужасом наблюдать, как постепенно, начиная с руки, её тело тоже становится прозрачным.

– Что это? Что происходит?

– Не бойся. Мы исчезаем из этого мира на время, чтобы попасть в другой. Ты увидишь, как он прекрасен. Ты поймешь, что там даже не надо мечтать, настолько он совершен.

Музыка стала тише. Комната начала расширяться, стены отдалялись все дальше и дальше, превращаясь в темноту. Их сплетенные руки светились голубоватым светом, тело было невесомо. Прану обнял её, и объятия ей показались не совсем дружескими. Но она не успела этого осознать, так как в глаза ударил ярко-красный свет, и она на мгновение ослепла.

Кто испытал состояние развода, тот понимает, о чём я...

Чувствуешь даже не озлобленность на этого человека. Нельзя быть вечно злым на мать твоего ребенка. Просто усталое равнодушие. Не знаю, что меня укрепило в этом еще больше – её ненавидящий взгляд или её болезнь, которая неизлечима и будет прогрессировать.

Она будет терять память, у нее скоро начнут трястись руки, как у старой маразматички. Она скоро станет просто инвалидом. А я молод. Я нужен своему сыну. На разводе она просто полила меня словесной грязью и плюнула в лицо. Судья, женщина, встала на мою сторону. Но по нашему закону ребенок остается с матерью, если она только не наркоманка и не алкоголичка. Отец – бесплатное приложение к свидетельству о рождении.

Сашке надо было готовиться в школу, я хотел, чтобы он пошел во французскую, как и я. Для этого в выходные ходили в воскресную школу, а в обычные дни занимались с репетиторами. Я уже работал на новой работе, ночами сидел за книгами и компьютером, снял жилье поближе, чтобы чаще общаться с сыном. Анжела, странное дело, немного успокоилась. Видимо, и она уже устала воевать. Сашку мы делили поровну. Возили туда-сюда, не знаю, как он это выдерживал. Анжеле удалось пристроиться на какую-то работу лаборантки, с моей помощью. Я понимаю, что все это выглядит нелогично – развод и помощь в трудоустройстве, но я заботился о сыне. Ему нужна была мать, какая бы она ни была. И ей нужно было хоть немного укрепиться в собственных глазах.

Я рассказываю эту предысторию, чтобы читателю было немного понятно мое отношение к жизни. Любовь к ребенку не декларируют и не доказывают. Просто надо жить так, чтобы твоему ребенку было хорошо. Жизнь обычно слишком сложна, чтобы втиснуть её в какие-то рамки законов.

И даже такому «мудрецу», как я, бывает, есть чему удивиться. «Мудрецом» меня прозвали друзья. За мой стиль изложения мысли и за «богатый» жизненный опыт. Но когда я начинаю слишком умно говорить, они меня прерывают – «не умничай, мы знаем, что ты мудр, как змея, в соответствии со своим знаком».

Опять штамп. Но я им прощаю. Я действительно пытаюсь быть гибким. Напролом идут только дураки. Но иногда умею быть жёстким. Когда я разводился, на меня многие укоризненно смотрели, пытались проводить лирические беседы на тему сострадания. А мне кажется, что я поступил правильно. И Анжеле лучше, и мне, в итоге – и Сашка меньше страдает. Я думал, что все знал о любви... Пока снова по-настоящему не влюбился.

*Когда Ванжерина открыла глаза, она увидела себя лежащей на чудесной широкой кровати, все кругом было серебристо-голубого цвета. Неожиданно в комнату зашел Прану.*

*– Проснулась?*

*– Где мы?*

*– Не там, где нас нет. Хочешь есть?*

*На столе появились сок, нежный папштет и сыр.*

*– Я даже не думала об этом...*

*– Я же тебе говорил, это страна лентяев – даже желать ничего не нужно, все само.*

*– Голубая мечта программистов и бухгалтеров – «все само».*

*– Здесь нет таких профессий. Дети приобретают начальные знания, не напрягаясь. Но, чтобы не было регресса, некоторые знания необходимо обретать годами. И то они доступны не всем.*

*– Тогда это ущемление прав.*

*– Наверно, это не демократия. Много ли прав ты имела там?*

*– Я выросла ещё в советское время.*

*– Давай забудем о том, что было там.*

*– А мы надолго здесь задержимся?*

*– Время – вещь относительная. Оно то растягивается, то замедляется. Никто не может сказать заранее, когда и что произойдет. Здесь нет таких чётких единиц, как час или минута.*

*– Как же они тогда ориентируются?*

*– Давай так – ты завтракаешь, и мы отправляемся на экскурсию. Мы в столице Аникуте, я тебе покажу самые красивые места этого города.*

*Бред какой-то я читаю. Чего не сделаешь в поезде. Вооб-*

ще я люблю более серьёзные вещи, но иногда мозг просит отдыха. Поэтому после многочасового изучения методологий хочется либо тренировать мышцы, либо гулять, либо играть в боулинг. Есть в этом какой-то азарт – послать шар точно, но не сильно.

Когда начинаешь рассказывать женщинам про свои увлечения, они, как мне кажется, просто не понимают. Дело не в адреналине. А мы, мужчины, не понимаем, как часами можно рассуждать или думать о новом наряде или обсуждать последние сплетни. Параллельные миры. Пересекающиеся иногда. Притяжение противоположностей.

Я всегда хотел в Париж. Наверно, читатель усмехнется – «увидеть Париж и умереть». Хотеть – не значит мочь. А я достиг такого положения в фирме, что мог позволить себе побывать в Париже. Правда, сначала по делам.

Чтобы найти Триумфальную арку, надо идти от площади Конкорд вверх по проспекту, в начало Елисейских полей. Затем выйти на площадь l'Etoile, которая сейчас известна сегодня как площадь Шарля де Голля. И в середине этой площади и находится Триумфальная арка.

Задуманная Наполеоном как памятник для прославления своей могущественной армии, мне кажется, она является памятником взлётам и падениям. Любовь и Париж вечны, победы – преходящи, счастье можно запечатлеть, но невозможно удержать. При ближайшем рассмотрении победа есть предвестник поражения.



Я был не просто очарован. Уже много всего написано, как прекрасен Париж, а его достопримечательности знает любой школьник. Париж – это сны наяву. Для меня это просто шаг из кошмара, в котором я жил, в будущее, которое я себе всегда представлял. Дело не в деньгах, которые стали для меня ощутимыми. Дело в качественном прыжке – я увидел Париж не для того, чтобы умереть. А для того, чтобы жить по-другому. Много раз я замечал, что жители чудесных городов, к которым мы стремимся, настолько к ним привыкли, что могут не понимать этого счастья.

Счастье – величина относительная. Кому-то хорошо и в коммунальной квартире, лишь с книгой в руках или в окружении лазерных дисков. Дело в гармонии с собой. Только когда растёт внутреннее беспокойство, что ты чего-то в этой жизни упускаешь, начинается поиск пути разрешения. Анализ и последующий синтез, выработка концепции... Или проще – желание, мечта, стремление. Не слишком ли я запутываю? Париж – мечта это не то же самое, что Париж-реальность. Но от этого он не становится хуже.

Я становлюсь сентиментальным, как в юности. Одна моя знакомая говорит, что это кризис «среднего возраста». Возможно. Я стараюсь не оглядываться назад. Стараюсь быть хорошим отцом. Мы с Сашкой теперь по-настоящему друзья. Дома он только ночует. Все остальное время проводит у меня. Он учится хорошо, я ему только помогаю направить свои

усилия в необходимое русло. У него появились стимулы, он начинает осознавать, что это нужно ему, а не нам, взрослым. Вообще не понимаю некоторых родителей, которые жалуются на проблемы с воспитанием. У меня их нет. Воспитание – это наглядность. Хотя я не лучший пример для подражания. Пока меня нет, Сашка учит уроки, сидит в Инете, потом мы идём на тренировку, и я отвожу его домой.

У меня мало времени, поэтому по-серьёзному устраивать свою личную жизнь мне не хочется. Бывают случайные женщины. У меня есть возможность сделать красивый жест и подарить женщине праздник. Они красивые, обаятельные, хорошо одеты и прекрасно понимают, что сколько стоит. Никто не закатывает истерик и не предъявляет свои права. Меня подобное положение вещей устраивает.

Да, мне казалось, что я все знаю о любви. И нелюбви. Об отношениях между женщиной и мужчиной все сказано. Пока сам на себе это не испытаешь. Почему десятки красивейших женщин не трогают мое сердце? Некоторые даже потом мне звонят, и я им отказываю. Думаю, они искренне хотят со мной встретиться. А я как Томаш из «Невыносимой легкости бытия», встречаюсь с женщиной, соблюдая собой же установленные правила.

Компания, в которой я работал, состоит из многочисленных филиалов. В одном из них секретарем работает Анна.

Я вспомнил тут эпизод из Мёрдок, там тоже была Анна, гулявшая по саду Тюильри ночью. А вспомнил потому, что и моя Анна так же легко и неожиданно завладела моим сердцем. Но не красотой, а каким-то внутренним стержнем своей души. Упрямством, сочетающимся с непоследовательностью. Спонтанной логикой. Она меня старше, её жизнь до меня была не самая легкая. Воспитывающая одна дочь, она мне показалась очень усталой. Но эта усталость, прикрытая отрепетированной улыбкой на довольно обычном лице... Ну что же такого особенного я нашел в ней? Она не хотела со мной встречаться сначала, думала, что я её хочу купить. Уж не знаю, что за мужчины ей попадались. Хотя... Я ведь и сам себя так веду иногда.

Анна не длинноногая блондинка, но элегантная статуэтка с роскошной грудью и пышными каштановыми волосами. Это не было умопомрачением, как с Анжелой. Просто – как будто знал всю жизнь. У нее был так называемый «друг», видимо, она надеялась с ним что-то построить...

Я устроил маленький ужин при свечах, стараясь ничем её не обидеть. Она была как маленькая запуганная лань, взвешивая каждое слово и движение...

Мы стали встречаться почти каждый день, она даже познакомилась с Сашкой, кажется, они понравились друг другу. Я даже привык, что она обо мне заботится. Хозяйством я обычно не успеваю заниматься, так как дома бываю налетами. Мне даже нравилось думать, что кто-то меня ждет дома.

Не в этом ли смысл семейной жизни – в уверенности, что дома тебя ждут? Причем любого – усталого или бодрого, злого или в хорошем настроении, с деньгами или без... Наверно, опять идеализирую. Или просто расслабился под блюзы. Я не люблю быть привязанным к определенному месту. Это ограничение свободы. Я чувствую себя комфортно везде, зачем же иметь квартиру, чтобы потом, как пчелке, возвращаться, обустраивать, все время быть озабоченным какими-то житейскими делами. *Дома* – это понятие не места, а ощущения.

После полугода встреч у нас произошел разговор, который я бы назвал попыткой что-то определить словами. Некоторым людям хочется все обозначить словами, но, когда произнесено слово, оно начинает терять смысл.

– Анна, мы с тобой не в таком возрасте, когда можно позволить себе делать резкие зигзаги. У нас с тобой дети, которые могут нас либо не понять, либо не принять. Но я хочу, чтобы ты знала – мне с тобой так спокойно, что хочется просто лежать у твоих ног и ни о чем не думать... Мне с тобой хорошо, легко, уютно... Я хочу показать тебе Париж, хочу показать тебе весь мир с его яркими красками, невозможными оттенками, хочу, чтобы ты поняла меня, ощутила этот мир, как ощущаю его я.

– А я хочу на море, я там давно не была.

– Можно всё устроить, думаю, это не станет камнем преткновения в наших отношениях.

Когда разговариваешь с женщиной, нужно всегда делать скидку на её эмоции. Анна была из тех женщин, с которыми сложнее вдвойне. Она часто меняла свои решения. И мои логические доводы уходили в «чёрную дыру». И все-таки я её любил.

Куда уходит любовь? Трансформируется во что-то другое или действительно уходит... Да, мы были с ней в Париже. Обедали в маленьких ресторанах, взбирались на Монмартр полюбоваться на базилику Сакре-Кёр, гуляли вдоль Сены с мостами, с которых хочется броситься... Пили вино, гуляли по ночному городу, позволяли себе большие и маленькие безумства.

...Если я помню отчётливо кошмар расставания с Анжелой, то с Анной все кончилось настолько спокойно, что я даже не мог себе представить. Она позвонила мне, когда я был в Москве в командировке.

– Лева, это очень серьезно, что я тебе сейчас скажу.

– Аннушка, что-то случилось?

– Собственно ничего особенного. Я выхожу замуж.

Я молчал.

– Я устала ждать, Лева. Ведь я обыкновенная баба, которой нужно обыкновенное женское счастье. Я тебя люблю, это правда, но я не могу жить так, как хочешь ты. Мне нужно, чтобы ты не просто со мной встречался – чтобы ты был рядом... Я не знаю, как тебе это объяснить, мне кажется, что

все мои слова просто откатываются обратно, Лева, это все очень печально, но мне легче это сказать по телефону, и не ищи со мной встреч...

Что я мог сказать? Я итак слишком часто иду на поводу у своего романтизма. Анна была мне хорошей женой, уверен, но очарование стало бы пропадать. Я, наверно, ненормальный – хочу сохранить миг счастья в неизменном виде. Это, опять же, противоречит самой жизни. Любовь, переходящая из одного качества в другое – какое насилие над идеализмом! Почему-то стало опять безразлично, как будет дальше. Конечно, это все очень закономерно, убеждал я себя. Ведь я не хотел ничего менять в своей жизни, просто Анна должна была принять меня и мою жизнь такими, как есть. И мне удалось без сожаленья сделать свою любовь с Анной эпизодом моей жизненной книги. Сожаление о чем-либо – самая бесполезная вещь в мире.

Я включаю Ванессу Мэй, так много жизненной силы в её игре. Экспрессия, полнота ощущений, буйство реальности... Скрипка напоминает мне, что любовь, щемящая грусть, обновление – лишь последовательные звенья в цепочке, по которой трудно карабкаться, но если не хочешь свалиться в пропасть и стать неудачником в этой жизни – держись руками, зубами, чем угодно, держись и продвигайся по этой цепочке. Жизнь – это движение.

Ванжерина шла по Аникуте под руку с Прану, и ей казалось, что она здесь уже была. Навстречу попадались обыкновенные люди с человеческими лицами, правда, немного странно одетые. Было много вещей из кожи, замысловатого фасона. Такие можно увидеть на демонстрациях высокой моды, фантазии кутюрье об идеальных женщинах и мужчинах. Лица были приветливые, некоторые здоровались с Прану. Солнце на небе было серебристого цвета, а воздух отсвечивал фиолетовыми оттенками. Был день, но казалось, что были сумерки. Бесшумно проезжали машины округлых форм, только приглядевшись, можно было заметить, что у них нет колес, они скользили по слою воздуха, как по водной глади. Дома были невысокие, только вдали виднелась башня с переплетенными серебряными кольцами. Какое-то спокойствие царило на улицах. Как будто никто никому не спешил.

– Интересно, а здесь существуют компьютеры?

– Конечно, только они не так выглядят. Компьютеры у них просто существа, которые помогают решать людям разные задачи. Их называют здесь ватервилами. Но они могут быть капризными. Их не покупают, их дарят, но ватервил может заупрямиться.

– Как в «Тайне третьей планеты». А компьютеры и у нас имеют привычку упрямяться. А как они выглядят?

– Вот, смотри, идёт ватервил с хозяином.

По улице шел толстячок, а рядом, едва попевая, что-то

*вроде угловатой собаки. Все части тела как у собаки, но все линии с острыми углами.*

*– Ватервил – друг человека.*

*– С собачьим характером, понимаю.*

*– Если все желания исполняются, чего же им тогда еще желать?*

*– Понимаешь, тут проблема не в исполнении желаний, а в их сдерживании. Это и есть самая главная проблема у жителей. У них тут сложно с любовью – это единственное, что они не смогли подчинить.*

*– Так все-таки не все желания исполняются!*

*– В любой самой замечательной сказке есть предел желаниям. То, чего не поможет сделать ни волшебная палочка, ни волшебное кольцо. Либо количество желаний ограничено.*

*– Тогда это не самая замечательная страна. В ней недосяжима человеческая мечта о гармонии мужчины и женщины.*

*Теперь улыбки на лицах прохожих стали казаться ей вымученными, ватервилы выглядели человечнее людей, солнце холодным.*

*– Давай вернемся обратно. Мне здесь не нравится.*

*– Ванжерина, здесь ты сможешь достигнуть покоя. Прекрасное место для обретения себя вне времени и пространства.*

*– Нет, я не хочу.*



– Ты хочешь, просто еще не знаешь.

Теперь взгляд Прану подавлял её волю. Он взял её за руку и надел серебряное кольцо.

– Теперь ты никогда не сможешь отсюда убежать. Ты будешь подчиняться мне. Я тебе соврал, что не все желания исполняются. Есть способы, чтобы подчинить себе любовь другого человека. Ты полюбишь меня и всегда будешь слушать только меня.

Ванжерина последовала за ним. Они зашли в незнакомый дом, в большую залу ослепительно-белого цвета. Мебели не было, был только ковер, когда она вступила на него, он стал колыхаться, как-будто тысячи щупальцев охватили её ноги, она почувствовала, что погружается в эту облачно-белую массу, но ей не хочется бороться, ей даже приятно, она слышит десятки голосов, сливающихся в единый шёпот, она уже закрыла глаза и не видит Прану. Ей кажется, что она качается на волнах, так спокойно и безопасно.

– Ванжерина, что ты чувствуешь?

– Тебе обязательно знать об этом?

Что-то чмокнуло у нее над ухом и десятки шепчущихся голосов засмеялись.

– Ты останешься здесь, со мной?

– Я еще не знаю. Прану, я хочу сказать тебе, что, кажется, люблю тебя, хотя совсем не понимаю.

– Тебе не нужно понимать меня. Для того, чтобы понять, нужно слишком много времени. Может жизни не хватить.

тить.

*Он скользяще провел рукой по её лицу. Посмотрел в глаза. Теперь его взгляд не подавлял, а обволакивал её всю. Тысячи щупальцев неожиданно отпустили. Ковер из клубящейся массы превратился бирюзовую воду. Прану набрал в руку воды и мягко растер по её груди. Вода превратилась выющиеся растения, которые моментально обвились вокруг её тела. Он поцеловал её волосы. Растения обрели крылья и подняли её...*

– Тебе понравилось быть в моей власти?

– Да.

– Ты больше не будешь задавать глупых вопросов и пытаться вырваться?

– Нет.

...Как легко у них там всё! Не успел захотеть – вот они, твои желания, на блюдечке с голубой каемочкой. Интересно, те, кто пишет фэнтэзи, наверно, не видят сюжетов в реальной жизни? Или наша жизнь так скучна... Что не просится на бумагу. Легко общаться в книге, легко общаться в Инете. Надоело – выкинул книгу, занес адресата в список игнорирования. Люди как скомканные листы бумаги в мусорной корзине. Получилось – слано, не получилось – не беда.

Я потерял Анну из виду после того телефонного разговора. Каждодневные заботы стали вытеснять её из памяти. Затем я организовал свою фирму, вернее, филиал одной круп-

ной немецкой компании. Анна еще жила в моем сердце, но я не хотел растравлять себя встречей. Из разных источников я узнал, что её друг быстро её покинул, и она опять одна.

Что же всегда удерживает нас сделать первый шаг на встречу? Гордыня? Честно говоря, я обычно не люблю ко всем событиям своей жизни применять десять заповедей и вспоминать о главных грехах. У всех есть моменты, когда он пожелал жену ближнего. Странно, мой лучший друг Валерка пожелал жену своего друга. Но ведь взаимно. Жена ближнего – тоже человек, и она тоже имеет право желать. Ничего, развелась и живет с Валерой. Что аморальнее: жить с нелюбимым и изменять или все-таки пойти на разрыв и соединиться с любимым? Или надо относиться к вопросам-дилеммам индифферентно, или *фиолетово*, как я люблю говорить.

*Ванжсерина блуждала в тёмных переходах, напомнивших ей подземные галереи парка Монсури. Как она здесь очутилась, она не помнила. Когда-то я в таких же подземных галереях парижанам являлось фантастическое существо, имевшее удивительную подвижность. Существо это блуждало в потемках, считалось, что встреча с ним предвещала смерть, или потерю близкого члена семьи. После пребывания в странном доме с живым ковром она не видела Прану. Он исчез. Растворился. Она хотела выйти из этого дома, а очутилась здесь. Только серебряное кольцо напоминало ей о нем. Передвигаясь по лабиринтам, она вспоминала о том*

мире, который покинула. Там все было далеко не идеально, чтобы чего-то достичь, нужно было идти путем взлётов и падений.

Взлёты окрыляли, падения...

После замечательного города с серебряным солнцем она оказалась в холодном подземелье, в котором постоянно что-то булькало, шипело, ей было страшно. "Прану, ну где же ты, зачем ты бросил меня посреди этого кошмара?". Она шла наугад, хорошо хоть не было полной темноты, то здесь, то там появлялись и гасли разноцветные точки, и можно было разглядеть старые стены. Сколько прошло времени, Ванжерина не знала, ей казалось, что она не дойдет до того места, где есть выход. Вдруг она услышала приближающийся рев. Все её тело напряглось, выступил холодный пот.

Полумрак стал вытесняться серебряным светом. Гулко содрогались стены. Какое-то существо приближалось, но спрятаться было некуда. Бежать? Она оглянулась назад, откуда только что пришла, и увидела стену. Как в компьютерной игре – ловушка захлопнулась.

Монстры, с которыми так легко сражаться в виртуальности... Сейчас они все воплотятся в одно мощное чудовище, которое поглотит её и не заметит... В последнюю минуту перед смертью, говорят, проносится вся жизнь. Ванжерина сжала руки до боли. Что-то острое впилось в ладонь. Она взглянула на руку – кольцо Прану было покрыто шипа-

*ми. Капельки крови свились в ниточку и устремились вверх. Затем нитка стала превращаться в алую веревку, увеличиваться в размерах, извиваться змеей вокруг её тела. Она отчетливо увидела змеиную пасть и почувствовала боль в глазах. «Прощайте, мои друзья, которые никогда не узнают обо мне всей правды. Прощай, Прану, наверно, я все-таки тебя любила. Без всяких условий и заклинаний». Последний всхлип удушья, последний крик...*

Сегодня выходной. Почти наступила зима. Скоро Рождество, мы с Сашкой и друзьями опять поедem на каникулы в Париж, Новый Год, я скучаю по Сашке, вот уже месяц его не видел. Сегодня хочется слушать только классическую музыку. Без слов, мыслей... Вечером – блюзы в «Китайском лётчике». Я уже сдружился с некоторыми завсегдатаями, это довольно престижный элитный клуб. Хорошо, спокойно... Похоже на аутотренинг. Всю эту гармонию нарушает звонок в дверь. Но ведь еще утро... Лениво тащусь, открываю. Стоит Анна. Похудевшая. Я её не видел год, но она стала еще прекраснее. Не знаю, что сказать, начинаю по-глупому помогать ей раздеваться, все еще не говоря ни слова. Она что-то пытается обозначить движением губ, но я закрываю ей рот поцелуем. Я спокоен и равнодушен... Да, пока не узнал, что такое любить. Любовь и Париж вечны...

2001 г.

# Лиловый фрак

Маугли моей души

На перроне, прямо напротив двери запыхавшегося вагона, тускло поблёскивала лужа. Проводница с недовольным видом протирала поручни, брезгливо переступая с ноги на ногу. Одинокий воробушек из распуганной стаи храбро пытался склевать несколько семечек, выброшенных чьей-то рукой из открытого окна.

Припекало по-весеннему обманчивое солнце, но раздумывать было некогда, стоянка всего пятнадцать минут, и Лилия торопливо протянула смятый билет с паспортом. Ей предстояло провести в дороге остаток дня, а там... Там её ожидает что-то, пока неясное и туманное, которое манит нас в юности призрачными надеждами, шепча успокоительно сладкую песню.

Она закинула спортивную сумку на площадку и приготовилась прыгнуть сама. Неожиданно сверху ей подали руку, помогая преодолеть последние ступеньки. Она мельком взглянула на незнакомца, буркнула что-то вроде «благодарю» и пошла в свое купе. Купе ей было совсем не по карману, но других билетов не было, а послезавтра ей предстояло предварительное собеседование, и она хотела полистать некоторые книжки, не особенно отвлекаясь на спящих взад-вперед пассажиров.

Купе было едва прикрыто, на нижней полке, одиноко заправленной по всем правилам железнодорожного этикета, лежала книжка Камю. Похоже, вяло подумала она, мне действительно повезло. Попутчик или попутчица будет читать эту экзистенциальную заумь, а я тихо мирно доеду до Петербурга.

Она скинула сумку, покрутив онемевшее плечо. Да, знание – это не только сила, но и тяжесть, особенно когда его приходится носить все время с собой. Опять эта привычка всё анализировать и ехидничать по любому поводу, одёрнула она себя.

Поезд начал подавать признаки жизни, дернулся, дверь купе дернулась вслед за ним, щелкнув задвижкой. За окном медленно набирали скорость удаляющиеся желтые постройки вокзала, и Лиле стало немного грустно оттого, что между жизнью прежней и жизнью новой оставался лишь небольшой промежуток времени в ограниченном поезде пространстве. С той стороны постучали, что было, по меньшей мере, странно. Графское воспитание, да и только.

– Да-да, входите!

Лиля как будто даже и не удивилась, увидев своего недавнего помощника по прыжкам во чрево поезда.

– Добрый день, барышня. Оказывается, мы с вами попутчики.

Незнакомец пригладил рукой сбившуюся прядь длинных волос. Теперь Лиля могла его разглядеть более внимательно.

Невысокий ростом, но под лёгким трикотажным джемпером чувствуется игривость мышц и быстрота движений. Волосы густые, тёмные, нос крупный, отливающие рыжим оттенком усы немного топорщатся. Черты лица ни утончённые, ни грубые. Подбородок жестковат, что не сразу заметно при улыбке. Улыбка слегка ироничная, взгляд серо-прозрачных глаз пронизателен и серьёзен. Что-то в нем гоголевское, отметила про себя Лиля, неуловимое и бесовское.

– Ну, что, барышня, будем знакомиться? Или вы с незнакомыми не знакомитесь? Роман.

– Роман с продолжением? – хихикнула она, – А меня Лилей зовут.

– Замечательно. Тоже в Северную Пальмиру?

– Да, туда, где, возможно, не очень ждут. Надеюсь, за это время мы не слишком обременим друг друга, мне нужно еще многое успеть.

– Конечно-конечно. А что за дела в столице, если не секрет?

– Предварительное прослушивание в академию театрального искусства.

– О, барышня мечтает об актёрской карьере...

– Возможно.

– Тогда вам крупно повезло.

– Неужели?

– Меня пригласили в камерный театр поставить одну пьесу.



– Да что вы говорите! – Лиля изобразила на лице удивление, сменяющееся восхищением.

– Я понимаю, вы крайне удивлены, такая удача, и все это в первые минуты нашего знакомства...

– Да я просто убита наповал! И что за пьеса?

– Французская, восемнадцатого века. Маленькая компактная пьеса, о добром и вечном.

– О смысле жизни! Я так и подумала, что-нибудь поэтически-эпическое. С удушением главной героини в конце, не так ли?

– Я вижу, вы мне не верите.

– Да нет же, я просто пытаюсь выяснить степень мании величия.

– Или степень интеллекта? Вынужден вас разочаровать. Природа-мать обделила меня... Я умею только копировать и тиражировать эмоции. К тому же у меня нет мании величия – есть мания преследования. Но я вовсе не намерен мешать вам, и согласен помолчать. Тем более что мне тоже есть чем заняться.

Тон его речи становился все более и более жёстким, как будто его незаслуженно обидели. Он уселся к окну и углубился в чтение. Лиля достала отпечатанные и затёртые листки с баснями и монологами, чтобы, наконец, определиться, что читать на прослушивании.

Может, всё-таки зря я его так сразу отбрила, не такой уж он неприятный тип, размышляла она, машинально жуя шо-

коладный батончик и искоса поглядывая на сидящего напротив Романа. Сколько ему лет, интересно, пыталась она определить его возраст по выступающим морщинам на лбу. Лет тридцать.

Как и бывает в около двадцатилетнем возрасте, тридцатилетние кажутся очень далёкими и старыми. Лиля была хороша собой, и на неё часто обращали внимание мужчины. Чёрные длинные волосы, спадающие на плечи, карие глаза, смотрящие дерзко и прямо. С детства она привыкла быть в центре внимания, занимаясь то в школьной хоровой студии, то в театральном кружке. После восьмилетки она сразу пошла в училище и зажила самостоятельно, вдали от родителей.

Из вагонного коридора донёсся звон стаканов, проводница предлагала чай. Роман напряжённо молчал, изображая полное отсутствие интереса к её особе. Обычно мужчины бывали более настойчивы. Она подождала, что он предложит угостить её чаем, но её желания не оправдались. Не отрывая внимательного взгляда от книги, он помешивал ложечкой в стакане. Мизинец на правой руке слегка отставлен, ногти правильной формы длиннее, чем обычно. Прошёл уже почти час обоюдного молчания, слышался только мерный стук колес и тихое позвякивание ложечки в стакане.

– Роман, извините, если я вас обидела.

– Я понимаю, барышня, вы не со зла. Но я действительно режиссер и действительно еду ставить спектакль. Возможно,

и не один.

– Расскажите мне о нём.

– Спектакль еще только в голове, милая барышня. Сюжет несколько отличается от традиционного. Да, я забыл сказать, автор Сен-Жюст, был такой поэт, в некотором роде революционный. Но пьеса совсем о другом. Это размышления о разуме и безумии, мудрости и тупости. Пьеса об Арлекино, надевшего маску Диогена.

– Со слезами и любовью к Коломбине?

– Любовь как тривиальный треугольник не имеет большой ценности. Там нет треугольника. Там есть душевный поединок между Арлекином и Переттой, между мужчиной и женщиной. Игра в любовь, чтобы вызвать ответное чувство, отречение от любви и вновь её признание. Смена масок с минимумом декораций.

– И что же бедная Перетта?

– Мне кажется, что её тоже забавляла игра, но она пыталась в ней разобраться.

– Как все запущено. Игра, игра... Судя по вашей интерпретации, довольно скучная пьеса, для массового зрителя я имею в виду.

– А театр не есть массовое искусство. Тем более камерный.

– Какие же чудеса должны произойти, чтобы вот так вдруг пригласили ставить спектакль?

– Барышня опять сомневается. Бывают чудеса.

– Да нет, мне даже стало интересно. Не с каждым можно вот так запросто поговорить о высоких материях, а вдруг вы прославитесь, а я буду писать мемуары, как мы пили чай в одном купе!

– Что ж. Тогда настало время перейти на «ты» и выпить чаю «на брудершафт». Это не шампанское, конечно, и нет ананасов, но тоже неплохо!

Роман картинно поднял стакан.

– В конце концов, есть некоторая предопределённость в нашей встрече. Скажу по секрету, роль Перетты практически вакантна. А вдруг это и есть вы, то есть – ты!

– Что ж! Давайте «на брудершафт» и за удачную постановку спектакля!

– Как трогательно! Ах! И зарыдали оба! Пушкин, между прочим... Что-то там рифмующееся с «гроба», – вдруг трагическим голосом закончил он.

– Забавно, забавно.

– Забавней и забавней. Лилечка... Кстати, имя у тебя очень древнее. Если верить евреям, то именно Лилит была первым человеком, а вовсе не Адам. Пожалуй, она была большей искусительницей, чем змей. Тебе не говорили об этом? – взгляд его изменился.

Глаза стали не серыми, а жёлто-зелёными. Дерзкий, пристальный, изучающий, откровенно-сексуальный взгляд...

– Барышня смутилась... Солдат ребенка не обидит! Простите великодушно старого паяца. Это во мне заговорила

пра-пра-пра какая-то бабушка, шалунья и флиртоманка. Так на чем мы остановились... Предлагаю тебе попробоваться на эту роль!

– Так сразу?

– Сразу... Я понял сразу!

Уж слишком запальчиво он произносил это, и Лиля не могла отвязаться от ощущения, что участвует в каком-то моноспектакле – только в качестве зрителя. Причем по сценарию у нее роль статистки, но любые её реплики абсолютно не влияют на основную линию сюжета.

– Или ты не хочешь?! – вскрикнул Роман низким и устрашающим голосом.

Лучший выход – подыграть ему, подумалось ей, галопом в голове понеслись девические страшилки о маньяках и убийцах.

– Я... просто мечтаю попробовать! Ведь до сих пор у меня были только детские роли... Мальвина, дрессирующая Артемона...

– Вот! Вот! Я знал! Мальвина-Коломбина-Перетта! Жеманная девочка – девушка – женщина, пытающаяся властвовать и попадающаяся на крючок собственного изворотливого ума.

– Позволь не согласиться, ум у Мальвины не так изворотлив, она просто очень капризная девочка, из каприза сделавшая себе мантию непревзойденности и величия! (Господи, что я несу, совершеннейший бред, глаза у него безумные, он

даже не улыбается, это точно маньяк).

Лиля опасливо поглядывала на дверь, пытаясь оценить шансы на спасение.

– Ну вот! Совсем напугал барышню. Сейчас, наверное, мысли проносятся в голове, как пули у виска, что я маньяк и убийца?

Лиля молчала.

– Молчишь?! Нехорошее думаешь?! Ну-ну. Ладно, я пойду покурю, да не трусь ты так, расслабься. Никакой я не маньяк. Я просто мудр от безумия и безумен от мудрости. Цитата.

Роман накинул ветровку и вышел. Поезд приходит очень рано, и нужно успеть выспаться. Если они продолжают в том же духе, то завтра она будет словно вареная курица, а нужно, не засыпая, подождать, когда заработает метро и ринуться в сторону Гражданки.

Там полу-глухая тетка, седьмая вода на киселе, дальняя родственница, должна приютить её на некоторое время. Прослушивание предварительное, еще неизвестно, кто на нем будет сидеть... Мысли о предстоящей беготне вихрем проносились в Лиловой голове. Терять Романа в Питере не хотелось, если он говорит правду, пусть и не получит она эту роль (что было бы слишком фантастичным), хоть какая-то зацепка будет. Люди из провинции отличаются крепким умом и сообразительностью, а также цепкостью и прилипчивостью, почему-то подумалось ей. В принципе, Роман

ей понравился, было в его пока тёмной фигуре что-то властное, что в её понимании ассоциировалось с внутренней силой.

За окном проносились бесконечно унылые ельники, Роман не появлялся. Лиля уже забралась под одеяло и бесцельно изучала сухую геометрию пространства купе. Она не заметила, как медленно погрузилась в сон.

... Кто-то ласково тормошил её за плечо.

– Просыпайтесь, барышня, вас ждут великие дела.

Лицо Романа было очень близко, в полумраке наступающего утра глаза поблескивали. Лиля села, встряхнулась, плохо соображая, где находится.

– Вот тебе мои координаты в Питере. Это на Лиговке, старые дома-колодцы. Сначала позвони, договоримся. А сейчас умываться, собираться, иначе так и выйдешь в столице, не отмывшись от провинциальной грязи. У тебя вид невыспавшегося воробышка.

В голосе его прозвучали оттенки нежности. За ночь в купе так никто и не подсел, потому она и спала как убитая. В свете наступающего утра на лбу Романа обозначились глубокие морщины.

– Вот и пора нам расставаться... Простите шута. Он зол не от мудрости, весел не от печали. Его не прельщает лунный трон, он не хочет невозможного, как цезарь, он просто устал от жизни, и все его антрепризы лишь жалкая попытка высечь искру смеха или добиться дрожания слезы на усталой щеке.

Я молод телом, но, увы, очень стар душой. Все так не мило!

На его лице отразилась гримаса неизбывного страдания.

– Что с тобой? – Лиля подошла к нему ближе и присела на край полки. – Ты так печален.

– Я не могу выразить словами свои страдания! Мне так одиноко в своей творческой камере! Смерть идёт за мной по пятам, приходит ко мне каждую ночь и смеётся в лицо! Её смех так безнадежен и бездонен, и кажется, что её белые костлявые пальцы вот-вот сожмут моё горло! Теперь я понимаю муки Цезонии, которая не могла сопротивляться, ибо любила, или муки Дездемоны, ибо любила, я ведь тоже её люблю – мою прекрасную Смерть!

– Роман, ты меня пугаешь! (Господи, этот ужасный бред, у него, наверное, шизофрения, суицидальные наклонности). Роман, успокойся!

– Да-да... Смерть так прекрасна в своем подвенечном платье. Её объятия так нежны! Её револьвер направлен мне прямо в сердце! – он схватился за сердце, – Ах! Я умираю! Течет моя кровь! Моя кровь из клюквенного сока! – на последней фразе он громко рассмеялся.

Интонации сменялись, словно цвета радуги – трагедия, восхищение, страдание ирония, сарказм, смех.

– Чёрт! Ты валял дурака! Это... просто...

– Зато было забавно, не так ли? Впрочем, мы скоро расстанемся на вокзале, и я буду ждать твоего звонка. Ну, не сердись...



Лиля отшатнулась. Очень забавно, так забавно, что хочется плакать. Идиот, да и только, думала она, собирая вещи. Нет, Мышкин был беззащитный перед жизнью. А это... Это просто манипулятор человеческих эмоций. Режиссеришка маленьких трагедий. Наверное, он всё наврал. У него же нет ни одной своей фразы, все как будто из лоскутков, ситцевое одеяло чужих мыслей. Да еще сшитое белыми нитками.

– Я понимаю, о чем ты думаешь. Ты злишься на меня и рассуждаешь примерно так: жалкий лицедей, паяц, шут гороховый. Я не прав? У тебя все можно прочесть на лице. Если хочешь стать актрисой, учишь управлять лицом. Грим тебе не поможет. Главное – искусство не выдавать того, что ты думаешь, а играть то, что не думаешь вовсе.

– Можно без комментариев?

– Вот, отлично! Когда вы злитесь, барышня, вы мне нравитесь больше.

– Я не собираюсь вам нравиться, сэр.

– У вас есть эксклюзивное право посвящать в рыцари? Отлично. Как хорошо, что мужчина никогда не позволит себе драться на дуэли с дамой. Остается только подсыпать яду в утренний кофе или кинуть ножом при совместной трапезе. Или пожарить поганки-грибы. А так я весь к вашим услугам.

Роман встряхнул головой, приподнялся, слегка поклонился, отводя правую руку в сторону.

– Точно! Шут гороховый! – прошипела Лиля, почувствовав, что начала успокаиваться. – Злиться я на тебя долго не

могу, ведь полцарства можно отдать за твою улыбку! Все, молчание!

– Нет, так дело не пойдет! Пойми, Перетта сама еще не разобралась в своих чувствах. Ей лестно, что Арлекин из-за нее залез в эту бочку и отказался от земных радостей. Но она еще не понимает, действительно ли он ей нужен, что не мешает ей с ним кокетничать. Когда же он поддается на её чары, она снова с ним холодна. Ведь она узнает, что он притворялся безумцем. Ну, и так далее. Потом и Арлекин отрывается от любви в пользу вина и философии. То есть любовь для них всего лишь попытка к игре, даже не сама игра, попытка игры в куртуазность и возвышенность. А ты играешь как дешёвая проститутка! Или как слишком дорогая Настасья Филипповна!

– Ну, это уже слишком!

Лиля до этого сидела на стуле, единственном стуле в этой небольшой комнате с высокими потолками. Диван был не заправлен, на подоконнике в пепельнице громоздилась куча окурков. И она пыталась внести уют в эту беспримерно запущенную нору одинокого волка! Вот уже неделю она приходит сюда репетировать, Роман объяснил ей, что это комната его одинокого друга, который уехал в отпуск, и здесь будет удобнее. Тем более что он еще не решил, брать её в спектакль или нет. Прослушивание Лиля успешно завалила, а домой ехать не хотелось. Нужно было искать работу, пред-

стоял трудный разговор с теткой на тему, что нужно потерпеть с авансом за жилье. Роман не сказал ей ничего определённого, но ей нравилась роль.

Это так отвлекало от реальности, что она самозабвенно учила текст, хотя репетиции давались ей с трудом. Роман, если ему что-то не нравилось, не говорил об этом прямо, начинал издали и выдавал свои замечания как бы между прочим, наращивая давление. Колкости сыпались градом, благо две тихие соседки по квартире не обращали внимания на их жаркие перепалки. Так она и моталась каждый день с Гражданки на Лиговку и обратно.

Почему-то она сразу решила, что не будет давать ему поводов для соблазнения, хотя они и поцеловались пару раз в наступающих сумерках. Сердце её лихорадочно застучало, ожидая продолжения, но продолжение последовало в виде стандартного провожания до станции метро, мимо задумчивого Достоевского и синих куполов собора на площади. Легкий воздушный поцелуй, когда она уже стояла на удаляющемся эскалаторе. Где он проводил остаток вечера, ночевал ли дома, была ли у него женщина – она ничего не знала. Он так и остался странным неисследованным объектом. Её злило, что он не проявляет к ней никакого интереса как к женщине. Злило, что нет никакой определённости в жизни. Но с мазохистским рвением она приходила к нему снова и снова, ожидая, что какое-нибудь ружье все равно выстрелит.

Как-то одним тихим светлым вечером репетиция не заладилась. И они пошли гулять по скучно-серым улицам.

– Почему ты до сих пор не женат, Роман?

– Видишь ли, творческие люди крайне неудобны в быту. Они вообще опасные люди для общества, одинокие волки, пытающиеся изменить мир.

– Почему?

– Почему? Да потому что от них неизвестно чего ждать. Семейный человек повязан обязательствами и страхом за будущее своей семьи. А мне терять нечего. Сегодня я здесь – а завтра что-нибудь взорву. В метафорическом смысле, конечно.

– Зачем же эти бесконечные протесты? Уж не претендуешь ли ты на роль Мышкина, который так не вписывается в общество?

– Нет... Мышкин зависим от женщин. Он хочет делать добро и страдает от своей правды. Я от правды не страдаю, и не привык прогибаться, разве это плохо. Тихий семейный уют не для меня. Потому что по своей природе я бунтарь, ненавижу все серое и бездарное.

– Дело не в семейном уюте – а в желании иметь близкого человека, единомышленника, понимающего тебя, защищающего тебя, я даже не знаю, человека близкого духовно, физически...

– Ты рассуждаешь как школьница, а романтизм – опасная штука. Да и верить людям – значит, показывать им свои сла-

бые стороны.

– Но нельзя же никому не верить!

– Можно. А вообще мне все уже надоело. И я хочу уединиться в Аравию. Мне больше по нраву непричёсанные медведи, чем-то животное, что ходит на двух ногах.

– Опять ты за свои цитаты! Есть ли у тебя хоть одна своя мысль, можешь ли ты быть серьёзён!

– Нет, не могу. Тяжёлое детство, деревянные игрушки.

– Я тебя сейчас прямо здесь поколочу!

– Мадам, разве это достойно леди?

– Да я не леди!

– Пошли лучше к грифонам, загадаешь желание, и злость пройдет, как с белых яблонь дым.

Они еще долго гуляли по освещённым улицам, Роман рассказывал ей старые легенды о Петербурге, и эти часы прошли без пререканий. Они пошли к нему домой, и Лиля отдалась ему легко и упоённо, не думая, не анализируя, словно крестьянка на стоге сена в лунную ночь.

Роман пропал. Телефон молчал, соседки отвечали, что не видели его давно. Лиля совершенно не знала, что думать. Роль так и не отрепетирована до конца, как-то сразу навалились все проблемы. Тетка уже тихо шипела, проходя по коридору маленькой квартиры, и Лиля стала подумывать, не пора ли с позором возвращаться в свою провинцию. Работу предлагали только самую тяжёлую, на летнее время, убирать

вокруг расплодившихся точек быстрого питания, да и то совершенно ненадёжно.

Как-то она проработала пару дней у одного раскормленного донельзя молодца, да так и не увидела ни копейки. Всем требовалась прописка, а тетка даже и слышать об этом не хотела. Целыми днями Лиля ходила по шумному городу, июнь выдался душным, старые камни мостовой немилосердно отбивали все подошвы. Нужно покупать билет, но где взять денег. С такими невеселыми мыслями она завернула в дворик у Фонтанного дома и присела на скамейку.

Во дворе проходила какая-то странная выставка авангардного искусства. Экспонаты из полиэтиленовых полос, бутылок и крышек от пива. Полиэтилен шелестел на ветру, крышки позвякивали, тишина стояла совершенно непривычная, медитативная. Вдруг она заметила пару, только что завернувшую во двор. Яркая женщина почти бальзаковского возраста, в лиловом элегантном брючном костюме, с распущенными волосами ниже плеч и одетый в мятые джинсы Роман. Лиля вся сжалась на своей скамейке. Дама весело смеялась, показывая ослепительный оскал керамических зубов, но лицо у нее было свежее, явно ухоженное. Роман шел рядом, молча, направив свой взгляд в землю. Лиля подумала, что не хочет встречаться с ним. Но вдруг он остановился и махнул ей рукой.

– Лилит! Привет!

– Здравствуй!

Интересно, почему это они как дураки, кричат за несколько метров? Роман что-то сказал своей спутнице на ухо, та приветливо помахала ей рукой. Ну, вот еще, давайте будем знакомиться со всеми твоими знакомыми женщинами, подумала Лиля. Дама в лиловом осталась стоять, а Роман резво подошел к Лиле.

– Ну, ты не злишься на меня?

– Как сказать. Почти не злюсь. Наверное, я скоро уеду.

– Лиль. Ты извини, что так получилось, я тебя приглашу в наш театр! Ты познакомишься с актёрами, погоди... Вот, – он порылся во внутреннем кармане, – Это приглашение. Доезжаешь до Пушкинской, дальше по Загородному проспекту... Тут все нарисовано. Увидишь вывеску «Попугай Флобер». Вот это и есть театр.

– Что-то я о таком не слышала.

– Ты многого еще не слышала, милая. А теперь мне пора, как видишь, я не один. Завтра вечером приходи.

– А какая постановка?

– Увидишь. – Он поцеловал её в щеку и крупными шагами пошел назад.

Лиля проводила взглядом чудесную парочку. Ты что, ревнуешь его, спросила она себя. Опомнись, милая, что ты придаешь значение мимолетному знакомству.

Лиля долго плутала по незнакомым улицам, пока не увидела эту вывеску. Дом был старый, вывеска едва приметная.

Ступеньки уходили вниз. Это и есть театр, подумала она, а что ты хотела найти, парадные двери Мариинского? «Драматическое кабаре», – прочла она выцветшую надпись. Мда. Похоже, Роман явно страдает манией величия. Она неуклюже спустилась по ступенькам и открыла дверь. Обыкновенный подвал, потолок и стены из неровных кирпичей. Маленькая сцена, едва освещенная. Полукругом вокруг сцены стоят столики, за ними странная публика неопределенных профессий.

На сцене ярко раскрашенный Арлекин в лиловом фраке, он же конферансье, заводил публику плоскими шуточками. Лиля увидела свободный столик, притулившийся к шершавой стене, и поспешила сесть к нему.

– Я объявляю следующий номер нашей программы! На сцене – гордость нашего кабаре-мисс Сладкая Клубничка!

Фи, какая пошлость, какая пошлость, думала Лиля, оглядывая присутствующих. Мальчики со стоптанными ботинками, задумчиво пьющие только пиво. Дамы чуть более респектабельны. А сама-то ты кто, нищая провинциалка, не знающая, где взять на билет. Клубничка принялась петь блюз плохо поставленным голосом. Пьеро что-то страстно шептал ей о любви.

– Я дать хотел тебе так много, а даю так мало! Всего лишь жизнь в «Сиреновой игре»!

На сцене происходили игрушечные охи-вздохи по поводу безвременной кончины Пьеро. Лиля решила отойти к стойке



бара, чтобы не было так невообразимо скучно. Она не видела сцены, но слышала монолог Пьеро о смысле жизни:

– И тут я понял! Смысл – он в пути! Не в пункте назначения – а в дороге! Вся наша жизнь – с одной мечтой – дойти! И умереть спокойно на пороге.

И тут Лилию пронзила мысль, что этот голос ей знаком. Она поняла, что зря искала в зале Романа, что Пьеро как раз и есть Роман. Почему я его не узнала, ах, да, лица у всех раскрашены, да и голос бы не узнала, Роман его изменил, сделал жалостно-тоскливым. Она снова направилась к столику. Арлекин в роли священника венчал Пьеро с Коломбиной. Теперь Лилия пристально вглядывалась в лицо Романа. Оно было почти треугольным. От белой пудры оно казалось белее снега. По щеке, параллельно нарисованной слезе, текла струйка пота. Коломбина часто дышала, от чего его пышная грудь колыхалась студнем. Сцену второго убийства Пьеро, оплакивания и траурных речей, она слушала словно во сне.

Вдруг сзади к ней подошел Роман. Шепотом сказал:

– Ну что, крошка Лили? – и, потом уже громко, для всех, поднимаясь на сцену, – Все нормально, ребята. Сначала было скучно, потом разыгрались, и пошло поживей. Все класс! Поиграли-разбежались! Ну, отвязался. Не все же время водку глушить.

Лилия уже не смотрела на сцену и не слушала. До нее долетали отдельные фразы разъярённых якобы актёров, продавших свой талант за деньги. Что-то про клюквенный сок, за-

менивший кровь... Пьеро-злодей, заставивший всех плясать под свою дудку, прямо на сцене стирал грим, улыбаясь публике.

Лиля перехватила его взгляд, он молча отвёл глаза. На сцену кинули букет синих роз. Тоже, наверное, какая-то бу-тафория, со злостью подумала Лиля. Все её петербургские приключения показались ей странной репетицией к этому балаганному спектаклю. Так он простой актёр, мечтающий дергать за ниточки. Пьеро в роли Карабаса.

– Итак, что у нас сегодня было? Ни загадки, ни поэзии, ни классики! Ни черта! Только мы! Комический порнограф для души и банда актеров-проституток! Мы делаем на сцене то, что происходит за её пределами! И мы считаем каждый вход – выходом где-то еще, – снимая лиловый фрак, произнес Арлекин.

Роман скрылся за кулисами, унося с собой синий букет. Через пять минут он вышел, как ни в чем ни бывало, и подсел за столик к Лиле.

– Зачем? Зачем ты меня сюда позвал?

– Надо же было тебя куда-нибудь пригласить. Что тебе заказать?

– Ты разбогател? Бывало, у тебя чаю не допросишься.

– Не разбогател, так, чуть-чуть. Так что тебе заказать?

– Водки с соком.

– Вот это по-нашему, по-бразильски. Водка так водка.

Он отошел к бару, оставив букет. Лиля понюхала – нет, все-таки настоящие.

– Розы настоящие, не волнуйся, – к столу подошла дама, которую она видела в дворике Фонтанного дома, – Ромочка ведь это просто Синяя Борода, ему слишком быстро надоедают женщины. А синие розы – это так необычно. Я специально их заказала, чтобы вырастили.

– 3-3-здравствуйте.

– Здравствуй, милочка. Тебе понравилась эта пьесочка дель-арте?

– Я ещё не поняла.

– Какая ты еще маленькая, непонятливая. Так что, устроилась в Питере?

– Вы что, в курсе моих проблем?

– Так это и так видно. Наверное, приехала поступать, но провалилась?

– Какая Вам разница!

– А Ромочка пообещал тебе роль, не так ли? Он ведь бредит театром. Увы, приходится разменивать свой талант в таких вот постановках. Начиная с названия – всё есть здесь издевка. Бедный мальчик, но я ему обязательно помогу.

– Вы что, спонсорша у него?

– Милочка, как ты восхитительно зла! ПионЭрка просто, украшенная салютом. Ты хочешь знать правду сразу и по полной программе? Талант всегда нуждается в участии людей, а мне приятно ему помогать.

– По крайней мере, будет чем гордиться при разборе полетов в аду!

– Девочка, успокойся. Ну, что ты? У тебя, кажется, нет денег на дорогу? Давай я тебе дам займы, вернешь, когда заработаешь.

– С чего вдруг такая доброта, не пойму? Вы от меня откупиться хотите?

– Ну что ты, – дама смотрела на неё чуть ли не по-матерински. – Такое подозрение! Да я сама доброта по отношению к тебе! Возьми деньги и уезжай из Питера! – Последняя фраза прозвучала так контрастно жёстко, что Лиля вздрогнула.

– Я... Я поговорю с ним... Я уеду... Я обязательно уеду! – Лиля вскочила и побежала к выходу. Вслед раздавался хохот дамы в лиловом костюме.

Лиля выскочила на улицу и побежала по направлению к метро.

– Лиля! Лиля! Остановись!

Роман догонял её.

– Постой, дуручка, я тебе все объясню, ты все неправильно поняла. Диана мне просто друг, она актриса, она очень хорошо ко мне относится... Но это совсем не то, что ты себе вообразила.

– Ты спишь с ней! Это видно невооружённым глазом!

– Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав! Я с ней не сплю. И вообще... Ты что, хочешь, чтобы я прямо сейчас

сделал тебе предложение, прямо здесь, на улице?

– Почему бы и нет, встань на колени и сделай все так, как велит тебе честь, совесть и долг!

Роман упал на колени и торжественно произнес:

– Мадам! Имею честь просить Вашей руки и сердца!

– Ах! Как это трогательно! И на что мы будем жить? На то, что нам кинет Диана со своего барского плеча? Нет, мой милый. Я тебя люблю... Ты терзаешь мне сердце, но я тебя люблю.

– Вот так всегда! Все клянутся мне в любви – а у самих билет в кармане. Что ж... Извини, дорогая Лиля, что я втянул тебя в эту глупую сиреневую игру.

– Ну хоть сейчас-то выйди из роли! – с надрывом крикнула Лиля, вырывая свою руку из его рук, обвившихся вокруг её талии.

– Достоевщина, сплошная достоевщина. Настасьи Филипповны плохо кончают, запомни. Лиля, я никого не люблю, мне никто не нужен. Я объяснял тебе это много раз. Да, Диана моя любовница. Ну и что. Мне всегда нравились умные женщины в возрасте. Не гожусь я на роль молодого прыткого ухажёра, увы. С тобой было неплохо, репетировать мне нравилось. Но, когда-нибудь все открывается. Я хотел просто исчезнуть из твоей жизни, но не получилось. Не плачь, ну что же ты плачешь-то!

Роман обнял её, поглаживая волосы, как у маленькой девочки. Так они и стояли, обнявшись, один нашептывал сло-

ва, другая всхлипывала, мимо проходили редкие прохожие, стал накрапывать дождик, размазывая тушь по зареванному Лилиному лицу еще сильнее, вдруг среди этой всей дождливо-любовной идиллии закрипели колеса, открылась задняя дверца, и им под ноги полетел лиловый фрак и букет синих роз. Машина дала газу, но сквозь тонированные стекла невозможно было разглядеть ни водителя, ни пассажира...

*2003 г.*

# Обратная сторона луны

/Любые совпадения в рассказе случайны/

Вот и собран рюкзак, аккуратно заклеены скотчем пакеты, чтобы в случае внезапного «купания» ничего не намокло. Олег еще раз проверяет все по списку и смотрит задумчиво на Ирину.

– Ты будешь без меня скучать?

– С чего ты взял?

– Ну скажи, что будешь. Я очень хочу, чтобы ты за это время еще раз подумала о моем предложении. Иришка, я люблю только тебя, ты – женщина, к которой я лечу, к которой я возвращаюсь, которая мила, капризна, изменчива и постоянна...

– Олег, романтик ты мой, почему все так сложно, мы ведь и так вместе?

Ирина улыбнулась, немного хищный рот сгладился, серые глаза посветлели, но выглядели так преданно. «Не верю я тебе... Все это уже было, романтика, школьная любовь... И – предательство. Никогда не забуду, как мы сидели на чемоданах, собирались в новую квартиру. А мой милый вывозит все вещи, кроме детской кроватки, и мы с Катюшкой остаемся в общаге еще на пять лет... Разве я могу позволить себе ошибиться еще раз?».

Олег тоже испил горечь предательства в первом браке. В

один прекрасный день он понял, что его жена, лучший друг и он сам-замечательное «трио». Пришлось продолжить путь «соло», чтобы не мешать «дуэту» легализоваться.

Пытаясь найти женщину, Олег много знакомился, но во всех его новых знакомых было много желаний казаться лучше, интереснее, многограннее... С Ириной он познакомился на работе, и она не пыталась его очаровать. В конце концов, мужчины не обходили её вниманием, и даже в начале их романа у нее был запасной вариант.

Когда женщина не пытается приблизиться, а, наоборот, убегает (инстинкт охотника?), азарт возрастает. Женщина превращается в награду, трофей за умелую игру (интеллекта, обаяния), и здесь Олегу пригодились и психология, и стихи, и математическая логика... Недаром он успел поучиться в семи вузах... Ирина была как драгоценный камень в оправе его желания, он готов был его протирать, лелеять, укрывать от сквозняков, а самое главное – не делиться ни с кем правом общения с ней – этой хрупкой по сути вещицей.

Это был «мягкий диктат» – запреты логически вытекали из безмерной заботы. Только пару раз в году он вынужден был оставлять её и уходить в поход (это его увлечение полностью игнорировалось). Он вынужден был доверять преданным глазам, говорящим о скуке и тоске, одолевающей Ирину во время его отсутствия.

Женщина непредсказуемая – как часто именно на эту приманку попадают умнейшие мужчины. То, что противоре-



чит логике, то, что невозможно просчитать – это всегда заманчиво и притягательно. А если все это приправлено острыми фразами и пренебрежительными ужимками... Ах, как хочется обладания!

Мужчина оригинальный и самодостаточный, уже воспитавший в себе личность – с таким обычно нелегко. И он может иметь «двойное дно» – то, что скрыто от других. Какая-то неделимая часть души, которая не может быть принесена в жертву никому и ничему. И эта часть души обычно мечется, просчитывает варианты, анализирует, именно она может откровенно сказать (похоже на раздвоение личности) что-то вроде «дорогуша, а все ли свои способности ты реализовал, твои однокурсники уже давно делают нормальные деньги, и даже за пределами горячо любимой родины, а ты?».

Кто хоть раз ощутил прелести Интернета, тот прекрасно понимает, что эйфория «общения без границ» захватывает настолько, что реальность приобретает расплывчатые очертания, а виртуальность, наоборот, выглядит все более выпукло и настояще.

Олег предпочитал общение реальное, а не виртуальное, но иногда его забавляло поупражняться в ICQ. Это ни к чему не обязывает, «тетя Ася отстирает все бережно (значит, безопасно)». Почему бы не попытаться заморочить голову какой-нибудь американке? Их «тупоголовость» известна...

Так незаметно для себя он втянулся в диалог с Хелен.

Каждое утро он начинал милую беседу с двадцативосьмилетней американкой, с тремя детьми, где-то даже умной и очаровательной. Он вошел во вкус и не скупился на комплименты, между делом нащупывая ходы возможного сотрудничества.

Хелен жила в известной Силиконовой долине, в Маунтин-Вью. Каким-то образом она даже успевала работать, благо в этом раю компьютерных технологий для участия в производственном процессе не обязательно физически находиться в офисе.

Как раз в июне, перед походом, когда и происходил описываемый диалог, Хелен очень серьезно его озадачила:

– Олег, мы уже достаточно общаемся, я понимаю, что твой талант программиста не может быть оценен в России должным образом. У меня есть друзья, я могу тебе помочь. Если хочешь, можем попробовать жить вместе, мои дети, хоть еще и слишком малы, не могут помешать. Я могу приехать к тебе в Россию, чтобы познакомиться...

Было бы заманчиво уехать в Америку. А Ирина? Вряд ли он сможет без нее обходиться. Но та, другая часть (наверно, пора уже дать ей название, например, «обратная сторона луны») упорно шептала, что такой шанс выпадает раз в жизни. Пальцы сами набрали:

– Хелен, я рад возможности познакомиться с тобой. И чтобы это не выглядело как рыночные отношения, предла-

гаю приехать. Реальное знакомство выявит как симпатии, так и противоречия. Мы с мамой будем очень рады!

Элла Сергеевна преподавала французский язык в университете, несмотря на свой не юный возраст, ужасно не любила «пенсионерских разговоров» о здоровье и «прошедших лучших временах». Так как большую часть жизни она посвятила воспитанию Олега, её вкус не могла удовлетворить практически никакая женщина, периодически всплывающая в его окружении. Но появившаяся возможность уехать в Америку её очень вдохновляла. Она стала носиться с этой идеей, а атмосфера таинственности (Ирина, естественно, ничего не должна знать) придавала предстоящим событиям ореол романтизма.

В тот день, когда Олег уходил в поход, Хелен тоже укладывала чемоданы, не подозревая, что «обратная сторона луны» еще ничего не решила... Когда Олег просил подумать о его предложении выйти за него замуж, он втайне надеялся, что при удачном стечении обстоятельств можно будет перехитрить судьбу – произвести хорошее впечатление на Хелен, отправиться в Америку, сказав, что его брак всего лишь формальность, обосноваться там и вызвать Ирину. Такой фокус проделывали многие, иногда даже удачно. Он считал, что Ирина все поймет, и его ложь будет оправдана. Почему же она так упряма в своем постоянном убегании от решения вопроса, такой формальности?

Олег пришел из похода раньше, искушенный мошкой, злой, с обветренной кожей и усталыми глазами. С порога спросил Ирину:

– Ты решила?

– Милый, отдохни, расслабься, потом поговорим.

– Ты не понимаешь. Дело не терпит отлагательства. Я хочу уехать в Америку, возможно, у меня будет работа, хочу уехать сначала один, устроиться, потом вызвать тебя. А для этого наши отношения должны быть оформлены. Единственно, чего я не могу тебе пообещать – это удочерения Кати. Ей придется остаться в России. А у нас с тобой еще будет гениальный ребенок, вот увидишь!

– А если родится больной ребенок, с физическими недостатками?

– Мы его оставим. Если это будет в Америке, это не проблема. Там полно людей, которые имеют возможность взять на себя эту обузу.

– Ты, видимо, тоже не понимаешь. Я не хочу иметь больше детей, потому что своего ребенка, какой бы он ни был, отдать не смогу. Я не могу ехать с тобой и всё бросить, у меня есть обязательства, работа...

– Ну, раз ты ничего не хочешь, не можешь, не желаешь – я еду один.

Олег развернулся и хлопнул дверью. Хелен должна уже была прилететь в Москву, а через день он должен встретить её в Кольцово.

Поздно ночью Ирине позвонил Сергей, приятель Олега по туризму.

– Скучаешь?

– Почему так поздно, я уже сплю?

– Ирина, извини, мне очень жаль, что ваши отношения с Олегом вошли в чёрную полосу. Но ты не знаешь всех обстоятельств. Твой благоверный не скучал. К нему прилетела американка, поселилась у его матери...

– Мне это безразлично...

Бросив трубку, Ирина закусила губу, слёзы обиды невозможно было удержать. В голове всё время прокручивалась пластинка «он меня обманывал, он меня обманывал». Очень просто решить в одну минуту «я об этом забыла». И очень трудно начать с этой минуты все заново.

Разговор с Хелен затянулся. Рыжеволосая, с веснушками, почти белыми ресницами и бровями, пухлыми, чувственными губками и мальчишеской фигурой – конечно, она была далека от идеала женской красоты. Но Олег терпел, слушал её непрерывное щебетание о том, какая чудесная страна Россия, какие здесь замечательные, гостеприимные люди, как ей нравится Олег и как она надеется, что у них всё будет замечательно...

Цель оправдывает средства – «обратная сторона» угодливо подбирала необходимые афоризмы. Когда год назад ли-

хой мальчишка в забытой деревне на спор перебежал дорогу перед машиной Олега, и эта попытка стала его последней попыткой – та же «обратная сторона» выносила оправдательные приговоры, отгоняла вопросы-ответы «а если бы...», утешала не хуже любимой женщины... Наверно, эта часть души – самая верная наша часть. При всей своей критичности она никогда не изменит. В принципе, какая разница – своенравная Ирина или глупышка Хелен? Главное, чтобы не мешала жить... Наверно, это главное качество в спутнице жизни, иначе рай быстро превращается в ад.

Итак, кажется, галантные манеры Олега и его природное обаяние победили. Хелен, утомлённая впечатлениями, отправилась спать. Олег вышел на кухню, чтобы поговорить с мамой.

– Сынок, ты уверен, что тебе это нужно?

Элла Сергеевна слегка нервничала, день выдался напряжённый, к тому же она ни слова не понимала из разговора, ей приходилось только кивать и улыбаться.

– Мама, мне это тяжело. Я все-таки люблю свою Совдепию, мне будет больно думать, что я никогда не смогу сидеть у вечерней речки под пение комаров... Небо везде одинаковое, но мне кажется, что такой васильковой синевы нет нигде. Что-то я рассопливился, извини...

– Олег, ты у меня по-прежнему романтик... Но это шанс... Надеюсь, Хелен не будет сразу торопить события и предлагать тебе оформить отношения, у них с этим не торо-

пятся. Хотя, оформив брак, может, легче получить гражданство... Я в тебя верю, Олег!

– Спасибо, честно говоря, впереди – абсолютная неизвестность. Остается надеяться на свою звезду. Мое резюме разослано по десяти компаниям, ответа пока нет, но времени прошло совсем немного. Мама, только Ирине ничего не говори, я сам ей позвоню.

Предыдущее неудачное замужество научило её осторожности. Олег не сделал еще никакого встречного шага к интимным отношениям, но это она относилась к его достоинствам, а не недостаткам. Однако она была самостоятельной женщиной, держала помощницу по хозяйству и уходу за детьми, и у нее было достаточно времени, чтобы заниматься собой. Отец детей, удачно начавший в стартапе, платил неплохие алименты, что позволяло существовать если не шикарно, то достойно.

Они зашли в квартиру, и Хелен бросилась на Олега с поцелуями.

– Вот мы и дома! Я так рада, что ты приехал, что мы вместе!

Олег последние дни жил как во сне, а сейчас проснулся в одну секунду. Отчётливо осознавая, что она ждёт пылкой реакции на его восклицания, он понял, что абсолютно не может лечь с ней в одну постель. Его руки помнили другое тело. «Обратная сторона» пыталась что-то подобрать и на этот

раз, но Олег находился в оцепенении.

– Что с тобой? Ты устал? Ты напуган? Ты не можешь?

Хелен смотрела даже немного насмешливо, а Олег силился подобрать фразы, английские слова перемешивались с французскими, перед глазами стояла Элла Сергеевна с ободряющей улыбкой...

– Хелен...

Однако слов уже не было нужно. Как говорится, машинально, они очутились в душе, и её мокрые губы (в этот момент Олег вспомнил прикосновение лягушки к щеке) искали его поцелуев, а он стоял как дерево и боялся, что капризное имя выдаст весь его ужас... «Обратная сторона» неожиданно вылезла с инициативой вспомнить Ирину, представить, нафантазировать, нарисовать в воображении. «В конце концов, дорогуша, ты ведь не можешь опозориться в первый же день! От тебя не убудет, если ты позволишь обладательнице зверского темперамента немного поиграть с тобой. Смелее, дружок, иначе она и вправду подумает, что ты импотент...». Задушевные разговоры с «обратной стороной»! К чему только не приводят подобные дискуссии!

Утро не предвещало ничего хорошего. Олег встал, сделал легкую разминку, почему-то ныла нога, он стал прихрамывать сильнее обычного. События ночи вспоминать было довольно противно. Хелен спала. Ирина где-то там... Она должна быть на работе. Мысль поворачивалась туго, как



заржавевший механизм. Включить комп, запустить ICQ... Так, тут пароли, но где наша не пропадала... Такие женщины всегда все записывают. Немного исследовав поверхность стола, он наткнулся на записную книжку...

– Привет! Это Олег.

– Привет. Как ты?

– Вчера прилетел. Пока все нормально.

– Как американка?

– Ты все знаешь? Я много должен сказать, но у меня лимит... Я тебе все напишу, уверен, ты поймешь...

– Хорошо, удачи...

Хелен зашевелилась и позвала его во сне. Он покорно заковылял к дивану. Не успел, сдерживая дыхание, улечься, как снова попал в цепкие объятия. «Неужели меня так и будут насиловать без перерыва? Я рехнусь, честное слово!».

– Хелен, может, не надо? Я очень устал.

– Дорогой, но я так соскучилась. Я просто восхищена тобой, как женщиной. Ты самый лучший!

Изобразив на лице подобие улыбки, он решительно отвернулся.

– Ты включал компьютер?

– Это запрещено?

– Связывался со своей любимой?

– Откуда ты это взяла?

– Неужели ты считаешь меня такой наивной? Мне все известно. Мне это не обидно. Но, кажется, ты сделал выбор –

о чём свидетельствуют перелет через океан и сегодняшняя ночь. Я не собираюсь держать тебя в клетке, но постарайся не думать о других женщинах, пока ты со мной. Я хочу быть единственной, понимаешь?

– Это условие?

– Считай, что так.

Довольно быстро она привела себя в порядок, нацепила на лицо улыбку («keep smiling»), чмокнула в щёку.

– Не балуй, милый! Мне пора прогуляться до офиса, через час придёт няня с детьми, прекрасный повод познакомиться, до вечера!

Ну вот к этому он никак не готов. В России у него дочь, которую он очень любит. С Катей отношения были довольно сложными, она его отчаянно ревновала. Возможно, это было даже жестоко с его стороны, но Олег всегда отделял Ирину и принимал её дочь как данность, которую не обязательно нужно к себе приближать. Они почти никогда её с собой не брали.

Олег с ужасом представил, что через час сюда вкатятся годовалый мальчик и две девочки трех и пяти лет. Это дурдом! Чтобы как-то успокоиться, он решил позвонить по компаниям, куда отправлял свое резюме. Ему вежливо отвечали, что проверяют рекомендации.

Рекомендации ему давали друзья Хелен. И вдруг его посетила дурацкая мысль, что все эти рекомендации «липовые» и их нет никакой возможности проверить. Он взял первую

фамилию и набрал номер.

– Хай. Питер! Это Олег Шуваев, друг Хелен.

– Хай, Олег!. Но я, к сожалению, не знаком лично с Хелен.

Очень рад тебя слышать, но сильно занят, извини...

Короткие гудки. Олег ничего не понял. До других «друзей» дозвониться не удалось. Наверно, это недоразумение прояснится... Придётся ждать Хелен. Состояние ожидания – нельзя отвлечься – нельзя уйти, оставаться в напряжении тоже нельзя.

Прошел час, другой, никто не появился. Олег бесцельно ходил по квартире, но кроме журналов и газет не мог обнаружить ни одной книги. Странно, но и игрушек было очень мало, словно дети приходили сюда нечасто.

Кто же такая Хелен? Аферистка? Любительница или профессионалка? Ожидание становилось настолько нестерпимым, что Олег уже хотел позвонить Ирине, но телефон не отвечал, телевизор надоел, музыку он не хотел слушать...

Утром пришла Хелен, довольно уставшая, выглядела виновато.

– Ты ждал, извини, что не позвонила. Как у вас говорят, «с корабля на бал», вечеринка затянулась до утра, ну, знаешь, как это бывает... Ты не голоден?

– Я голоден и зол. Скажи, кто мне давал рекомендации, ты их лично знаешь?

– Разумеется, а почему ты спрашиваешь?

– Мне кажется, ты ведёшь нечестную игру.

– Прости, не поняла? Мы оба вели игру в ICQ, это ведь безопасная игра.

– Разве?

– Что-то ты медленно соображаешь сегодня, милый. Безопасность состоит в том, что никто ничего не теряет, а только приобретает. Ты получаешь работу, я получаю тебя.

«Как я был глуп, думая, что эту женщину можно обыграть! Возможно ли вообще обыграть женщину? Моя нежная Ирина, как я был не прав. Я просто идиот...». «Обратная сторона» стыдливо молчала.

– Олег, жизнь прекрасна. Я тебя не тороплю, но чем быстрее ты примешь решение, тем лучше. Тем быстрее примут решение работодатели. Если тебе все-таки противно заниматься со мной сексом (честно говоря, не могу забыть выражения твоего лица, ты плохо контролируешь эмоции, дорогой), тогда придётся поработать, не знаю, уж хоть кем, чтобы заработать на обратный билет и оплатить эту поездку. Я не могу позволить себе содержать мужчину, тем более не моей мечты. Но есть компромиссный вариант. Полгода ты живешь за мой счёт, а если будешь рваться в Россию, я покупаю тебе билет. Такова жизнь...

От возмущения Олег стал покрываться пятнами.

– Возможно ли... Хотя бы позвонить, так сказать, в кредит?

– Да, конечно, я ведь не злодейка из боевика...

Элла Сергеевна была дома. Надо собрать деньги... И они были собраны.

Удивительное уральское небо. Оно кажется низким, когда пасмурная погода, и хочется дотянуться до этой мглистой серости рукой. А в ясную погоду оно такое прозрачное, далекое, вспененные сливки облаков напоминают то злого коршуна, то свободную чайку.

Олег лежал на траве, и мысли, зацепившись за облака, как на веселых карусельных лошадках, уносились далеко. Река, небо, усталость, запах пота и пряных трав, мозоли и бесконечность... Прошлогодние «асечные» передряги кажутся чем-то невероятным. «Обратная сторона луны», потерпев такое крупное фиаско, вылезает со своими советами уже не так часто...

Он решил делать свою карьеру непременно, не упускать ни малейшего шанса. И это у него стало получаться. Ирина простила, Элла Сергеевна смирилась и даже сама предлагает заплатить пошлину за регистрацию их брака (сам он не может, что ли?).

После похода они скромно отметят это событие, а затем поедут в свадебное путешествие по Европе. Хелен все-таки оказалась не такой стервой, какой пыталась себя изобразить. Она умоляла его остаться, без условий, обещала помочь... Но Олег не верил.

А Ирина не стала верить ему больше. В конце концов, даже посягательства на её свободу не волновали её очень сильно, Катюшка была по-прежнему на первом месте для нее. А Олег – не худший вариант мужчины. Любовь – это бескорыстный дар или сделка? Каждый решает для себя сам...

Самый надёжный способ удержать мужчину – не удерживать его. Приятельницы, одноклассницы, «асечницы» и прочие – разве можно к ним ревновать?

Ирина позволяет себя любить – она может быть капризной, уступчивой – какой ей хочется быть. Это её развлекает, как всякая игра, а они с Олегом большие любители театра...

*2001 г.*

# Синица в небесах

Мистическая мелодрама

... Лана сидела за компьютером. Был поздний уютный зимний вечер. Последнее время вдохновение посещало ее все чаще, и, хоть она и была начинающей писательницей, Интернет давал ей возможность иметь читателей в разных уголках страны. Конечно, это были в основном мужчины, которые делали ей комплименты относительно ее таланта. Но она понимала, что во многом они ей просто льстили. Герои вымышленные перемешивались с героями реальными, мозаика судеб и характеров завораживала. В поисках чего-то нового и неизведанного Лана набрала в запросе имя своего недавнего героя, диалоги с которым казались ей такими реальными.

Тихо плескалась вода в аквариуме, рыбки смотрели удивленными глазами, свет торшера был мягкий и лился как лунная соната. Тишина, только постукивание пальцев по клавиатуре. Макс, Макс, сколько людей с этим именем разбросано в виртуальном море... Обычные первоначальные приветствия, обмен любезностями. Взаимные расспросы о пристрастиях в литературе, музыке.

– Интернет – просто игра, Макс.

– Игра-то она игра, только такие игры могут забавно кончаться. Инет – вещь коварная, особенно для тех, кто принимает все близко к сердцу. И оказывается потом, что не такие

уж это игры.

– Мне это знакомо, только каждое разочарование в жизни и в людях писатель использует по-своему. Не знаю, как ты к этому относишься, но у меня все сразу переходит в творчество, что, конечно, удивляет людей. Особенно, когда начинаешь использовать их личные истории.

– А что, люди считают, что их личные истории принадлежат только им?

– Разве нет?

Неведомый собеседник, с таким родным именем Макс... Лана ощущала легкие волны-предчувствия, что все это не случайно. Интересно, как имя влияет на характер человека? В ней загорелся азарт, желание понять, что стоит за каждой фразой. Игра, игра...

Игра под названием «жизнь», с неизведанными поворотами, победами и поражениями, пешка выходит в королевы, король убегает от «шаха», белые начинают и выигрывают...

Наверное, это какой-то знак, она давно ждала, что в ее жизни должен появиться кто-то. Кто-то, кого хочется разгадывать, как кроссворд. Без возможности заглянуть в ответ.

Они продолжали переписываться на работе, хотя фразы были отрывочны, каждый был занят на работе. Как-то Макс попросил переслать ему произведения, ведь он тоже в некотором роде писатель. Замечательно, обрадовалась Лана, вот бы и мне почитать твои творения! Пока не могу сообразить, на каком компьютере они находятся, ответил он, ведь я ме-



няю компьютеры и работу чаще, чем пишу. И вообще, все это было так давно, сейчас на творчество не остается ни сил, ни времени. А твои рассказы я почитаю обязательно. Окрыленная тем, что в лице собеседника нашла единомышленника, Лана думает о том, что мир огромен, но среди бесконечного множества людей можно встретить человека, у которого такие же «тараканы в голове».

После двух неудачных браков она осталась с дочкой, и, хотя Диана была уже почти взрослой, общения все-таки не хватало. Ей давно хотелось познакомиться с человеком, который тоже пишет. Сочетание имени и увлечения так знаменательно, Лана постепенно стала думать, что этот человек дарован ей судьбой, возможно, это тот человек, которого она ждала всю жизнь. Правда, она немного злилась на вялотекущий характер знакомства, Макс все время говорил, что у него неотложные дела, он совершенно не может сказать, что он будет делать сегодня вечером или завтра.

В один из дней он совсем не откликнулся на ее сообщения. Она черкнула ему по почте: «Видимо, мои рассказы до того плохи, что ты даже не можешь ничего про них сказать, не переживай, я не настаиваю на рецензии, но все-таки перешли мне свои фантастические произведения. Я совершенно не знаю этот жанр, мне было бы интересно почитать».

Макс тут же переслал ей свою повесть, она открыла файл и стала читать. Это не было похоже на попытки писательства, которые она встречала в Инете. Что-то не так, слишком хо-

рош слог, а вот и фамилия...

Лана решила воспользоваться поисковым сервером и прочитала: «Макс Гленберг – русский писатель-фантаст, по образованию инженер, имеет публикации, неоднократно был участником семинаров писателей-фантастов, в своем творчестве придерживается классического стиля Стругацких, Лема и других признанных мастеров этого жанра».

Вот оно что, он не просто начинающий волшебник, он мастер! И значимость знакомства с ним наполнила душу. И повесть, которую он написал десять лет назад, такая стройно-логичная, и в то же время захватывающая, как детектив. Как же я посмела предложить ему читать свои неумелые рассказы!

– Макс, а ты, оказывается, известный писатель.

– Не преувеличивай.

– Твоей скромности можно только позавидовать! Как я рада знакомству с живым писателем!

– Но ты ведь тоже писатель. Или ты не живой писатель?

– Я только в Интернете писательница. К тому же, у меня нет публикаций.

– Ты считаешь, что писатель только тот, кто имеет публикации?

– Я сразу стала твоей почитательницей! Предлагаю выпить по чашечке кофе, если у тебя есть время, конечно.

– Ну что ж, у меня не так много почитательниц.

– Да, и еще я прошу об уроках мастерства, так сказать,

шефская помощь.

...Они сидели в тихом неприметном баре, что чуть в стороне от Комсомольской площади. Совсем не богемный вид, отметила про себя Лана, почему-то она его представляла совсем другим. Рано поседевшие волосы, и взгляд темно-серых глаз, которые смотрят как бы сквозь тебя, не замечая преграды. Лана внутренне съеживалась от этого взгляда. Но в то же время он казался ей таким родным и близким, словно ему ничего не нужно было объяснять. Неторопливая манера речи. И странное противоречивое чувство, что от него идут волны спокойствия и тревожности одновременно. Молчание, и хочется помахать рукой перед глазами, чтобы он вернулся обратно.

– Знаешь, Макс, я прочитала твои произведения.

– У меня их не так много, вот, я еще принес.

– Мне даже захотелось написать фантастику.

– Фантастика – не жанр, лишь средство. Литература должна быть хорошей, а в каком жанре она написана – неважно. Просто мне интересны сюжеты нереальные, а люди в них, сама понимаешь, те же самые. Собираательные образы, фразы, подслушанные из жизни, жесты, выхваченные из картины бытия. А герои – это сплав реальных черт и придуманных. Впрочем, это все не догма, на самом деле, и в жизни можно найти такое, что вампиры, летающие тарелки, оживающие мертвецы могут не понадобиться.

– Так ты плавильщик, доменщик? Или скульптор? Так и хочется схватить ручку, закутаться в телогрейку, сесть в далекий угол и писать, писать...

– Ну, что-то вроде того. Это долгая и интересная тема, как чувствует себя писатель в жизни и как он пишет. Я рад, что могу с тобой об этом говорить. А мастерство приобретается лишь с килобайтами написанного, сама понимаешь.

– Представь, через много лет, ты станешь известным писателем, и, (почему бы не помечтать?), мы будем сидеть не здесь, а в Париже. Ты закажешь мартини или водки (смешно, нынче писатели вынуждены своих почитательниц водить по барам), и мы будем тихо сидеть и разговаривать...

– Может, это ты станешь известной писательницей?

– Ну, тогда уж точно – в Париж. Подари мне фантастический сюжет, а я попытаюсь его воплотить. Под твоим чутким руководством.

– Сюжет? – Макс как-то странно улыбнулся, одними губами, глаза, напротив, стали как бы стеклянными, – Сюжет... Неплохая идея, я подумаю... Ты думаешь, ты смогла бы написать? Да-да, я подумаю...

Он проводил ее до остановки, четыре часа пролетели как четыре минуты, а из нее хлынули потоки благодарных слов. Лане так хотелось спросить его, когда они еще могут увидеться, она обернулась, заходя в автобус. Макс стоял на остановке, подняв правую ладонь, жреческий жест, вспомнила она в одну минуту, как будто благословляет на что-то. При-

ехав домой, она открыла его роман и начала читать. Ах, почему я не могу так писать, кусая губы, думала она. Логика, недоступная женскому пониманию!

Ночью ей приснился странный сон. Будто она идет по Флоренции. Она идет как чумная, впитывая похолодевшей душой сумрачную энергетику флорентийского величия. Как в россыпи пожелтевших открыток, проносятся перед ее глазами помпезная галерея Уффици, громада баптистерия, слепящий блеск золотых изделий, хищно взывающих из витрин на мосту ювелиров. Навстречу ей идет Данте. Почему она узнала, что это он? Прохожие показывают на него и кричат вслед: «Он был в аду! Он был в аду!».

Данте останавливается перед ней и улыбается. О, Господи, улыбка у него такая же, как у Макса! Глаза непроницаемы и пусты, только улыбка, словно судорогой, изменила нижнюю часть лица. Данте поднимает правую руку (совсем как Макс, в который раз отмечает она) и говорит:

– Ты должна написать что-то, что никогда еще не писала, ты можешь! Я верю!

Флоренция... Кажется, она побывала в раю. Но одновременно и в аду. Это был ад впечатлений, ад страстей, ад сомнений и неясных предчувствий. Предназначение? Рок? И какую роль во всех этих сновидениях играет Макс? А роль его была главной, чувствовала Лана, неоспоримо главной, только он был как бы за кулисами. Незаметно-скромный кукловод? Или рояль в кустах? Его выход – в финале? Все эти

мысли как летучие мыши царапали ее воображение острыми крыльями.

Лана проснулась от ощущения холодного взгляда. Но никого не было в комнате. Показалось, что тихо колыхнулась вода в аквариуме. Должна написать? Для чего? Кому я должна что-то доказать, себе, или Макс? Или кому-то еще?

Чтобы успокоиться, она снова схватила в руки рукопись. Конец близок, близок, почему же герои ей кажутся какими-то схематичными? Вроде и фразы у них о душе, о вечности, но все так абстрактно, расплывчато. Да вот и главный герой, только и занят поисками, глобальные проблемы решает, а женщина у него как бесплатное приложение. И ласки все сводятся к фразе “укушу”. Он вообще, любить-то умеет? Робот какой-то. С чужой программой. А Макс?

Она даже привстала с дивана, а он – может, тоже, бездушный робот, начиненный цитатами, которые, словно фокусник, вытаскивает по необходимости? Лану не покидало чувство, что кто-то в доме все-таки присутствует. Вдруг как будто кто-то коротко вздохнул или негромко хохотнул. Она подскочила и, стараясь унять дрожь, пошла на кухню. Дверь перед ней открылась. Бывает, отметила она про себя, как будто пыталась зафиксировать все, что с ней происходит. Ну, что ты там увидела, идиотка, иди уже спать дальше, ругала она себя, машинально проверяя кран и газовую плиту. Закачался абажур, и по стенам заметались тени. Хоть молитву читай. Сон, сон... Сейчас он будто отразился на стенах-экра-

нах, смутные очертания Данте, ее самой, прохожих, и, как улыбка чеширского кота – так прозрачно-серый взгляд пленкой покрывал все изображения.

Проходили дни, Макс был все время занят, и не проявлял к ней никакого интереса. Короткие реплики, выслушивание ее похвалы по поводу романа. Но Лана думала о нем каждую минуту. Загадочная улыбка ее и пугала, и неотвратимо манила.

«Тианственная», вспомнила она аксёновское, да, именно, улыбка, которую невозможно определить, чуть асимметричная улыбка. Она непроизвольно набирала его телефон по вечерам, чтобы услышать голос.

Без его слова было трудно дышать, Макс как утренняя молитва и Макс как благословение ко сну. Сны были на удивление легки, будто они с Максом летали на легких дельтапланах над морем, соревнуясь с чайками.

Макс ссылался на занятость, иногда проскальзывало, что он очень хочет ее укусить. Заигрывает? Обычный флирт? Как хотелось думать, что так он проявляет свою нежность.

– Ты говоришь, как герой твоего романа.

– Да, герои влияют на твою речь. Незаметно для тебя самого. Просто фиксируешь, что говоришь теми же словами. А ты за собой не замечала?

– Ага... Особенно интересно наблюдать за тобой, когда тебя, как ты там писал, «выдергивают».

– Начиталась...

– Я же почитательница твоя, а ты меня не ценишь. Мог бы книжку с автографом подарить, вдруг буду музей создавать, любая мелочь может пригодиться. У меня со словами все иначе. Я ведь как крохобор – все фразы собираю в коробочку, а потом раскладываю их, словно пуговицы, разглядываю, выкладываю. Я так в детстве играла, что выкладывала, не мозаики, нет. Уже не помню. Помню только, что эта игра в пуговицы меня увлекала. Так вот, слова. Каждое слово может быть использовано против вас, как у юристов. Слова, которые разбрасываются людьми по сторонам, подбираются и используются.

– Ну-ну.

– Я хотела бы почитать что-нибудь из классиков, может, у тебя есть?

– Есть, конечно, позвони в субботу, возможно, я буду дома, тогда и зайдешь. Как получится, я ничего не знаю. Кстати, после нашей встречи на меня чуть не наехала машина. Вернее, я сел в машину, а на перекрестке в нее врезалась другая.

– Наверное, моя энергетика на тебя действует. Извини, я не хотела. У меня так бывает. Иногда я вампир, просто тяну энергию от общения. Она копится, копится, потом вдруг появляется объект, скажем так, который меня вдохновляет на разные подвиги, и, увы, в физике я не сильна, припоминаю что-то типа разряда электрического. Это же произвольно происходит! Как следствие этого разряда – чудеса и нежи-



данности вокруг объекта.

– Значит, я очередной объект для разрядки твоей неумеренной энергии?

– Я этого не утверждала. Но действуешь ты на меня неадекватно. Один твой взгляд чего стоит. Собственно, мои разряды распространяются не только на людей.

В субботу она заехала к родителям, странное совпадение, он жил от них совсем недалеко. Еще один знак. Лана с того дня, когда они встретились в кафе, ощущала необыкновенный подъем.

Правда, компьютеры этот подъем интерпретировали по-своему – они начинали капризничать. На работе шутили, что Лана влюбилась, и ее лучше к технике в этот период не подпускать.

Ей нравилось играть с Максом в игру под названием «писатель – почитательница». На правах, данными ей этой игрой, она могла позвонить ему в восемь утра и спросить, как поживает его уважаемая голова, которая часто бывала с похмелья. Но Лана только и слышала в ответ – Макс был у друзей, Макс ездил в лес, у Макса были неотложные дела... Она чувствовала, что в его жизни ничего не значит. Да и вообще, есть ли хоть одна женщина, которая что-то значит в его жизни? Его личная жизнь оставалась для нее тайной за семью печатями. Она пыталась хоть немного его расспросить на эту тему, но он лавировал между расставленными ловуш-

ками как искусный горнолыжник.

В тот вечер, как назло, дома его не было. Она ходила кругами и крутила старомодный диск родительского телефона. Для прикрытия вчитывалась в книгу, а в голове стучало «Макс, ну почему тебя нет дома, ты ведь должен быть дома. О Господи, ну помоги же мне, я так хочу его видеть, я просто уже не могу жить без его взгляда».

Печатные строчки ехидно подсмеивались, диск телефона норовил подставить под палец другое отверстие, даже длинные гудки казались зловещими. Как будто кто-то пытался её удержать и в то же время подталкивал к пропасти. Все-таки надо стряхнуть с себя все это, решила Лана. Значит, не увижу его сегодня, надо быть собой прежде всего.

Что ты ведешь себя, как пятнадцатилетняя девчонка, взяла она во внутреннем диалоге на вооружение менторский тон, как школьная учительница, допустившая ошибку перед ученицей. Спина быстро приняла надменно-гордую осанку, проигрывать нужно достойно. Интересно, почему все время вертится эти слова «игра» и «проигрыш»?

Она шла по темной улице, и в голову упрямо лезли рифмы, что-то неосмысленное, ритм и рифмы, обрывки фраз. Она снова, отбросив напускную гордость, твердила себе, что должна его увидеть сегодня, что она так сильно этого хочет, что даже не знает, что бы отдала за час общения с ним.

Как все нелепо устроено в этой жизни, возвращалась она мыслями снова к своей давней обиде на весь род мужской!

Человек, которого, кажется, знаешь всю жизнь, и который понимает тебя – абсолютно тобой не интересуется.

Что, собственно, значила для него их встреча? Так, пообщались, поговорили о литературе, поупражнялись в красноречии, и все время, она сейчас это отчетливо поняла, между ними была стеклянная стена.

Слов было так много, что многое она уже не удерживала в памяти. И вдруг отчетливо вспомнила. Макс сказал, что хотел бы иметь когда-нибудь шляпу и трость, как у Воланда. Воображение мгновенно нарисовало картинку постаревшего Макса, немного грузного, с чуть отвисающим подбородком, но полного внутреннего достоинства, прогуливающегося по Парижу неспешной походкой. Да-да, именно таким она должна встретить его через много лет, внутренняя улыбка осветила ее лицо, нещадно обдуваемое уральским ветром, и вдруг в освещенном фонарем круге она увидела его. С женщиной.

Остановиться? Вдруг он не захочет меня узнать? Между ними оставался метр, Макс поднял приветственно ладонь (похоже, этот жест у него и для встреч, и для прощаний), артистично изогнулась удивленная бровь:

– Ты? – улыбка как будто дружеская.

– Да, я, уже еду домой, тебя ведь нет дома, я звонила, – взглядываясь в молодую его спутницу, смущенно пролепетала она.

– Это моя сестра, мы тут за покупками ездили. Так ты уже

домой? – его насмешливый взгляд мешал ей понять, что же он хочет услышать в ответ.

– Домой, но могу вернуться, ты ведь обещал мне дать почитать классиков. Гленберга я уже почти всего прочитала, пора и другие вещи почитать.

– Ну-ну. Смотри, обижусь. Ладно, пошли, нам еще тут кое-что должны привезти.

Это знак, подумалось Лане, вот так неожиданно встретить его на остановке. Он, кажется, выпил уже, тон даже слегка развязный. Ей показалось, что стеклянная стена вовсе не стеклянная, а изо льда. И стоит подышать на нее, она начнет таять, и будет становиться все тоньше и тоньше. Может, так удастся и достучаться до души его? Почему она так уверена, что это самый главный человек в ее жизни? А вдруг она просто увлечена им как писателем?

Чего больше в восхищенных взорах фанатиков, взыскующих вида своего кумира – восторга или зависти? Зависть обвивала ее голову, как змеи – голову Медузы-Горгоны. А любовь наблюдала за этими змеями словно ласковая мать.

Макс был какой-то суетливый. То звонил по телефону, то включал музыку, то спрашивал, не налить ли еще водки. А Лана смотрела на него и не могла отвести свой взгляд. Нет, нет, у нас с ним такие чистые, духовные отношения... Опять эти фразы: «укушу, вот сегодня-то точно укушу»...

Я не должна позволить, чтобы их отношения скатились к банальному сексу. Это уже так наскучило, никакого обще-

ния, только секс, для этого у меня есть другие мужчины, а Макс – это воплощение духовности, моя любовь к нему так чиста, она словно крылья для творческого полета... С другой стороны, слияние тел – такое естественное продолжение слияния душ, а души их, Лана была уверена, практически одно целое.

Водка пульсирующими толчками добивала сопротивляющееся сознание, доводы вели себя уже почти самостоятельно, и только запутывали Лану еще больше. Просто смотреть в его глаза. Странно, голова почти не кружится...

– Макс, твой взгляд меня завораживает, как взгляд удава.

– Что ты нашла в моем взгляде, не выдумывай.

Тут в комнату зашла Юля. Взъерошила шевелюру Макса, коснулась щеки рукой.

– Максик, познакомь нас, что ли. Вот у него всегда так. Все время о чем-то думает, и совершенно не обращает внимания на то, что происходит вокруг. Но мы уже привыкли, – Юля присела на спинку кресла.

– Да это нормально – для писателя. Сюжеты продумываешь, Макс?

– Что-то вроде того. Еще водки?

– Да я уже совсем пьяная, проводите, что ли, меня, мсье.

– О, всегда готов.

Пошатывающейся походкой, Лана пошла на кухню. Макс прижал ее к стене.

– Так ты точно не упадешь.

Пьяное дыхание неотвратимого поцелуя.

– Ты хорошо целуешься, господин Казанова. Наверное, все женщины от тебя без ума. И я...

– Спасибо за комплимент, – руки лихорадочно залезают под свитер.

– Я хотела сказать тебе, Макс, ты, наверное, и сам уже давно понял, что я влюбилась.

– Понял, не дурак.

– Знаешь, я всегда влюблялась так трагично, с надрывом... Бедные любимые! Они так страдали от моих звонков, страданий, и особенно стихов. А вот тебе стихи не пишутся совершенно. Я обещаю любить тебя легко-легко. Как будто у меня крылья за спиной. И я летаю. Ну, ладно, пойдем, – она высвободилась из его объятий и, как ни в чем ни бывало, вернулась в комнату и плюхнулась в кресло.

Поболтали ни о чем с Юлей.

– Вы так хорошо ладите друг с другом, у брата и сестры это нечасто встречается.

– Это только недавно так стало, – Юля взглянула на брата, и в ее взгляде Лана почувствовала нечто большее.

Или показалось? Ревность как ласковая кошка вцепилась в ее сердце своими коготками. Ну конечно, сестра любит брата, не так ли и она была в юности влюблена в своего кузена, тем более что они виделись редко. Макс приобнял Юлю и что-то ласково зашептал ей на ухо. Лана почувствовала себя лишней. Кошка отпустила коготки, чтобы через секунду

снова со сладострастьем запустить их еще глубже. Юля при- танцовывала с Максом, а Лана сосредоточенно пила водку. До нее долетали обрывки нежных словечек, словно они забыли о ее существовании.

Почему ты так мучаешь меня, Макс, задавала она ему мысленно вопрос, взыскующе изучая фигуру молодой соперницы. Да, вот оно, слово, соперницы. Нет, это бред какой-то, не может этого быть. Может, мурчала кошка, все может быть, надо просто смотреть на вещи шире. Вглядишься в ее черты, продолжало ласковое чудовище, посмотри, глаза-то у них совсем разные, у Макса серые, а у Юли карие. Посмотри, как она его вождедеет, с какой звериной лаской смотрит на него. Я чувствую в ней родственную кошачью душу, монотонно терзала она ее сердце. Лана пыталась стряхнуть эту мохнатую стерву, вцепившуюся в ее душу, и не могла. Наконец, Юля начала собираться домой. Макс тоже стал одеваться, чтобы ее проводить.

– Приятно было познакомиться, – Юля стояла в прихожей, поправляя шапку, – Макс, только до остановки, Лана, скажи ему, что я не заблужусь.

– Разберемся, разберемся, – не снимая улыбки с лица, пробурчал Макс. Сейчас стало видно, что он изрядно пьян, – Лан, будь дома.

– Я ничего не унесу, обещаю.

Захлопнулась дверь, и она ринулась исследовать квартиру. С нежностью гладила она стены, ей казалось, что она об-

ретаает уверенность, словно они излучали флюиды. Она ощущала его взгляд повсюду, как будто он никуда не уходил. Кошка-ревность мирно закрыла глаза, ведь она, по всей вероятности, остается здесь, значит, ей все показалось. Как же он ко мне относится, он так нежен сегодня, совсем не похож на того, сидевшего в кафе каменного принца с загадочной улыбкой. Но он ничего не говорит, нравится ли она ему.

Лана привыкла иметь дело с эмоциональными мужчинами, которые говорили ей комплименты, признавались в любви, или просто говорили «я тебя хочу», прежде чем перейти к интимным отношениям. Слова никак не подтверждали действия, а ведь поцелуи подразумевали продолжение. Вернулся Макс, и они замерли в объятии прямо на пороге.

– Это странный вечер, я, когда шла, все время сочиняла стихи. К сожалению, не помню ни одной строчки. Ты придумываешь мне сюжет?

– Может, еще не вечер для сюжета? – спросил он, снимая с нее свитер.

– Я хотела тебе сопротивляться.

– Почему же? – звук расстегиваемой молнии на юбке.

– Ты мне ничего не говоришь, и вообще... Моя любовь нечто более высокое.

– Мне ли тебе рассказывать, куда все слова уходят у писателя. Да и нужны ли слова?

– Разве не нужны?

– Иногда слова – лишний атрибут в общении.



– В сексе, ты имеешь в виду?

– А разве секс не общение?

... Лана лежала с открытыми глазами и не могла заснуть.

– Ты спишь? – словно блики луны, сверкнули белки его глаз в темноте, чуть обозначились зубы, что-то звериное почудилось Лане на секунду, – Я включу Блонкера.

– Он и так играл весь вечер, хорошо, включай, все равно не спим.

– Это особенная ночь.

– Полнолуние сегодня, светло. И я совсем протрезвела, – она нащупала его руку в темноте, они лежали лицом друг другу, вглядываясь в выхватываемые луной очертания.

Ей хотелось спросить его, хорошо ли ему было. Но она не могла. И задавала себе вопрос, хорошо ли было ей? Макс был не самым безумным любовником в ее жизни. Мало ли было ночей, которые осели в памяти забытыми рисунками на песке? Имена уже не имеют значения. Да и ощущения тускнеют позеленевшими медяками. И только то, для чего нет определений – химерное, растворяющееся в воздухе счастье.

Ночь для нее была наполнена неоднозначными символами. Ее завораживала неспешная магия касаний и совсем не страстные диалоги. Но это не главное, твердила она себе, как будто пытаясь убедить себя, что она получила нечто большее, чем просто секс. Когда-то она увлекалась рейки, и когда ей открывали так называемый канал, она почувствовала, как вся вселенная вливается в нее. Сегодня она почувство-

вала примерно то же самое, только это была не вселенная, а неведомая сила, которая поможет ей взлететь. Она это чувствовала при каждом прикосновении Макса.

Ей хотелось, чтобы он закричал, задохнулся от бешеного темпа, но его лицо и в темноте оставалось недвижимой маской. По-прежнему горячая волна нежности сплеталась с холодной струей отчуждения и тревожности.

То ли вечер, переходящий в ночь, то ли ночь, переходящая в утро. Лана вспомнила, что вечером он показывал ей свои фотографии.

– Подари мне свою фотографию с автографом, буду внукам показывать.

– Пожалуйста, жалко мне, что ли.

– Наверное, мне пора уходить?

Так хочется спросить, а когда мы увидимся, но нет, нельзя задавать провокационных вопросов. Но у нее есть его фотография, глядя на нее, она будет иметь возможность тайно вздохнуть, как пушкинская Татьяна. Или целый легион литературных девушек, Лиз, Наташ и прочих, девушек девятнадцатого века с чистыми душами и телами... Прощальный жест Макса.

– Я не люблю формальностей.

А ее душа готова была рыдать от его холодности. Как будто кристаллы льда снова начали превращаться в молекулы стекла. Отчаянье, тоска, надо что-то делать, а что же тут сде-

лаешь-то, с ужасом она понимала, что ее чувство просто использовали, что она попала в ловушку, непонятные сети, что с ней просто играли, но для чего? Как ей понять его душу? В голове уже рисовались невероятные приключения, и он был в этих картинах главным героем.

Да, да, нужно *написать* о нем, исследовать его, разложить на составляющие, препарировать как лягушку. Как средневековый анатом, пытающийся найти, где у человека душа. Странно, у нее было ощущение, что она способна написать такое, чего ей не удавалось раньше. Дома она взглянула на фотографию и поняла, что его надменный взгляд как бы одобрял ею задуманное.

Как замороженная, часами стала она сидеть за компьютером. Но что-то все время ускользало от ее пытливого взгляда. Каждое утро она вглядывалась в знакомые черты и замечала, что фотография иногда хмурится, иногда смотрит с безразличием, а иногда ласкает. Она ему не звонила, пыталась забыть, и не могла. Им нужно переболеть, будет легче, как заклинание, повторяла она эти слова, придумывая новые приключения своего героя. А фразы оставались, словно прошлогодний мармелад – ни аромата, ни мягкости.

Как-то поутру она отправила Диану в школу. Что-то побудило заглянуть ее в ванную комнату, и тут на нее налетело что-то черное. Она быстро закрыла дверь и стояла минуту в задумчивости. Что это могло быть? Страх короткой молнией сверкнул в голове. Но все-таки надо выяснить, что это. Лана

снова открыла дверь и увидела синицу, сидящую на полочке.

Синица? Как она могла попасть в квартиру, все окна закрыты, не могла же она возникнуть из воздуха. Лана стала выгонять ее в комнату, что удалось ей с большим трудом.

Еще минут пятнадцать гоняла она ее по квартире, синица отчаянно цеплялась за шторы, перелетала с одного шкафа на другой. Ее взгляд впивался в нее как во врага. Наконец, она выпорхнула в распахнутую дверь, и Лана осталась одна.

Со шкафа медленно, как перышко, слетела фотография Макса. Макс...

Наверное, это Макс дает ей весточку, все ли в порядке у него, вздохнула она с облегчением, радуясь разгадке. Она пригляделась к фотографии, и его взгляд смутно напомнил ей взгляд синицы, пытающейся увернуться от полотенца, которым она ее выгоняла. Весточка или предостережение?

Нагромождение ассоциаций накатило на нее как снежный ком. Вмиг она припомнила последнюю встречу, его холодность при расставании, и последний взгляд мимо нее. Страх начал пульсировать в кончиках пальцев, но Лана попыталась успокоить себя тем, что это результат ее буйной фантазии. Сочинять сюжет она уже была не в состоянии, ей чудились кровавые сцены и сардоническая усмешка ее героя.

Прошли дни, наполненные заботами и проблемами на работе, и недавние события почти вытеснились из памяти. Но, когда ночь вступала в свои права, картины безумия оживали, как картинки на спине у человека Брэдбери. Когда она

просыпалась, она помнила только то, что было что-то ужасное, но подробности сна оставались для нее загадкой.

Макс иногда интересовался, как идут дела с новой повестью, торопил ее, словно для него это было очень важно. Лана снова пыталась изобразить неумелую писательницу и намекнула на повторении «урока мастерства».

Они договорились встретиться у нее дома, Лана прибежала с работы и кинулась наводить порядок. Сердце радостно пело о том, что, возможно, он к ней не равнодушен, что сегодня будет замечательный вечер, и многое прояснится. Что сегодня он скажет ей слова, которые будут окрылять ее в последующие дни. У нее есть остатки коньяка, ей так хочется угостить его вкусной едой, Лана с удовольствием думает, что приготовление пищи для любимого наполняет её забытой домашней радостью.

– У меня сегодня хозяйственное вдохновение какое-то, Макс!

– Ты лучше пиши.

– Разве это плохо? Я уже совсем разучилась готовить, мы с Дианой живем скромно, без затей. Хочешь посмеяться? К нам залетела синица, я ее едва выгнала, а потом подумалось, может, у тебя не все в порядке? А синичка прилетела мне рассказать, что тебе плохо.

– Давай лучше выпьем коньяку, за встречу, – Макс улыбнулся неопределенно, и в его глазах она увидела усталость.

Конечно, конечно, напряженная работа.

– А может, мы выпьем за наш творческий союз? Представь, у тебя такие совершенные, логичные мозги, ты выстраиваешь сюжет со всей тщательностью, а я пишу. Согласна, поставлю свою фамилию второй. Соединить лед и пламя, подумай, как это было бы здорово! Почему ты на меня так смотришь?

– Как?

– Слушай, я поняла! Я все мучилась, думала, какой у тебя взгляд. А теперь поняла – демонический.

– Ну-ну, – засмеялся Макс, а Лане вдруг стало не по себе. Так смеется тот, кто может многое и заключает сделку, – Я сбегаю за коньяком, а то организм не понимает, что надо делать – спать или пить.

Макс обернулся за десять минут. Он улыбается, Лана смотрит на нее влюбленным взглядом, такой семейный вечер, и Диана с интересом обращается к нему с вопросами, но ведет себя так, будто он здесь частый гость. Лана рассказывала ей историю с синичкой, они вместе обсуждали, что так загадочный Макс подает ей знак.

– Перестань смеяться, несносный ты человек, – беря пакет с продуктами, сказала Лана.

– Да я не смеюсь. Ну, так на чем мы остановились? На творческом союзе? А какова цена, которую ты согласна заплатить? Представь, слава, деньги, все критики верещат на всех поворотах о твоём таланте и непревзойденности. Чего

тебе не жалко, чтобы этого достичь?

– Перестань, «поклонницы писают кипятком», вот-вот, прямо все это так и свалилось на меня, я ведь еще только учусь. Пошли лучше спать, тебе ведь завтра на работу.

Как-то все по-домашнему, думала Лана, расправляя постель. «Муж из леса вернется хмурый», а она его ободрит, накормит, напоит, и спать положит. Даже как-то обидно, что все так обыденно. Они так много говорят о литературе, что ей иногда начинает казаться, что это основной мотив в их отношениях.

А разве не так? Лана включает Блонкера, и снова вспоминает их первую ночь. Все-таки она была прекрасна, и вот они снова вместе, как будто не было этого двухнедельного перерыва, когда ей казалось, что за него в Интернете отвечает какой-то «автоответчик», еще одна ночь, которая наполнит душу радостью и вдохновением.

Лана в последнее время почти уверовала в непреодолимую магию секса, ей казалось, что именно после их первой ночи у нее открылась некая творческая чакра. Что теперь они думают настолько одинаково, что разговаривают лишь для того, чтобы лишний раз в этом убедиться. Если в первую ночь она ощутила открытие канала, то сегодня она хочет получить нечто более существенное, семя сюжета, семя новых мыслей и ощущений. Ночь прошла под флагом творческого подъема.

Есть в наших отношениях более глубокий смысл, дума-

ла она утром, заботливо укрывая его оголившееся плечо. Нам не уготован тривиальный марш Мендельсона, чавкающие обсуждения мыльных сериалов за ужином, извечные проблемы, где достать денег и как выжить в это непростое время. Нет, это другое.

Она провела легонько по его щеке, повторила, словно кисточкой линию носа. Макс пошевелился во сне. И все-таки приятно ощутить себя простой бабой, не проридаться к сути сквозь нагроможденья слов, ломая голову над их первоизданым смыслом. Вспомнилось гётевское:

*Мы побороть не в силах скуки серой,  
Нам голод сердца большей частью чужд,  
И мы считаем праздною химерой  
Все, что превьше повседневных нужд.*

Любовь, возведенная в абсурд, в квадрат абсурда. Усложненная и отягощенная метафорами. Что я больше в нем люблю, задавала себе Лана вопрос, и тут же отвечала, что мелодический рисунок его души наиболее пленителен. Но разве она познала его душу? Она думала, что это синица. Но синица не стремится греться у огня, ее влекут небеса свободы...

«Иван, я готова составить ваше счастье» – опять навязчивая реклама лезет в голову, а оно ему нужно, счастье это, табуреточное, с уютным запахом щей и штопаными носками. Черт, что-то я все придумываю и придумываю, одернула она себя и поспешила вставать.



Потом они с Дианой принялись готовить завтрак на кухне, стараясь его не разбудить.

– Мама, а почему дядя Макс так долго спит?

– Пусть поспит, а мы пока приготовим какое-нибудь необычное блюдо.

– Мама, а почему он остался у нас ночевать?

– Ну, не могла же я его выгнать в двенадцать часов ночи на улицу, транспорт уже не ходит, и потом, мы ведь немного выпил. Ты много задаешь вопросов. Тебе он понравился?

– Не знаю, он какой-то странный. Помнишь, к нам синичка прилетала, вот на нее он похож, взгляд у него такой же.

– Возможно, возможно, – устами младенца глаголет истина, подумала она в задумчивости.

– Синичка, синичка, умой свое личико. Можно, я ему песенку спою, только не колыбельную, а подъемную?

Она вспомнила свои страхи и улыбнулась. Конечно, Макс – странный, но не странен кто ж. Она и сама – странная. Именно поэтому они и встретились, и как приятно осознавать, что он рядом. Она пошла его будить в комнату. Нежно помассировала спину, потерлась об его плечо, но он был мыслями уже на работе. И это она ему простила, мужчины не могут параллельно думать о работе и о находящейся рядом с ними женщине.

– Когда мы увидимся? – она все-таки решилась задать ему этот вопрос, когда они стояли в коридоре.

– Не могу сказать, очень много работы. Когда-нибудь уви-

димся.

Поднятая ладонь, Лана подняла левую руку, подражая ему. И вдруг ощутила, как горячий мяч обжег ее руку. Только этот мяч будто был послан ее рукой. Она взглянула на ладонь, которая пылала как от ожога. Мгновение она наблюдала покраснение ладони, но вдруг кто-то приложил к пылающей коже кусочек льда. И стало холодно.

Быстрый взгляд на лестничную клетку, но там никого. Так она стояла с минуту, прислушиваясь к тишине.

Никого, Макс ушел, и тут её охватило чувство, что она его больше не увидит. Она хотела броситься к телефону, но вспомнила, что он не может так быстро доехать до работы. Был выходной, она отвезла Диану к родителям и полностью погрузилась в свою повесть.

Писалось удивительно легко, работа была близка к завершению, оставался незначительный рывок. Хотя концовка была продумана заранее, ей показалось, что необходимо продолжение истории, и смутно думалось, что события натолкнут её на завершающие фразы. На работе она старалась о нем не думать, он действительно потерял к ней всякий интерес.

Что ж, я проиграла тебе как женщина, думала она, дай мне отыграться как писательнице. Это действительно лучшее, что я когда-либо писала. Я не буду ему звонить, она удерживала себя от того, чтобы подойти к телефону. И тут Макс сам написал ей письмо по почте с просьбой позвонить.

Интересная манера общения, будто он сам не знает её телефона! Она набрала номер.

– Привет, Макс!

– Привет, привет! Как поживаешь? Как творчество?

– Что ты подгоняешь меня? Черновой вариант уже есть, осталось все подчистить, перечитать, и готово.

– Рад за тебя. Слушай, я тут как-то лежал утром, и вдруг меня осенило – я скоро напишу роман! Это твои проделки? Я уже боюсь с тобой встречаться, после последнего раза у меня жутко болит горло, а тут еще эта безумная идея – написать роман о любви.

– Ну что ты, я-то тут причем, – Лана счастливо засмеялась, – Как поживает Юля?

– Юля? О ком ты говоришь?

– О твоей сестре, разумеется.

– Разве вы знакомы?

– Макс, ты меня разыгрываешь? Я была жутко пьяна, не отрицаю. Но не настолько, чтобы забыть, что у тебя есть сестра Юля.

– К сожалению, ты что-то путаешь.

– погоди, у тебя есть сестра?

– В общем, и да, и нет. Ну, мне уже некогда, тут рабочие пришли, я затеял ремонт глобальный, извини, в следующий раз договорим.

Они попрощались. О любви? Разве он умеет писать о люб-

ви, он ведь ей говорил, что не помнит, испытывал ли это чувство сам, Лана снова припоминала его произведения, и смутная догадка облачком клубилась вокруг головы. Уж не после ли нашего общения он почувствовал в себе силы писать о любви? А что он говорил о какой-то цене, которую я согласна заплатить за сюжет? Сюжета от него пока нет, а вот прилив вдохновения есть, но и отлив чего-то важного, как в сообщающихся сосудах... Страхи снова стали обретать явные очертания, но объяснения она им найти все еще не могла. Сделка, сделка, крутилось в голове, каковы же правила игры, знала ли она их вообще? И что за странная история с сестрой? Одни вопросы, а ответов нет. Он раздергивает кулисы, кидает очередную загадку, «тианственно» улыбается и все оставляет без ответа. И все время холод, холод. Лана инстинктивно обернулась пуховой шалью, опять почувствовав на себе взгляды со всех стен. Он смеется над ней, она уже слышит это «хе-хе», короткое, немного хриплое, как будто просто хочет откашляться, а не смеяться.

Как только Лана начинала думать о Максе, вокруг все начинало думать о нем же и оживать. Она это заметила уже давно, но после этого странного разговора мыслительный процесс у окружающих предметов принял слишком явный характер. Стены хихикали, фотография подмигивала, за стеной неожиданно заиграли на гитаре, прилетел какой-то камень в окно, она подскочила, выглянула из-за шторы, но никого не увидела. Может, я сошла с ума, пора звонить Влади-

миру Данилычу, устроит по благу на Банную гору, чтобы поменьше человек было в палате, надо, пожалуй, заранее побеспокоиться, голоса, галлюцинации, все это очень напоминает учебник по психиатрии...

Наконец-то повесть была закончена. Лана послала ее своему другу-издателю Эдварду в Тель-Авив. Друзьям она тоже понравилась. Макс медлил с оценкой, ссылаясь на занятость.

Наконец, Эдвард прислал ей письмо, в котором говорилось, что ему удалось включить повесть в план издательства на следующий год. Казалось бы, радоваться успеху. Но взгляд с фотографии не давал ей спокойно спать, и она прокручивала в голове подробности их нечастых встреч, пытаюсь отыскать в них разгадку собственных страхов.

Лана всегда с благоговением относилась к книгам. Она любила брать их в руки, вдыхать запах типографской краски, гладить золоченые корешки...

И вспоминала «Улитку на склоне», мысленный разговор с книгами, что-то вроде: книги, книги, много ли вас кто читал, а из тех, кто читал, много ли тех, которые что-либо поняли. Ей казалось, что книги, которые она когда-либо читала, настолько прочно вошли в ее сознание, будто она сама лично была знакома с авторами и подолгу с ними общалась.

Сегодня вечером она перебирала корешки родных и близких ей существ, да-да, они были для нее словно домашние зверьки, мирно спящие на полке, откликающиеся на ее вни-

мание и заботу. И вдруг ей показалось, что название «Фауст» сверкнуло свои золотым переплетом как-то по-особому. Мысль выстрелила как долго удерживаемая пружина.

А вдруг сам Дьявол вселился в Макса и блуждает в поисках души? Все выстраивается в единую цепочку – и фотография, взгляд на которой стал несколько смягченным, и отсутствие интереса с его стороны, будто он *уже* заключил с ней сделку. Душу в обмен на успех? И вправду, она написала эту повесть, и ее ждет успех. Но он заключил сделку не с уставшим от жизни Фаустом, а с неопытной и невинной Гретхен. Вмиг представила она себе дьявола под личиной Макса. Короткий смех, прозрачный взгляд. Как все продумано! Писатель, чтобы еще больше искушить ее... И вот, сама того не зная, она попала в сети, и бьется, ан нет. Кровавых клятв не было, но ведь сделка есть сделка, вдруг она теперь заключается просто путем проникновения в мысли?

А может, Макс просто писатель-неудачник, который тоже стремился к успеху, и потому продал душу Дьяволу? Поэтому в его прекрасном слого, отточенном логикой, только холод, а его герои играют свои роли как марионетки. Картина рисовалась дальше, вот он в один из дней своего успеха понимает, что невозможно купаться в лучах славы ценой потери души. Он мечется, хочет вернуть себе тихие радости любви, душевного покоя, но сделка не имеет обратной силы. Можно вернуть себе душу, заключив подобную сделку с кем-то еще.

Тут Лана начинает понимать, что этот кто-то – она сама, и чем дольше продолжается их общение с Максом, тем больше души перетекает к нему, горячий мяч вдохновения в обмен на холодный лед бездушности. Иллюзия, что стеклянная стена превращается в лед, начинающий таять, снова метаморфозы, непробиваемое стекло. И вот в ее голове возникает финальная сцена – Макс, обретающий душу, ощущающий простые радости бытия, и она, простая оболочка, внутри которой заключена пустота.

Так вот почему она не наблюдала никаких эмоций на его лице в первую ночь, а во вторую ночь ей пришлось долго успокаивать его? Теперь страх окутывал ее, словно мантия из меха неведомого зверя, сжимая в своих объятиях, не давая вырваться. Она взяла книгу, и из нее выпало фото. Как оно попало в книгу? Лана отбросила книгу, её зазнобило. И вдруг требовательно зазвонил телефон.

– Да?

– Лана, привет, это Макс.

– Уже поздно... Странно, что ты позвонил, – она пыталась справиться с волнением, он позвонил первый раз за все время их знакомства, голос предательски дрожал.

– Помнишь, мы говорили с тобой о сюжете? Так вот, я его придумал. Готова ли оплата?

– Я плохо понимаю...

– Назови цену сама.

– Предлагай варианты, – наконец-то она справилась с со-

бой, он предлагает ей поиграть в очередную игру.

– Нет, ты должна сказать сама, что ты готова за него отдать.

– Я не знаю, у меня ничего нет, я же бедная одинокая женщина, вот если только процент от предстоящей публикации.

– Ты все о материальном. Хорошо, согласна ли ты заплатить цену, которую я тебе назову? Завтра встречаемся в баре, где мы с тобой были первый раз, я все тебе объясню.

Нет, это что-то невообразимое, сюжет он мне готов отдать, а не просто подарить, засыпая, подумала она. Как я раньше не замечала, что его интересую только как начинающая писательница, а он, стало быть, выступает в этой игре в качестве Учителя, наставника, да и последний разбор ее повести, которая многим понравилась, ее огорчил. Он критиковал, что в ее произведении чувствуется дыхание автора, что все мысли, которые хочет донести автор до читателя, должны передаваться только через диалоги и мысли героев, а не выливаться в монологи – отступления автора.

Хорошо, буду спать, решила Лана, утро вечера мудренее, мы еще с ним поспорим, в конце концов, вредно читать много мистики, тогда вокруг мерещится чёрт знает что, Макс обыкновенный человек, уже на грани сна заключила она.

Обыкновенный порочный мужчина, не желающий менять что-либо в своей жизни. Да ведь и она сама не собирается переворачивать всё с ног на голову. Вдохновение, капризное вдохновение, заставляет её находить того, кто может напо-



ить. Все совершенно банально, успокаивала себя Лана, давая себе слово относиться ко всей этой истории как можно более хладнокровно.

Но ночь была беспокойной, она вставала, даже хлебнула немного коньяку, в раздражении запрятала фотографию в самый дальний угол, чтобы трудно было добраться. Она пыталась вспомнить, о чем они говорили всё это время, просеивала воспоминания как песок в поисках самородка. Но самородки, странным образом сверкнув, просачивались в расплзающиеся ячейки, и на пальцах оставалась только золотая пыль воспоминаний...

День был, как обычно, насыщенный. Звонки клиентов, разгребание утренней почты, поездка в банк и наброски плана на следующий день. Вечером она предупредила Диану, что задержится, и пошла в бар.

И тут она словно впервые обратила внимание на название – «Триумф».

Да, слава, успех, как же она раньше выпустила это из виду. Бар был почти пуст, Лана выбрала столик, и стала снова репетировать вопросы, которые она задаст Максу. Машинально она мяла в руках салфетку.

Вот так Макс Фрай сидел в каком-то из баров Европы и писал на салфетках свои приключения о Максе. Странно, почему это вдруг вспомнилось. Как медленно тянется время, а его все нет. Лана все сидела и сидела, тревога росла, вопрос

официанта заставил её вздрогнуть.

– Вы Лана?

– Да, а что?

– Вам просили передать.

Лана вскрыла конверт. Жёлтый лепесток письма и дискета. Странное сочетание. Незнакомый почерк Макса, ведь она видела только его автограф.

«Лана, вот и моё прощальное письмо. Это грустно, я понимаю. Поверь, я не хотел причинить тебе зла. И к тебе я отношусь со всем уважением и даже внутренней симпатией, ты ведь умная женщина. Но всякие игры когда-нибудь кончатся, точнее, любая шахматная партия имеет начало и конец, причем не всегда по обоюдному согласию игроков. Моя миссия окончена, я не вижу смысла в своем дальнейшем пребывании. От души желаю тебе успеха, полета мысли и фантазии. Макс». Лана подскочила с места и побежала к стойке.

– У вас был официант, такой высокий блондин, как его найти?

– У нас нет таких официантов, девушка, – профессиональная улыбка, недоверие в глазах.

– Тогда налейте мне мартини, да, и еще коньяк, – Лана с безысходностью оглядела бар, кажется, я начинаю сходить с ума, навязчиво стучала мысль, она нащупала дискету в сумке, доставая кошелек.

Письмо она все еще держала в руке. Неожиданно установилась непривычная тишина. Тут кто-то на полную мощь

ность включил какую-то радиопередачу. Странно, только что была музыка. Какой-то журналист бойко спрашивал у собеседника.

– Как вы полагаете, господин Джефферсон, возможна ли материализация виртуальных существ, которые обитают в мировой сети, в нашу реальную жизнь?

– Я не боюсь показаться вам нелепым, такие случаи имеют место. Уж поверьте мне как человеку, посвятившему этому спруту – Интернету – большую часть своей жизни. Мы стояли у истоков, встречаются сбои, а иногда и случайные совпадения.

– Все это отдает мистикой, господин Джефферсон, не знаю, согласятся ли со мной радиослушатели, в последнее время, как только нас не забавят. И прорицательницы, и маги, а уж если посмотреть все эти бесконечные сериалы, то и вовсе жить страшно.

– Но почему вы считаете, что Интернет – это только творение рук и мозгов человеческих?

– Ну, как же, результат научно-технической революции, информационные технологии...

– Вижу, вы хорошо подготовились к нашей беседе. Однако все не так просто. Во все времена ученые делали научные открытия благодаря высшим силам, надеюсь, вы не станете отрицать, что большинство гениальных ученых были людьми верующими? Представьте на миг, что этого великолепного спрута придумал Бог, он дал людям эту идею, чтобы объ-

единить их. Какими жалкими выглядят попытки иных государств ограничить доступ в Интернет путем введения дополнительных проверок своих граждан на лояльность! Ну, это дело политиков, просто, вы же понимаете, виртуальный мир так же реален. Почему вы так тривиально мыслите, это мир, который существует параллельно, и мы с ним пересекаемся, почему бы и этому виртуальному миру иногда не посылать своих, так сказать, гонцов к нам, таким образом, участвовать в нашей жизни.

аявки М-да... Я как-то об этом не думал. Наверно, дело в консервативности мышления?

заявки Я бы сказал – дело в вариативности. Чем шире мы мыслим, тем более понятными становятся многие явления. И тогда смысл отдельных событий приобретает, соответственно, божественный или inferнальный характер.

заявки Так вы считаете, что достаточно более гибко подходить к этому вопросу, сместить акценты, и тогда наше восприятие претерпит некоторые изменения?

заявки Именно.

Лана заморожено слушала эту болтовню, и снова подвергала внутреннему анализу свои подозрения. Она вспоминает самое начало, не связана ли вся ее история с Интернетом... Передача прервалась.

– Девушка, вы слышали передачу, минуту назад? – она пытается найти поддержку в глазах барменши, но читает в ее глазах неотвратимый диагноз безумия.

– Нет, вы ошибаетесь, всё время играла музыка.

– Да-да, – Лана схватила свою шубу, на ходу оделась и выбежала из бара.

А вслед ей неслась музыка Блонкера. Дура, закричала она во тьму и ветер со снегом, насмотрелась, начиталась! Я должна ему позвонить, черт, где же этот проклятый телефон, Гленберг, Гленберг...

Нет такой фамилии, а вспомнить не могу. Ладно, надо просто поехать к нему, решила она. Благо, на площади всегда полно частников, быстрее, быстрее, торопила она водителя, где же эта улица и дом?

Лана вынуждена была извиниться, после того как они сделали несколько кругов, не принеших никаких результатов. Она вглядывалась в дома, но их зловещие глаза как будто отталкивали ее и шептали: «Что ты здесь забыла, Макса больше нет, да и не было никогда, это всё твоё больное воображение»...

Ладно, надо ехать домой, попробую зайти в сеть. Она расплатилась с водителем, и нажала кнопку лифта. Надо успокоиться, надо успокоиться, громко шептала она. Дома Диана спросила её, почему так поздно, и благополучно ушла в свою комнату. Компьютер зловеще пикнул при запуске. Вернись, Макс, расскажи мне, что с тобой произошло. Макс, может, я могу тебе чем-нибудь помочь? Отдать душу, отдать душу, виртуальный, нереальный, что делать, чтобы понять, совершенная каша в голове, зафиксировала Лана.

В памяти всплыла недавно прочитанная повесть, где героиня общалась по Интернету с духом своего любимого, который разбился в горах. А потом выяснилось, что это было специально подстроено, и вместо него писал письма человек, обладающий способностями к гипнозу и прочей экстрасенсорике.

И тут Лана вспомнила самый первый вечер, да, все было именно так, включенный торшер с мягким светом, тот же аквариум, все также... Я сидела и повторяла его имя, как будто заклинание. Колдовала? Пыталась материализовать героя своего рассказа? Бред какой-то, там был почти реальный прототип, правда, я его видела только один раз, но он реальный. Что же произошло, Интернет подарил мне то, о чём я мечтала? И сейчас просто забрал? Или это была шахматная партия с самим Богом?

Лана обхватила голову руками. Да, да, это был мужчина, который так соответствовал моему нынешнему состоянию.

Она представила его образ, вспомнила шелковистые касания его волос на своей ладони, когда он, сидя в кресле, склонил свою голову, и она инстинктивно потянулась погладить его шевелюру, ощутив прилив какой-то материнской любви. Он не шевелился, и потом поднял на неё свой взгляд, и ей показалось, что это был один из немногих взглядов, когда он смотрел прямо в душу.

Нет, он абсолютно реальный. Тут перед воспаленным мозгом промчалась фраза из радиопередачи. «Вот мы с вами тут

сидим, дискутируем, только с чего вы решили, что это происходит именно с нами? И почему вы, собственно, думаете, что мы реальные люди, а не виртуальные образы?».

Да-да, Лана начала потихоньку выходить из оцепенения, наверное, ничего и не было, просто игра воображения, просто Интернет захватил меня в свои сети и внушил мне галлюцинации, на мне та же одежда, что и тогда, я также сижу перед монитором. Остается только подвести указатель мыши к часам и взглянуть на дату.

Лана почувствовала, что не может этого сделать. Дискета, простучало в её памяти.

Да, дискета с сюжетом, так, что там... «Лана сидела за компьютером...», – слово в слово история их отношений. Да как он смел, он мне отдает мой собственный сюжет, его счастье, что он куда-то растворился, вот и окончание, где я прибегаю домой, сажусь к компьютеру и начинаю читать сюжет. «Тот же вечер, тот же свет торшера, даже тот же аквариум...», – читала Лана дальше.

Все было просто в её воображении? Не есть ли реальные люди сплав того, что они на самом деле есть и того, что мы о них думаем? Они реальны и расплывчаты, как акварели зимнего утреннего неба, и никогда нельзя знать заранее, какие поступки являются следствиями каких мыслей?

Лана обернулась в сторону аквариума, и на секунду ей показалось, что в воде висит, серебристо переливаясь, медуза, а на поверхности воды плавают перышки синицы. Горгона ли

превратила бедную птичку в камень, или она убила ее как-то иначе? Прозрачный взгляд медузы заставил ее замереть...

– Ты хоть понимаешь, что ты тут написал? – Света затынулась сигаретой, возвращая Владiku рукопись, – Все в кучу собрал, Бога, Интернет, птичек и прочее. Не думаю, что *это* можно будет опубликовать, – кончики губ презрительно опустились после слова «это».

– Ты что, обиделась? – Владик взглянул на нее с некоторой тревогой.

– А ты думал? Взял меня выставил какой-то шизофреничкой! Я что, за тобой гонялась, чтобы славу литературную обрести? Вот любишь вас, мужиков, заботишься, варишь кашки, а в итоге попадаешь на страницы романов, и думаешь, а может, у меня правда уже крыша съехала от любви? Вот не буду больше тебе помогать, или три процента плати.

– Ну, я не думал, что ты все это воспримешь как личный выпад против себя, Света. Я бы тебе не давал вообще читать, давай будем считать, что не было этой рукописи, о'кей? Я уже тысячу раз пожалел, что, хотя бы гипотетически, не поставил себя на твое место. Женщины, с вами ну просто как на передовом фронте.

– Да ладно, разве я могу на тебя злиться. Мне тут кое-то понравилось. Мягкий намёк на инцест с сестрой, например.

– Где ты увидела этот намёк, и вообще, причём тут сестра?

– Ну, как тебе сказать, Владик...



– Говори, как есть.

– В общем, мне стало немного обидно (за себя) и я позволила, так сказать, внести некоторые поправки в повествование.

– Так... Значит, ты взяла и грубо извратила саму мысль? О Господи, за что мне такое наказание!

– Гм... Уточни, какую мысль, я что-то там твоих мыслей не заметила. Вот сейчас это более цельное произведение. И не заламывай руки, у нас тут не водевиль и не мелодрама. Впрочем, как на это посмотреть. Не злись, это будет наш, так сказать, общий ребенок.

– Значит, я не ошибся в том, что и ты мечтаешь о лаврах писательницы?

– А почему нет, Владик? Вот сколько мы с тобой знакомы, столько мы с тобой и спорим. То пунктуация, то грамматика, то ещё Бог знает о чём. Вместо того чтобы наслаждаться свободным от забот временем. «Не довольно ли нам пререкаться, не пора ли предаться любви», а мы спорим до посинения, и потом уже непонятно, для чего вообще встречались. Литературные вечеринки, разбавляемые краткими минутами наслаждениями. Помнишь, в «Мантиссе», все эти скучные куски текста между постельными сценами? Так вот, у нас всё с точностью наоборот.

– Ну, что ты меня упрекаешь, ты же знаешь, я все время на работе, «есть у революции начало, нет у революции конца», выжат как лимон. У нас там такие бурные сцены, всех бы

уволил. И фарс, и трагикомедия. И я в главной роли. А так я добрый, ты же знаешь.

– Добрый? Ну, прямо как я!

– Что есть, то есть.

– Может, еще что есть, если поискать?

– Все, отдавай мою, твою рукопись, а то укушу.

– Только очередной критики я не потерплю, так и знай.

– Знаю, знаю, отдавай рукопись, посмотрим, критиковать или нет. Опять все фразы мои перевернула, наверное. Был стройный, логичный сюжет... Эх! – Владик схватил Свету за руку, и рукопись выпала из её руки.

– Ну, вот всегда так... – пробурчала она.

Они стояли близко друг к другу, и Владик улыбался своей обычной двусмысленной улыбкой. Внезапно ветер открыл форточку, и влетела синица. Они обменялись взглядами, и Свете показалось, что синие глаза Владика наполнили комнату прозрачным небесным раствором. В дверь редакционного кабинета тихонько постучали.

*Февраль 2002*

# Уральский чардаш

*Моим друзьям, не обессудьте, не обижайтесь,  
если что...*

Бывает ли так, что, выбирая книгу для чтения, ты невольно смотришь, а сколько в ней страниц? Раньше было проще – толстая книга – значит, чтение на несколько дней. Но в век скоростей и потоков информации хочется получить информацию быстро, в концентрированном виде. Предложения на всю страницу? Нет, это уже не для тебя. Развитие должно быть молниеносным, финал неожиданным, герои обрисованы парой фраз. Остальное додумается. И вообще, куда приятнее посмотреть боевичок, чем читать долгие рассуждения.

... Влад лежал на скрипучей кровати в своем недавно обретенном домике в деревне. За окном поднимался рассвет, и петухи радостно соревновались в утренней перекличке. Где-то мычала одинокая корова, вызывая хозяйку на дойку. Осень постепенно вступала в свои права, будто потихоньку сжирая прошедшее жаркое лето, мысли были тягучими, плавными.

Последний месяц в очередной раз перевернул его жизнь, и он всё пытался проанализировать воспоминания былых лет, но анализ не получался, в голове вертелось: «красотки, красотки, красотки кабаре».

... Было такое же лето, только жарко было от странной надвигающейся на всю страну катастрофы. Но до этого была эйфория от перестройки. А у Влада был жаркий период домашней перестройки – рождение сына и начинающиеся конфликты с женой.

Он вышел в магазин за сигаретами, но, выйдя из гастронома у «башни смерти», отправился ко дворцу культуры. Волной накатывался июльский вечер, около фонтана перед дворцом сидели молодые парочки и даже одинокие старички. Народу прибавлялось, потому что только что кончился спектакль Свердловского театра музыкальной комедии.

С бокового входа Влад заметил выходящую девушку, которая озиралась по сторонам, немного прищуриваясь. Лёгкой походкой на высоченных каблуках она побежала в сторону Компроса. И вдруг неожиданно упала, подвернув ногу, споткнувшись о щербатую дорогу. Влад среагировал мгновенно.

– Девушка, давайте я Вам помогу.

Он стал разглядывать её испуганное лицо, на котором отображалась боль. Тёмные глаза, немного вздёрнутый нос, мягкие губы.

– Чем Вы можете помочь...

– Давайте провожу. Вызову машину, у меня есть знакомый таксист. Вам нужно в травмпункт, потом куда скажете.

Девушка кивнула, ей пришлось опереться на его руку, вставая. Она попыталась встать на подвёрнутую ногу, но тут

же вскрикнула от боли. Влад бережно подхватил её и донёс до ближайшей скамейки.

– Я сейчас, зайду во дворец и позвоню. Ждите.

Странное чувство охватило его, как только он направился к зданию. Минутка любезностей с вахтёршей, и он стал названивать сначала в скорую, потом передумал и вызвал своего приятеля с машиной. «А вдруг перелом, не навредить бы, – лихорадочно крутилось в голове, – Нет, нормально всё будет».

Девушка сидела на скамейке, нагибаясь в сторону, чтобы легче было терпеть боль. Влад присел рядом и закурил.

– Как Вас зовут?

– Настя.

– Меня Влад. Вы работаете во дворце? Вышли со служебного входа.

– Нет, я с театром приехала, на гастроли.

– Ну, и как Вам наш город?

– Нормально. Только я мало что видела. У нас то репетиции, то спектакли.

– Это интересно. А вот и машина.

В травмпункте вывих поправили, наложив повязку. Настя сидела в машине грустная. Влад пытался шутить, но она над шутками не смеялась. В гостинице она жила в отдельном номере, и Влад поднялся к ней. На кровати валялся забытый халат, в остальном номер был неуютный и казённый.

– Может, перейдём на «ты»? – предложил Влад, усадив

её на кресло. – Хотя, к чему нам быть на «ты», к чему, как писали классики...

– Да, так проще. Спасибо тебе, что ты мне помог. Я даже не знаю, это какой-то случай нас свёл... Единственно, танцевать не смогу. Завтра уж точно придётся пропустить спектакль. Я должна позвонить руководителю.

Она пододвинула телефон на столике около кресла и стала быстро объяснять кому-то свою ситуацию. Вернее, ей казалось, что она объясняет быстро, на самом деле рассказ получился длинный. Влад сделал знак рукой, что пошёл искать курилку. Настя немного сморщилась, но кивнула. Между тем в душе поднималась волна узнавания, словно они были знакомы раньше, и близко знакомы. «Сколько ей лет? Кажется, лет двадцать, или меньше. В Свердловске я бывал до армии, но тогда она ещё в школу должна была ходить. Дежавю какое-то», – думал он, открыв настежь балконную дверь в курительной комнате. Он спустился вниз, где сидел администратор, бабушка лет шестидесяти, сосредоточенно считающая петли на спицах.

– Добрый вечер. Я сейчас проходил с девушкой, из номера 113, Вы, наверное, видели, она хромает, ей нужна помощь. Я сейчас паспорт оставляю и схожу за продуктами, потому что ей несколько дней нужен покой.

– Сходите, – не отвлекаясь от вязания, пробурчала женщина, – но имейте в виду, посторонним после 11 вечера нужно покинуть помещение.

– Да я понял, понял. Сейчас сбегая, предупрежу, чтобы меня не потеряли.

Влад побежал, перепрыгивая ступеньки. Настя сидела еще более расстроенная.

– Что-то случилось?

– Да, руководительница сказала, чтобы я ехала домой, спектакли она не будет переставлять из-за меня, будет играть напарница. Дело в том, что за меня попросили, я ещё ведь учусь в театральном.

– Понятно. Но ты не можешь прямо сейчас собрать вещи и поехать, верно? Тем более ночь на дворе.

– Да, она сказала, что пару дней можно остаться, пока ходить не смогу. А так везде заменит меня в спектаклях.

– Ну, вот и нос повесила. Эй, не раскисай, – Влад присел около неё на корточках и заглянул снизу, прихватив за подбородок. Внезапно он отдернул руку, потому что почувствовал, как по телу прошёл электрический разряд.

– Что? – удивлённо спросила она, распахнув глаза, которые сияли странным светом.

– Всё нормально... – Влад опустил глаза и тут же поймал себя на мысли, что электрическая волна только расширяется. – Я что хотел сказать. Ты, наверное, голодная. Я сбегая в магазин, куплю, что нужно и вернусь. А завтра зайду узнать, как дела. Идёт? Там внизу очень строгая тётя, напомнила мне про время закрытия лавочки.

Утром Влад проснулся от свежего ветерка из открытого

окна. С кухни доносилось обычное брэнчание посуды. В кровати мирно посапывал сын, только что получив свою порцию молока. Брэнчание посуды усиливалось, видимо, Надя ждала, когда он пойдет на работу. На работу и правда нужно было вставать, но на сегодня у него был совсем другой план, ему непременно нужно было к Насте. Он уже придумал, что сказать начальнику и как его задобрить, чтобы не было прогула. Завод потихоньку готовили к банкротству, поэтому на многие вещи смотрели сквозь пальцы, а Влад хорошо ладил со своим начальником, потому что тоже покрывал его мелкие грехи. Итак, нужно будет пробежаться по Компросу и позвонить начальнику домой с телефона-автомата. Влад улыбнулся, вспомнив вчерашний вечер. Настя была как свежая роза, даже не понятно, в чём очарование – в том, что она беззащитна, или в том, что, наоборот, упряма, потому что пришлось её уговаривать на сегодняшнюю встречу. Она всё твердила, что к ней зайдут девчонки и принесут всё, что нужно. Но Владу так хотелось стать её покровителем. Бывают же такие внешне слабые женщины, которым сразу хочется служить. Ах, да, она играет Стаси в той оперетте. Мягкая, беззащитная, мгновенно вспыхивающая и пронизательная. Роль небольшая... Или, нет, может, на самом деле она Сильва, роковая женщина, яркая, сильная, «ты божество, ты мой кумир»... Сумятицу в голове прервала Надя, появившаяся на пороге комнаты.

– Ты встаёшь?



– Смотря в каком смысле. Пацан вроде бы спит, а?

Надя негодуяще посмотрела на мужа. Влад провоцировал, на самом деле он не хотел смешивать ощущения, ведь он собирался к юной деве. Надя тоже ещё нестарая, но привешаясь. И вечное её недовольство. И её упреки, что он её не ценит. Надоело.

– Ладно, я пошутил. Сейчас в душ и на работу.

Лицо у Нади смягчилось. Мальчик в кроватке начал просыпаться.

Влад молча выпил кофе на кухне, чмокнул для приличия жену в лоб и вышел из дома. В ближайшем телефон-автомате он набрал номер начальника и наплёл с три короба о внезапно приехавшем кореше и позарез нужному выходному. После этого он отправился в гастроном, накупил вкусностей, благо он заметил, что в номере был холодильник. Вкусности легко удавалось купить потому, что в магазине работала старая знакомая, а так очень многое было дефицитом. Цветочные магазины ещё не работали, и вообще время было ещё неприличное для визитов, хоть Винни-Пух и ходил в гости по утрам.

Настя выглядела с утра отдохнувшей и даже повеселевшей. Она благодарно приняла вкусные подарки, а ещё кофе из термоса, который прихватил Влад, пока Надя уходила в ванную.

– Кушай, детка.

– Я не детка, – говорила Настя, жуя бутерброд, – Меж-

ду прочим, я всё время учебы подрабатываю, на репетиции хожу, и даже в кордебалете выступаю. Это моя первая роль большая.

– Ты смешная девчонка, но это мне и нравится. Что нога?

– Лучше. Я даже смогу ходить, но прихрамывая, – она встала с кресла и прошлась, подволакивая ногу, – но уже почти не больно.

– Вот и славно. Значит, у тебя сегодня свободный день, верно?

– Да, но мне тут принесли билет, поздно вечером поезд. Ты меня проводишь? Я не ориентируюсь в городе, – она доверчиво посмотрела на Влада, голос звенел просящей ноткой.

Сколько раз он попадался на эти женские уловки, но... Но это было приятно, а мысль работала лихорадочно – остаётся только день, чтобы хоть как-то зацепить её воображение, она уедет, и всё... Мысль стучала, словно колокол. Настя продолжала весело щебетать, а Влад достал сигарету и стал мять её в руках. «Мне уже тридцать, вроде бы есть жена и сын, но нет гармонии. Романы уже не радуют, хочется большой и чистой любви, – продолжал мысленную экзекуцию он. – Но с чего ты решил, что эта девочка может дать тебе счастье, или ты можешь ей это дать? Ты же не принц и ничего не можешь ей предложить кроме себя».

– А ты учишься на актрису?

– Да. И вокалом занимаюсь. Вот, отец помог устроиться

на практику, это у меня как практика идёт.

– Понятно. А я простой работяга на заводе. Лужу, паяю, примус починяю... В общем, скука одна.

– Да нет, не скука, наверное, просто я ничего в этом не понимаю, – она снова улыбнулась своей беззащитной улыбкой, а Влад мягко погладил ее по руке.

Настя отдернула руку, словно обожглась.

– Да не бойся меня, – примирительно прошептал Влад.

– Я и не боюсь.

– Сколько у нас времени? Хочешь, покатаемся по городу?

На самом деле предложение было рискованное, потому что товарищ, который вчера исполнил роль таксиста, ничего ему не обещал. Возникла пауза в разговоре, девушка обдумывала предложение.

– Знаешь, я готова просто погулять, хотя бы до набережной. Я сегодня себя чувствую получше. Мне неудобно... обременять тебя. Давай просто погуляем недалеко, а потом я буду собираться на вокзал.

Они вышли на липовую аллею, и этот прямой путь стрельы, такой постоянный, от башни смерти к галерее, настроил наконец беседу на нужный лад. Вернее, никакого чёткого плана и не было, просто беседа, как говорят, потекла рекой. Настя рассказывала о детстве, о том, как она играла всегда с мальчишками, о брате, отце, об институте и какие у них творческие преподаватели. Вокруг ничего не существовало – ни разрушающейся в преддверии развала страны, ни скри-

па троллейбусов, ни прохожих. Влад и сам разговорился. А потом они начали вспоминать смешные случаи из жизни, и как она смеялась... Лучшая картина в жизни, Настя смеется, а вокруг солнечные зайчики, проскакивающие сквозь листву старых деревьев. Счастье... Он даже поцеловал её в щёчку, и она не отстранилась, потому что было всё так естественно, просто и божественно одновременно.

Потом он приехал в Свердловск, нашёл её в театре. У неё был пятый курс, учёба практически была закончена. Это было уже ближе к зиме, она всё время была занята, потому что пыталась найти новогодние «шабашки». В театре ему дали адрес, в путеводителе что-то было про этот район, Уралмаш. Влад вспомнил её удивлённые глаза, когда она открыла дверь. Первая реакция была, что вот сейчас выйдут родители и спросят, кто к ним пожаловал.

– Ты не бойся, мне есть где переночевать, – с порога объявил Влад.

И она сразу успокоилась, пригласила в квартиру. Они сидели у неё в комнате, когда постучал отец. Знакомство прошло отлично, потому что отец работал на производстве и держался просто и без лишних церемоний. Потом отец поинтересовался, где они познакомились, и поблагодарил за помощь. Знал бы он, чего стоило Владу взять отпуск и отправиться в соседний город. Надя что-то чувствовала, и откуда эти женщины всё знают. Ведь в то время не было ни социальных сетей, ни мобильных телефонов. Она понимала, что

с Владом происходит что-то не то. Но на расспросы он отвечал, что нервотрепка на работе, и вообще, скоро начнутся увольнения. Поэтому его частые вечеринки с друзьями сходили с рук. Да и кто в эти годы не увлекался алкоголем. Наверное, просто люди не хотели мириться с предчувствием катастрофы. Или просто это была молодость, когда хорошая компания важнее комфортных условий.

Он сейчас смутно вспоминал ту счастливую неделю, когда у них уже обозначились отношения. Но ему пришлось рассказать, что он женат. Да, женат, но уже собирается оформлять развод. Держит только сын, мальчику нужен отец. Он шептал нежные слова, обнимая её в номере гостиницы. И ему казалось, что Настя ему поверила.

Приближался новый год, а неделя романтики заканчивалась. Расставаться было очень трудно. Они договорились переписываться, но в целях конспирации она должна была писать «до востребования». И ещё он звонил ей по вечерам, когда выходил в гастроном, бежал в почтовое отделение и звонил по междугородке. Сейчас это кажется смешным, когда можно позвонить хоть в Австралию.

Так незаметно прошло полгода, она получила диплом и стала выбирать распределение.

– Влад, – Настя немного помолчала, – у меня есть возможность получить распределение в Пермь.

– Это очень хорошо, – осторожно ответил он.

– Мне дадут служебное общежитие, единственно, артист-

кой оперетты мне не быть. Придётся играть романтических девочек в ТЮЗе, чего доброго, и зверушек.

– Не страшно. А когда ты приедешь?

– Где-то в конце лета. Мы с родителями отдохнем на юге, а ты готовься.

В тот момент он понял, что нужно что-то решать с Надей. Как назло, он начал уже мириться с таким положением вещей. Весной он закрутил лёгкий роман для настроения, и в общем-то его всё устраивало. А тут Настя... А с ней нужно серьёзно. Она серьёзная. Он понимал, что приближается время X, когда или жена – или никто.

Выбор, делать выбор. Почему так в жизни всё устроено, что ты постоянно находишься в ситуации выбора? Ведь самая естественная реакция, когда жизнь прижимает к стенке – это просто сбежать. Почему нельзя не выбирать? Настя не требовала словами, но она точно ждала. И в этом Влад быстро убедился, когда продолжил не сопротивляться этому странному влечению.

В театре была своя компания и свои страсти. Настя подружилась с одной девушкой, Луизой. Высокая, немного угловатая брюнетка была её ровесницей, или на год старше. Но она была какая-то мудрая. Влад часто ходил на спектакли, а потом ещё оставался в гримёрке и на многочисленные вечеринки. Луиза с одной стороны была ужасно компанейской, с другой стороны, вечно уединялась с кем-то поговорить по душам. Ей давали роли каких-то тётушек, бабок Ёжек и про-

чее проходное. Но она не жаловалась. В театре её любили, а уж для Насти она стала практически личным психологом, хотя тогда это не было в моде.

Каждое утро Влад вставал с мыслью, что пора уже что-то решать. Надя молча и понимающе провожала его, а ночью он приходил в то время, когда все уже спали. Или вовсе не приходил, оставался у Насти.

Иногда он думал, что попал в омут. Просыпался ночами, видя странные сны, что его зовут куда-то странные женщины, лиц которых он не мог различить. Настя была омутом. Надя была болотом. Но он тянул время...

Луиза ждала его возле выхода из театра.

– Я с тобой пойду.

– А Настя?

– А Настя осталась с режиссером репетировать.

Влад был неприятно удивлен, потому что ничего не знал о странной репетиции.

– Ничего не хочешь сказать? – начала издаലെка Луиза.

– А что-то случилось?

– Ничего не случилось. Но ты можешь её потерять.

– А, теперь я начинаю понимать... Режиссер клеит мою Настю?

– Не думаю. Но мне кажется, что она ждёт от тебя более решительных шагов. Чего-то мужественного, наверное.

– Луиза, пойми, я готов на все ради нее. Понимаешь, сейчас сложный период. У меня с деньгами не очень. И потом,

мы где-то жить должны, а у неё что-там, служебная комнатка. Я сейчас прошупываю пути, возможно, как-то удастся разъехаться с Надей. Она подозревает, это точно, сложно уже не понять. Но она ведёт себя хорошо, не устраивает скандалов, как раньше. Думаю, постепенно мы решим с ней все вопросы.

– Я тебя понимаю, Влад. Но мне так кажется... Мне кажется, что она устала ждать, понимаешь? Она же женщина, и ей нужна семья.

Луиза, милая, добрая Луиза, ты пыталась меня наставить, пыталась помочь. А я дурак. Так думал Влад, когда получил стандартную открытку-приглашение на свадьбу. Как такое произошло, он не понимал. Караулил Настю у выхода, а она шла через другой вход. Переехала к жениху, а с ним не стала разговаривать и объяснять. Жених-то тот ещё... Ничем не лучше, чем Влад. Моложе, правда. Влад продолжал караулить, и увидел, как они выходили вместе, она даже не взглянула в его сторону. Вспомнилась «Свадьба Кречинского», пытался что-то выгадать, а в итоге потерял чистую любовь. «Шерше ля фам», но, когда женщину найдешь, она может легко и просто ускользнуть. Да и вот ещё, княгиня чардаша, не успев остыть от одной помолвки... Только тут жених не липовый, самый настоящий. Конечно, он не пошёл на свадьбу, а тихо заливал своё горе дома.

О жизни его любимой слухи долетали нечасто. С Луизой он созванивался, они стали настоящими друзьями. Так дру-



жить умела только Луиза. Без кокетства и обмана. Настоящий товарищ, не предаст. Почему он не оценил её раньше, когда она была ещё девушкой с лебединой шеей, как у светских красавиц Натальи Гончаровой или Полины Виардо? Светских и красавиц, у которых порода... Да, порода, как говорил князь Леопольд в исполнении старого советского артиста. Он не заметил Луизу. И она просто вышла замуж за какого-то среднестатистического инженера. Потом и вовсе покинула театр, где, в общем-то, карьера шла не сильно хорошо.

Настя между тем родила дочку и всю строила свою карьеру организатора, проводя многочисленные корпоративы, свадьбы, которые почему-то очень любили проводить в те времена. Люди стремились к общению и празднику. А сборища в театре стали утихать, но часть тусовки мирно переехала в новую квартиру Луизы, которую ей подарили родители.

Влад всё-таки развелся с женой и снова пустился в свободное плавание. Романы, женитьбы, всё это шло сплошным потоком, такова жизнь, чтобы проживать её на волне эмоций, а не в скучном тлене.

Подрастал сын, уменьшалось количество волос на голове. Жизнь проходила. И взрывы эмоций казались тусклыми и в целом ненужными. Жизнь... Страшная штука, если разобраться. Это он понял, валяясь на больничной койке с инфарктом. Луиза звонила, спрашивала, что принести. Почти

как верная жена. Он нашёл старый слайд, где она готовилась к какому-то спектаклю, какая-то редкая роль девушки в сказке. Лицо, в полупрофиль, поднятые вверх руки. И взгляд тёмных глубоких глаз. Этот взгляд не изменился, он будет такой всегда. Неважно, Луиза, что ты уже не так стройна и свежа. Важно, что ты не изменилась душой.

– У нас тут небольшой юбилей, собираемся у меня на даче, – прошептала Луиза своим по-прежнему девическим голосом, чуть-чуть разбавляя его грудной интонацией. – Собираемся, как раньше, помнишь премьеру?

– Да я тут только-только выпрыгнул с больничной койки, но приеду всё равно.

Луиза немного помолчала.

– Настя ещё приедет.

– Ну, это же хорошо. Кстати, как она?

– Да в норме, работает, как всегда. Про тебя спрашивала. Я ей сказала, что ты болел.

– Ну вот, теперь подумает, что меня можно пожалеть. А я бы этого не хотел.

Он волновался, как тогда, когда поехал в Свердловск. На даче вспоминали былые дни, веселились, пили, немного грустили. Когда стемнело, он заметил в саду, в далекой беседке, светлое пятно. Настя отошла от дома, будто хотела уединиться.

– Не помешаю?

Влад старался держаться предельно галантным, как тогда,

когда играл роль спасителя.

– Да нет, что ты, – усмехнулась она, гася сигарету, – Я вообще не курю, просто сегодня накатило. Думала, расплачусь, когда увидела всех наших.

– А мне кажется, было очень весело. Да, ты не замёрзнешь? – он стянул с себя толстовку и накрыл хрупкие плечи. Она по-прежнему хрупкая, как и тогда, только голос уставший, взгляд испуганный.

– Почему ты так сделала?

– Я хотела тебе объяснить. Вернее, пыталась объяснить. Но ты меня не услышал. Ты решал свои экзистенциальные проблемы. И вышло так, как вышло.

– Ты замужем сейчас?

– Положение неопределённое, так скажем. Или кто-то думает, что определённое. А кто-то нет. В общем, то шторм, то штиль, – она улыбнулась, и в сумерках Владу на минуту показалось, что это было как тогда, сколько же прошло, почти тридцать лет.

– Прости меня. Я могу хоть чем-то загладить свою вину?

– Да брось, Влад, мы были молоды. Сколько лет... Вся жизнь, по сути. У тебя ведь есть сын, у меня дочь, всё хорошо. Да, накатывает иногда прошлое.

– А у меня-то как накатывает. Ты веришь, нет ли, были бабы разные. Но вот вспомню – и всё, будто жизнь зря. И время, время ушло безвозвратно.

– Не зря, – Настя встала, толстовка упала на пол беседки.

Влад нагнулся за ней, и запах едва слышных духов защекотал ноздри. Кажется, раньше у неё были «Пани Валевска» или «Быть может», да, что-то польское. Ну да, почти как Сильва Вареску не княжеского рода. В глазах немного помутнело, он покачнулся.

– Эй, что с тобой? – Настя обеспокоенно придержала его за руку.

– Ничего, ветерок из молодости. «Помнишь ли ты... Как счастье нам улыбалось. Как мы с тобой расставались», – пропел он чуть охрипшим голосом.

– Помню, помню. Ты нормально себя чувствуешь?

– Конечно. Я даже готов прокатить тебя до реки. И даже до своего домика в деревне за сто километров отсюда.

– Неудобно как-то... Сто вёрст по реке.

– Такая большая девочка, а всё стыдишься чего-то. Поехали? Я как раз трезв, как стекло. Всё ждал, а вдруг захочешь прокатиться. Да и арию могу тебе спеть.

Машина стояла во дворе, где-то в окне Влад увидел фигуру Луизы, которая помахала одобрительно ему рукой. Как в каком-то старом забытом фильме, кто-то близкий и родной машет тебе вслед, откинув белую занавеску. Мотор взревел, Влад отъехал немного и выскочил закрыть ворота. Настя сидела неподвижно на заднем сиденье и молчала. Ночные фары зашарили по дороге, как слепые ощупывают незнакомый предмет. Молчание, молчание, молчание...

И долгие разговоры, разговоры, разговоры... Почему, по-

чему это происходит с нами сейчас, а не тогда, тридцать лет назад. Почему сейчас мы понимаем, сколько времени упущено, хотя ведь неизвестно, вдруг и наговорились бы до такого состояния, что сказать нечего. Но это если бы. А это сейчас.

... Влад вышел в поле, бывшее колхозное, заросшее травой и васильками. Выхватил упругую стрелку сладкой осоки. Зажевал, жмурясь на уже застывающее осеннее солнце. Жизнь, жить, любить, радоваться. Слова подпрыгивали в голове цветными шариками. Господи, какой я мальчишка, влюблённый мальчишка. «Можно часто увлекаться, но один лишь раз любить». Зазвонил телефон.

– Да, милая. Жди меня, я уже скоро вернусь, – Влад расплылся в улыбке, – Да, ничего не готовь, я тебя сегодня удивлю, – улыбка становилась шире и шире, – розы – это цветы, их не готовят, ими любят...

*25 октября 2021 года*